

|||

литературный журнал

Процесс

Светлана Волкова, Анастасия Галкина,
Сергей Ерофеев, Андрей Железников,
Антон Заяханов, Алла Мелентьева,
Георгий Панкратов, Андрей Прокофьев,
Олег Пряничников, Степан Ратников,
Юлия Старцева, Инесса Ципоркина,
Василий Ширяев

июль-сентябрь 2014

ПРОЦЕСС

№ 3 (5) 2014 (июль-сентябрь)

Литературный журнал

ISSN 2336-131X

Главный редактор Антон Нечаев, дизайнер Дядька Ветер.

Авторы:

Светлана Волкова, Анастасия Галкина, Сергей Ерофеев,
Андрей Железников, Антон Заяханов, Алла Мелентьева,
Георгий Панкратов, Андрей Прокофьев, Олег Пряничников,
Степан Ратников, Юлия Старцева, Инесса Ципоркина,
Василий Ширяев.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

www.litprocess.ru

*Издательство Анимедиа Компани с.р.о., адрес Йиндржиха Плахты
595/6, Смихов, 150 00, Прага 5, Прага, Чешская Республика
animedia.company@gmail.com*

Редакция :

Главный редактор Антон Нечаев, ant-nechaev@yandex.ru

Редактор Александр Слемзин, aa.slemzin@gmail.com

Технический редактор Артём Илларионов, art.illarionov@facebook.com

«Wo war der Richter, den er nie gesehen hatte? Wo war das hohe Gericht, bis zu dem er nie gekommen war?»

Der Prozeß Franz Kafka

Создатели журнала воспринимают текущий литературный процесс максимально широко и лояльно; отстаивают его изменчивость и подвижность и, не пытаясь примирить непримиримое, в равной степени уважают все его литературно целесообразные ответвления.

Журнал выходит в формате электронной книги 1 раз в три месяца, фрагменты текстов предварительно публикуются на сайте журнала. Издание преимущественно посвящено современной прозе.

Редактор Антон Нечаев

Адрес: litprocess.ru

E-mail: ant-nechaev@yandex.ru,
animedia.company@gmail.com

Редакционная коллегия: Булат Аюшеев (Улан-Удэ), Леонид Зольников (Красноярск), Вячеслав Корнев (Барнаул), Игорь Кудрявцев (Кострома), Игорь Кузнецов (Кемерово), Богдан Матюшкин (Армавир), Юлия Старцева (Санкт-Петербург), Илья Трубленко (Сергиев-Посад), Светлана Фадеева (Ростов-на-Дону), Евгений Эдин (Красноярск).

В третий номер журнала «Процесс» 2014 г. вошли произведения прозаиков и эссеистов из гг. Верхняя Салда, Жигулевск, Киев, Москва, Новокузнецк, Санкт-Петербург, Улан-Удэ, Южно-Сахалинск; пос. Вулканый Камчатского края.

Содержание

Рассказ	5
Форт полуострова Эскимо (<i>Сергей Ерофеев</i>)	6
От проституток – в театр и обратно (<i>Андрей Железников</i>)	17
У М. было два дня (<i>Антон Заяханов</i>)	39
Невидимый сад (<i>Алла Мелентьева</i>)	44
Выброшенные (<i>Андрей Прокофьев</i>)	53
Свадебный гость (<i>Олег Пряничников</i>).	57
 Эссе	61
Такая страшная, сверкающая красота! (<i>Юлия Старцева</i>)	62
 Критика	64
Ждали-то Бога, а прислали-то Вас (<i>Инесса Ципоркина</i>)	65
 Стихотворения в прозе	73
Говори потише (<i>Anastasия Галкина</i>).	74
 Повесть	92
Национал-лингвисты следят за тобой (<i>Светлана Волкова</i>)	93
Спальный район. Роман с камнем (<i>Георгий Панкратов</i>)	132
Гоша Синичкин вещает. Откровения охранника (<i>Степан Ратников</i>).	193
 Роман	248
Копошило́сь (<i>Василий Ширяев</i>)	249
 Об авторах	264

Рассказ

Сергей Ерофеев
г. Новокузнецк

Форт полуострова Эскимо

(Немецкий текст Зариной Кулиевой, г. Вупперталь, ФРГ)

И сильные вышли и стремились идти,
чтобы пройти землю; и он сказал:
идите, пройдите землю,
— и они прошли землю.

Книга пророка Захарии, 6–7

1.

Мирек спешил. Он спешил как никогда. Он никогда не спешил так по пятницам. И не боялся опоздать на автобус. Да и не любил он автобусы. Привык, но не любил. Там, где он жил теперь, да еще и с женой и дочкой Радмилой, эти длинные, желтые, пышущие жаром остекленные монстры были необходимостью. Иногда, провожая дочь в школу, Мирек даже ловил себя на том, что смотрит вслед. И только когда туша вагона, описав широкую дугу, скрывалась за поворотом, теряясь в проулках и ущельях коттеджей, он поворачивался и уходил, смоля папиросу.

В автобусах были трубчатые поручни, обернутые белым и красным пластиком, резко пахнущие химикалиями скрипучие сиденья, в целом удобные, но не настолько, чтобы восхищаться инженерным гением сотрудников «Форда»... И эти люди. Особенно в центре. Их было много. Разные. Разной наружности. Разных национальностей. Палитра оттенков шевелюры. Говоров. Выговоров. Немцы, русские, словаки, сербы.

И лишь из динамика раздавалась непривычно правильная английская и французская речь.

Автобусы... Бывают еще экскурсионные автобусы. Иногда люди, отработав какой-то срок, решают, что им необходим отдых. Видимо, под отдыхом они понимают новые впечатления, потому что автобус с отдыхом у людей вменяемых никак ассоциироваться не может. Они надевают теплые вещи, привычно складывают в рюкзаки дневной паек и едут осматривать примечательные места: дома знаменитостей, горы, водопады, озера. Если едут на несколько дней, – останавливаются на ночь в палатках, готовят на костре варево из полуфабрикатов, черпают ложками тушенку из серых жестянок, пьют дешевое вино из железных кружек и пытаются забыть о доме. Но Мирек думал о доме, и именно поэтому спешил на автобус.

Эти тяжеловесы в мире машин ходят по определенному графику. Каждый час, например. Или два. Или дважды в сутки, если маршрут пролегает через совсем небольшие поселки. Или если экскурсия не популярна. Или если это школьный автобус. А бывает, что он приходит лишь несколько раз в неделю. Или один раз. Например, по пятницам. Тот, на который опаздывал Мирек, приходил только по пятницам. И то – не всегда. Ведь это был экскурсионный автобус. Длинный, желтый, с эмблемой «Форда» на пышущей жаром решетке радиатора.

Он приходил так редко, потому что маршрут пролегал через совсем небольшие поселки. И потому что экскурсия была не слишком популярна. В это время года. Холодно, промозгло. Туристы спасаются под разноцветными пуховыми куртками и ватниками, заматывают носы плотными шерстяными шарфами и выезжают на побережье, переночевав в теплой гостинице в Бенбоу. Побродив немного вокруг форта и взобравшись на стенки, всматриваются они в ясную или же зыбкую даль, будто надеясь высмотреть на схваченной льдами равнине французские крейсеры, а потом едут искать белых медведей.

В прошлом году Мирек сам привозил сюда дочку – поглядеть на океан, естественно, – летом. Он никак не думал, что будет спешить на этот автобус зимой. В такой холод. Как, наверное, тепло и хорошо в автобусе. Яркие ватники и куртки создают настроение, новенькие мягкие кресла так и призывают расслабиться, вкусить неги и безмятежности. Как убаюкивает вибрация двигателя, подспудно вливающаяся в пальцы через ручки и подлокотники, обернутые белым или красным пластиком. Он не любил автобусы? Черта с два.

Автобусы? Да он их обожал! Воистину, это одно из высших благ цивилизации! Благословен наземный пассажирский транспорт, дорожное полотно, движки и покрышки!.. Но как же тяжело до них добираться. Ползком.

2.

«Красную птичку» тогда искали все, кому не лень. От Якутии, будь она трижды неладна, до Аляски. Ну, Советы – понятно. А в Штатах... Кто летал из простой солидарности. Кто за престижем – утереть нос расхваленным «соколам». Ходили слухи о золоте.

Мирек с Карлом тоже искали. Арендовали борт. С двумя русскими, встреченными в Аяне в двадцать третьем. Когда покупали в складчину револьвер, чтобы застрелиться. Искали до сентября. Без толку.

3.

– *Hallo, Nachbar!* – крикнул ему Карл по утрянке, не то что не дойдя до порога, а едва обогнув мусорные баки. – *Hast du das schon gelesen?* «*Der erste Sowjetische kommerzielle Transpolarflug*» ist misgelungen...

– *Und?* – Мирек продолжал невозмутимо орудовать шваброй, промывая плахи террасы.

Вместо ответа тот сунул ему в руки свежую газету.

– *Errinnerst du dich an ihn?* – ткнул он пальцем в фотографию на первой полосе.

Мирек чуть не выронил швабру.

– *Gibt's doch gar nicht...**

4.

Форт Принца Уэльского построен еще в восемнадцатом веке. Конечно же – англичанами. Конечно же – от французов. Да, впрочем, и от местных. Возвышаясь над устьем полноводной Миссинипи, он представлялся надежной защитой от любых посягательств картавых авантюристов. Одним своим видом повергая аборигенов в благоговейный трепет, форт был домом властей и символом власти.

Сюда сплавляли мужчины-кри юркие лодки, желая обменять дары Маниту на слезы зеленого змия, сюда приходили иннуиты с мехами и костью. Не утлый частокол степных ру-бежей, не сосновые заплоты «свободных колоний», не земляные валы Квебека, – дикий суровый камень образовал четыре правильных бастиона прибрежной твердыни.

Неприступные крепости часто сдаются без боя. Гарнизон уступил форт Лаперузу без единого выстрела. В самом деле, ну кому в здравом уме придет в голову драться с залетным корсаром за кусок булыжного пляжа на краю стылого моря? Расчет был верен. Короткое лето окончилось, и форт вернули владельцам. За ненадобностью. Его ведь нельзя унести с собой. И сносить – разоришься. А там уж и хозяева его бросили. Зачем, думалось им, поддерживать то, на что не заряется лягушатники? Пустые траты. Может, поэтому так хорошо сохранился одинокий озябший страж Эскимосского полуострова, что на поверку оказался не нужным ни французам, ни англичанам, ни, уж тем более, местным?

* – Эй, сосед! Уже читал? «Первый советский коммерческий трансполярный перелет!» накрылся тазом...

– И что?

– Помнишь его?

– Вот те нате...

К концу Великой войны форт объявили достоянием нации, но лишь после депрессии смогли навести порядок и начали возить туристов. Поездом или самолетом до Бенбоу многие сотни миль преодолевают зеваки, чтобы попасть в эту глушь, окрещенную прессой мировой столицей белых медведей, – покататься по побережью – от поселка к поселку, пощелкать затвором «Лейки» с высоты бруствера.

Мирек и впрямь считал, что здесь очень красиво. Естественно, летом. Наглядевшись с высоты на россыпь озер Манитобы, семейство рас прощалось с Карлом, отбывшим своим одномоторном корыте к западным стойбищам. Переночевав в отеле, Мирек арендовал «Шеви» в китайской лавке и повез дочку в крепость. Впрочем, от переправы они решили пройтись пешком.

Этот медитативный пейзаж, ласкаемый солнцем, необычайно хорош. Вернее, хорош он – только ласкаемый солнцем. Ровный, как стол, раскрашенный тремя красками – болотной, серой и синей, он начинает выигрывать на оттенках и людском оптимизме. Низкая рамка седых куртин наполняет его странными смыслами, не более, впрочем, реальными, чем французские паруса на лазоревом горизонте. Дыхание северных льдов, крошащее старые камни, сходит почти на нет, и лишь растворенное в водах, передает галечным косам страх и предчувствие ночи.

Проехал автобус с туристами. Развернулся на отсыпанной гравием площадке и сдал задом к самому барабану. Шофер, усатый немолодой эмигрант, открыл дверь, и пестрая толпа потянулась через узкую брешь ворот во внутренний двор. Она просочилась сквозь стены казарм, окропила крошево рухнувшей кладки, омыла ржавые стволы батарей, вспенилась в теснинах аппарателей и растворилась где-то на территории. Был вторник. Летом автобус приезжает не только по пятницам.

По сути, внутри смотреть нечего. Форт интересен лишь издали, как акцент, как цель. Когда трогаешь босой ступней холодную воду речной губы и чувствуешь его присутствие. Ког-

да ищешь куриных божков в галечнике и видишь его боковым зрением. Когда бредешь по узкой гравийке к стоянке автобуса рядом с приземистым барбаканом и перебираешь в памяти кадры бесчисленных озер Манитобы и ценники в новой китайской лавке, а он тянет тебя вовнутрь массой тысяч тонн стройматериалов. Но это ловушка, обман, – внутри смотреть нечего.

И они опускали ноги в лазурь широкой губы Миссинипи; восторгались тенаровой синью бесчисленных мелких озер, виденных с воздуха; победав на пляже, искали куриных божков до самой стрелки ровного, словно стол, оптимистического пейзажа. И больше в крепость не возвращались.

5.

Ему и в голову не приходило ползти. Поначалу. Пока не пришли мысли. Пока он в конном строю имперских улан не вылетел прямо на пики. Пока не столкнулся с Карлом на улице Белгорода. Пока не стал оседать в снег.

Мирек знал, что лечь – это почти конец. Годам, проведенным в этой стране. Среди подобных ему. Что ездят в автобусах. Немцев, русских, словаков, сербов. Правильной английской и французской речи. С выговором. Светлому пиву с кнедликами. Чужому Северу. В чужой стране. На чужом континенте.

6.

Мирек оставил Карла и санки несколько часов назад. И больше о них не думал. Они будто растворились в молоке. Будто бы умерли. Карл. И санки. Иногда казалось, что еще слышна вибрация двигателя. Потом он вспоминал, что двигатель тоже умер. И очень не вовремя. Где-то позади, над пустым побережьем Гудзонова моря. Еще до того, как Миреку стало ясно, что он был неправ. Что он ненавидит Север и любит автобусы.

Карлу так и не купили новые «крылья». Пусть компания клялась и божилась. То ли денег жалели, то ли не за тех воевал. Когда от индейцев дошел слух о находке, лететь оказалось не на чем. Пришлось ему наспех шаманить своего «старичка».

От аэродрома Бенбоу взяли на северо-запад. Пересекли Миссисипи, оставив Эскимо справа. По словам поджарого скаута-кри, щеголявшего, на зависть округе, узорчатой вертикалкой и джинсой «Ливай-Стресс», где-то среди непролазных топей иннуйского пограничья он и обнаружил бомбардировщик.

И он не врал, запивая слова пльзенским в прокуренном баре, этот ковыряющий стойку субъект без левой половины лица. Синий хвост высоко торчал среди заметленной пустоты, словно заплыvший жиром обитатель морских глубин вынырнул, но был схвачен тисками колючего воздуха и вморожен в ледовую толщу. Но нет – напитанные влагой равнины к западу от Гудзона все же считаются сушей. Чудище попало сюда сверху.

Карл заложил еще один круг над павшим гигантом и, разглядев чуть поодаль обломки крыла, даже присвистнул. Еще бы. Асом военно-воздушных сил Карел Простак числился в те незабвенные времена, когда аэропланы мастерили еще из фанеры, а бои в небе были пальбой друг в друга из маузеров, наганов и сmit-вессонов. Такие машины в этой стране он видел лишь на картинках.

Но как пропавший советский борт попал сюда? В Манитобу? Что внизу именно он, – цель бесплодных поисков лучших авиаторов мира, – сомнений не было. Синь толстого туловища, розовеющие в снегу ошметья с кириллицей. Откуда он взялся здесь?

Никаким «сбился с курса» этого не объяснить. На трех движках от Врангеля на Гудзон добраться нельзя. Зна-

чит ложь – экипаж не летел к Аляске. Они метили в сердце Америки.

Вот это был бы фурор! Фантастика! Сродни концу света... Приземление такой «птички» в Чикаго, Торонто, Детройте... Коммерция? Да плевать на шкурки и золото! Это меняло все. И навсегда.

Рвануть напрямки сквозь полярную зону – значит решить проблему дальности. Переброска в район Великих озер в автономном режиме стратегического бомбардировщика, которым и был ДБ-А, возвестила б конец мицоукладу Антанты. Показав, что Америку, диктовавшую из-за океана правила игры половине земного шара, Америку, уверенную в полной своей безнаказанности, Америку «большой дубинки», можно было бомбить. А раз можно бомбить, можно и договариваться. Но – не долетели.

Мирек знал, – старый их с Карлом знакомец сделал все возможное и невозможное. Лучшей кандидатуры, пожалуй, и придумать было нельзя. Этот поляк не останавливался ни перед чем в стремлении услужить «сынам революции». Ни в ходе переворота, ни в продразверстку, ни потом – на сибирском фронте. Циничный, амбициозный, жаждущий славы, классово чуждый Стране советов и возведененный ею в герои, бывший поручик мог или утвердиться в статусе небожителя или оплатить его смертью – упокоиться в крылатом гробу, раскрашенном в родовые свои цвета.

И вот ведь что получается. Пока они с Карлом спасались в глухи от выродков из ветеранских организаций, люди – те самые люди, встреченные ими на пепелищах, – делали себе карьеры. А не мотались на одномоторных корытах по отдаленным стойбищам, почитая стабильность за благо.

Да, нельзя не записать себе в плюс, что есть дом, жена и дочка Радмила, школьный автобус, терраса, мусорные баки под окнами, друг Карл, да еще пара бывших легионеров из бара, что зовут его Миреком, но о том ли мечтал молоденький австрийский улан, пришпоривая своего Каюра и мча с шашкою наголо в лоб конникам Келлера? Конечно же нет.

8.

Мирек познакомился с Карлом еще в Белгороде. Вместе они шли по Транссибу. И в числе многих и многих так и не сумели вернуться домой. Дикая история в Приамурье – вотчины накокаиненных подъесаулов, возомнивших себя мессиями и спасителями Отечества – обещала им трибунал и расстрел. После была якутская авантюра, Аян, Камчатка, Аляска. А к двадцать восьмому году они окончательно осели здесь. В краю озер, хоккея и нетрезвых индейцев. В Манитобе.

Когда-то давно, по юности, Мирек только и грезил Севером. Севером и его славой. Вот только Север без славы был предначертан ему войной.

9.

Зал содрогался от чеканных звуков песни германоязычной аборигенки, привезенной в трюме с каких-то Богом забытых островов в качестве экзотического куска мяса. Убийственный акцент, придававший и без того матерным интонациям «наречия смелых» какой-то нечеловеческий, зоологический шарм, эрективными волнами разливавшийся по рядам общих столиков и коробам заполненных кабинетов.

Рядом сидели еще трое. Интеллигентного вида стариочек с козлиной бородкой и в золотых дугах очков что-то деловито рассказывал. Мирек смаковал пиво, заедая его безжалостно расчленяемым ломтиком «Эстерхази». Это место было единственным во всей Вене, где он мог спокойно выпить кружечку пльзенского.

– *Ich bitte noch mal um Ihre Aufmerksamkeit, Herr Graf.* – Мирек прислушался, а стариочек смущенно опустил глаза в стол. – *Das ist ausschließlich eine Forschungsreise. Heutzutage sind doch Jagdexpeditionen populär geworden. Da kann man Walrosse und Robben schießen... Ich möchte nicht die Fristen neu setzen... Das ist viel Arbeit... Sie verstehen doch, derjenige*

der zahlt... hat ein Recht dazu. Doch ich möchte das nicht... Wegen der Wissenschaft... Verstehen Sie...

– *Ich verstehe...* – участливо произнес Мирек.

– *Und sind Sie auch bereit die Expedition bei diesen Bedingungen zu finanzieren?*

– *Absolut, Herr Doktor. Absolut.*

Старичок просиял:

– *Ich verspreche es Ihnen, Herr Graf, die Geschichte wird Sie nicht vergessen. Ich verspreche, ich verspreche.**

И начал трясти его руку с зажатой в пальцах десертной ложкой.

10.

Пока Мирек преодолевал выветренные кусты и булыги низкого берега, последние фигурки исчезли с высоты бруствера. Револьвер с двумя оставшимися патронами, тот самый, купленный в Аяне смит-вессон, всегда лежавший заряженным под креслом пилота, он оставил Карлу. На случай, если мишки решат вернуться. Он попытался кричать, но не смог.

В эту пятницу были туристы. Был автобус. Массив флага тысячей тонн бесполезных стройматериалов закрывал от него барбакан, остановку и приторно желтый вагон «Форда», ждавший последних своих пассажиров, чтобы отправиться расчищенным зимником дальше к прибрежным поселкам.

По ту сторону изьюженного бастиона был припаркован последний их с Карлом шанс, и Мирек чувствовал как шанс этот ускользает из его рук с подачи немолодого усатого эми-

* – И еще раз обращаю ваше внимание, господин граф. Это исключительно, исключительно научная экспедиция. Сейчас ведь в моду входят экспедиции охотничьи. Пострелять моржей, тюленей... Мне бы не хотелось перекраивать сроки... Столько работы... Вы ведь понимаете, тот кто платит... вправе. А мне бы так не хотелось... Ради науки... Вы понимаете...

– Я понимаю...

– И вы согласны финансировать экспедицию на этих условиях?

– Безусловно, доктор. Безусловно.

– Обещаю, господин граф, история вас не забудет. Обещаю, обещаю.

гранта, сидящего за баракой. Он чувствовал, нет – знал это наверняка.

Еще добрых две мили до Бенбоу по ледовому панцирю Миссинипи ему не проползти. Поэтому он побежал.

11.

Мимо него на восток катила лава. Мимо него. На восток. В касках с волосяными султанами. В голубых расшитых мундирах.

Он начал видеть себя. Там, среди них. Юным богемским красавцем с графским титулом и приятным именем Мирослав, мечтавшим о Севере и его славе и считавшим войну двухнедельной заминкой в блистательных планах.

Пришпорив коня, несся он полем сжатой пшеницы на русские пики с шашкой в бледной руке.

12.

Мирек спешил. Он спешил как никогда. Он никогда не спешил так по пятницам. И не боялся опоздать на автобус. Да и не любил он автобусы. Привык, но не любил. Там, где он жил теперь, да еще и с женой и дочкой Радмилой, эти длинные, желтые, пышущие жаром остекленные монстры были необходимостью. Иногда, провожая дочь в школу, Мирек даже ловил себя на том, что смотрит вслед. И только когда туша вагона, описав широкую дугу, скрывалась за поворотом, теряясь в проулках и ущельях коттеджей, он поворачивался и уходил, смоля папиросу.

21.08.2014

Андрей Железников
г. Жигулевск (Самарская область)

От проституток – в театр и обратно

(рассказы из цикла «Цифровиком и клавишкой, или про энскую журналистику»)

Почем фунт яблоков?

Дожил. На девятом году журналистской карьеры попытались меня купить. Цену, правда, не узнал. Но не особо, наверное, задорого.

Редактор наша жуткий любитель промышленности. Статьи из жизни фабрик- заводов – тема ее обожаемая. Но больная. Потому что фабрик с заводами в Энске – раз, полтора и обчелся. Ну, есть пара «гигантов» местного разлива – завод цементный, завод таблеточный. Но они свой цемент с таблетками по всей стране продают, на фиг им в «Энском рабочем» пиариться, даже за бесплатно?

В общем, туго с промышленной тематикой. Поэтому, если какой-нибудь верняк производственный выцарапаешь, редактор на планерке покивает одобрительно.

Вот, трубы, например. Отопление. Тоже производство. И Яблоков, новый директор теплоснабжающей организации, на интервью вроде как бы согласен. Или как бы не совсем на интервью – а сначала что-то обсудить там... Секретарша Яблокова в трубку мямлит неясно.

Удивляюсь про себя, но в ООО «Отопительные трубы» еду.

Директор чуть не под локти меня берет, напротив себя усаживает. Рядом зачем-то материализуется юристка – высококаблучная и томноглазая. Как юристке и положено.

Яблоков щурится на меня хитро.

– А скажите, Андрей, а сколько вы в своем «Энском рабочем» получаете?

К чему бы это? Отвечаю преимущественно междометиями. Цифр не произношу. Не то чтобы такая страшная тайна – но от Яблокова мне нужно интервью. Чего где отремонтировали, чего еще отремонтируют. Спрашивать должен не он, а я.

Оказывается, у «Отопительных труб» нет пресс-службы и некому их, бедных, пиарить. А вот они-то как раз попиариться хотят! Дважды в месяц в газете светиться не против.

Убеждаю Яблокова, что это не проблема. Мы в «Энском рабочем» готовы всю вашу трубную деятельность во всех красках бесплатно живописать. Мы же производство любим!

Директор мнется. А если вы про наши трубы как-то не так напишите? Ну... не с положительной стороны. За бесплатно-то?..

Успокаиваю: мы газета городская, мирная (то бишь, нас городская администрация содержит, критики можно не опасаться). Да и вообще, вам все на вычитку пришлем.

Яблоков не сдается. Все по закону будет, никаких взяток, договор, полставка, зарплата... Вид мой непрезентабельный, не офисный, что ли, его на эту мысль натолкнул – что непременно на трубно-пиарную полставку позарюсь? Кроссовки, джинсы потертые? Так ведь то вид...

Чтобы побыстрее закончить тягомотину и перейти, наконец, к делу, перевожу стрелки на редактора – мол, через нее все денежные вопросы. Хотите платить – платите газете, не мне.

Но Яблоков хочет лично мне.

– Андрей, вы боитесь вашего редактора? – конфиденциально понизив голос.

Ни фига. И не в том даже дело, что я такой весь в доску честный. Просто мне от тебя, Яблоков, нужно интервью. Интервью. Ничего больше. Работать на тебя не собираюсь ни за полставки, ни за сколько – ты, вон, лучше возле моего дома на трубы изоляцию намотай.

Директор переглядывается с томной юристкой.

– Ну и что нам с ним делать?

Та глубокомысленно молчит. Яблоков поворачивается ко мне, помаргивает поверх очков.

– Я там вашему секретарю вопросы присыпал для интервью, – начинаю тянуть на себя одеяло.

– А, вопросы... – кисло реагирует Яблоков.

Юристка испаряется. Директор утыкается в листок с вопросами. Но расходимся мы с Яблоковым в итоге каждый ни с чем. Он без пиарщика-полставочника, я без интервью. Но хотя бы с сотовым специалистки сбыта, которая на мои вопросы ответить соизволит. А руководителю не барское дело голосовые связки напрягать. Да еще в присутствии человека, финансово от него независимого.

– Учите, – на прощание директор щурится уже строго, – мы вашу статью вычитаем и перевычитаем. С теми, кто писать умеет... У меня в Эмске редактор знакомый...

Это ты, Яблоков, меня задеть, что ли, хотел? Хх-е.

– Вычитывайте, вычитывайте, – киваю, усиленно изображаю дурака.

Хоть с президентом вычитывайте. Мне-то главное, что строчки будут. Пусть не с директором, со сбытовиком – один шут. Тему заявил – тему сдал.

От проституток – в театр и обратно

Есть в Энске традиция каждый год осенью проводить марафон. Да не простой, а экологический. Как это марафон может быть экологическим? Тут вся ответственность на авторах идеи. А с нас, журналистов, что взять? Наше дело – описывать. Вот и описываем.

Год назад проскользнуло у редактора в разговоре что, мол, на постоянных мероприятиях корреспондентов чередовать надо бы, а не из раза в раз на одну и ту же пляску – одного и того же человека. Они же, пляски, всегда по однаковому сценарию проходят. Проскользнуть проскользнуло,

но и в этом году на марафон заслали меня. Ну, съездить – съезжу. И написать – напишу. Но что самоплагиатом будет отдавать, тут уж чур я не виноват. Да и кто, кроме меня самого, прошлогоднюю статью помнит? Кто будет сравнивать?

Вот и ладно. С утра на площади – торжественное открытие. Чиновники, спонсоры, удачи спортсменам, экология, тарампам-пам. Дежа-вю, в общем, и не в квадрате даже, а в энной степени. День сурка.

Точнее, не сурка, а лисы. Лиса – это у энского национального парка символ такой. А парк – среди организаторов марафона. Чего они именно к лисе прицепились – бог их знает. Но прицепились накрепко, и раньше всегда на открытии марафона публику лиса в человеческую величину веселила – ростовая кукла такая. Вся из меха, только на ногах ботинки черные, людские вполне. Видно, меховые лапы жалко на асфальте пачкать. Реквизит денег стоит.

Но это раньше. А в этом году вдруг новшество. Выходит Патрикеевну представлять девушка в шапке и воротнике из лисьего меха. Натурального. Опа! Экологи, блин, защитники природы. Запомню новшество...

С площади уезжаем вслед за бегунами, старт у них посередине трассы, Энск с окрестными селами соединяющей. На полдороге редакционный водитель Николай-Саныч замечает:

– О, символ наш задавили. Выскочила из леса на дорогу, бедолага. Никому шкуру надо?

Ну точно, день лисы. Я, правда, из окна высовываться не стал, на несчастный раздавленный символ смотреть охоты нет. Но в сочетании с патрикеевницей шапкой и воротником крепкое такое получается впечатление.

Едем дальше, в положенном месте останавливаемся. Бегуны стартуют, фотокор запечатляет исторический момент. Снова едем, обгоняя – еще пофоткать. В ожидании марафонцев успеваем даже сходить в придорожный лесок по грибы. Все пять или шесть найденных подберезовиков торжественно презентуют мне, как самому младшему. Я размышляю, куда их деть? И еще о том, что правее леска – сельское кладбище,

и как-то не очень аппетитными на этом фоне грибы становятся... В конце концов сваливаю трофеи в пакет из-под бутербродов. Авось, на что сгодится.

Марафонцы миновали. Фотокор отщелкал. Опять едем – уже до финишной прямой в селе Крошкине. Теперь, пока спортсмены не прибегут, делать нечего совершенно. Бегут самые быстрые часа два с половиной. А самые медленные – все четыре.

Хотя почему же нечего? Можно в крошкинскую школьную столовку сходить. Даже не просто можно – это право законное для всех, и для организаторов, и для бегунов, ну и для журналистов. Редкий случай, когда и прессу кормят.

Поживиться, правда, особо нечем. Меню тоже по однаковому сценарию: гречка, капустный салат и пара сосисок. Последние – не по моей части вообще. А сочетание сухой гречки и сырой капусты это, я вам скажу... крошкинский деликатес, одним словом.

Прожевав, возвращаемся к финишу. Комментатор орет. Да, я не сказал, на нашем марафоне работает наемный комментатор из соседнего Эмска. Редактор тамошней спортивной газеты Менькин, халтурку на стороне берет. И так честно отрабатывает, что уши в трубочку сворачиваются.

Скоро лидер придет к финишу... Пришел! Задыхается, чуть на ногах стоит. Сорок с лишним кэмэ – это вам не баран начихал. Традиционная девочка в кокошнике нерешительно сует под нос победителю большую булку на полотенце, исполняющую роль каравая. Спортсмен покорно давится куском хлеба. Потом так же покорно встает под телекамеры. Я с диктофоном пристраиваюсь сбоку.

Хороший в этом году попался бегун, покладистый. Прощлый после финиша скрылся поспешно в окрестностях села и чуть не полчаса отдыхал. Девочка с караваем его ждать извелаась. А я не то чтобы уж извелся – но тоже ждал. Хоть на два слова, а то от начала до конца неудобно интервью с победителем выдумывать.

До награждения мы в этот раз терпеть не стали. Это еще часа два с лишним тут тусоваться – пока все марафонцы добегут, пока в баню сходят, попарятся. А торжественное действие в местном дэка тоже из года в год одинаковое. Все наизусть.

Уезжаем. Инна с Ксюшой, пресс-служба городской администрации, неожиданно подкидывают нам в машину попутчика. С телеканала оператор, из областно-столичного города нашего.

Ну, нам не жалко, сажаем оператора. Фотокор Михаил начинает попутчика расспрашивать. Он при случае у всех про все поразузнать любит, зато сам – лишнего слова никогда и никому. Жизнь знает.

А оператор молодой попался, разговорчивый. Вскоре мы в курсе, что зарплата у областных – нашей ровненько вдвое побольше. И сплошные сенсации: то с полицией в рейд – проституток отлавливать, то на театральную премьеру, то на убийство.

– А после «Рока нал Волгой», вот, с «Раммштайном» сюда, в ваши края ездили, отдыхали музыканты тут у вас. Вне сцены интеллигентные очень люди.

Ну, кому что. Мне «Раммштайн» и на сцене нравится.

– А еще недавно мы чупакабру снимали, – продолжает оператор.

– Кого? – переспрашивает Михаил.

– Чупакабру, сабака-вампир такая, – поясняет парень. – Ну, то есть, может, это и обычная собака была, а люди напридумывали просто. Мы когда приехали – ее ведь прибили уже. Бабуля одна. У этой бабули ножик с собой оказался, она зверюгу и уделала. Но с виду чупакабра эта – обычная собаченция черная...

Дальше – больше оператор рассказывает:

– Я в ту сторону, в Крошкино, сначала с директором национального парка ехал. Он все на спортсменов из окна смотрел и ржал: у того ноги кривые, этот вообще дурак какой-то. На полпути к заму вашего градоначальника пересел, по соц-

развитию зам, что ли. Он по дороге все останавливался, на водителей орал, чтобы они спортсменам не мешали, матерился.

Мы понимающие переглядываемся – хорошо этого зама знаем.

В понедельник на работе сообщаю коллеге Ире, какая у областных жизнь веселая: то к проституткам, то в театр. Не то что у нас – сплошная канализация, там порыв, здесь ремонт. Но у Ирины стажу побольше моего, ей посложнее – лучше. Да и сам только так болтаю, убийства живописать тоже большого желания нет.

Про лисью шапку не удержался, упомянул в статье. Подумал еще: последствия будут. Особенность энской журналистики номер один: попробуй, против шерсти кого-нибудь погладь, обязательно позвонят и выскажут.

Ну и точно, через два дня – звонок. Обиженный девичий голос:

– А что это вы написали, что костюм Лисы Патрикеевны неэкологичный был?

Объясняю:

– Ну, мероприятие экологическое ведь. Защита природы, туда-сюда, а у вас – лиса на шапке. В смысле, мертвая.

– Но это ваше мнение, а я этот костюм делала, старалась.

И везде-то у нас так: картины местного художника до художественного уровня не дотягивают – но он старался ведь... Лебедей из автомобильных покрышек на клумбах понастрияпали, красоту навели – э-э, что, простите? Красоту?.. Ну да, красоту. Старались же.

Везде одни старатели.

– Да, мое мнение, – вздыхаю в телефон. – Есть у журналистов, черт бы их побрал, такое право – высказать иногда свое мнение. Ну а вы свое выскажите. Напишите нам письмо, что костюм был самый что ни на есть экологичный. Мы опубликуем.

Девушка окончательно обижается и кладет трубку.

А я жалею, что энский журналист сказать может все-таки гораздо меньше, чем журналист настоящий. А то я к шапке

и задавленный «символ» бы приписал. Нечего на угнетенных лисах себе имидж зарабатывать!

Ощебенение

Участвовали вы когда-нибудь в сходе граждан? Я как гражданин – ни разу, зато как корреспондент – не вспомню, сколько.

Имеется в Энске район Алексеевское Поле, особо несчастный и обездоленный частный сектор. Там сходы эти частенько случаются. И вот – надо ехать на очередной.

Районный дом культуры «Луч» зрешице собой представляет не светлое. Приземистое такое здание из буро-облезлого кирпича. В половине окон вывески – «Ремонт обуви», «Фото на документы», «Парикмахерская». В зрительном зале полумрак, кресла полувековой давности, рассохшиеся, дыры в полу дээспэшными плитами забиты. Ну, какая культура – такой и дом.

Перед сценой школьная парты стоит, атласной занавеской покрытая. Тут, значит, представители власти сядут, депутаты и чиновники. Перед назначенным временем дэковская работница вместо занавески зачем-то стелет тефлоновую скатерку. Презентабельнее так, что ли?

Ждем. Уж пятнадцать минут минуло, а германов все нет. Сходчики – точнее, сходчицы, потому что в большинстве это женщины – неспокойны, галдят. Некоторые и вовсе возмущены.

– Как живем? Сберкассу закрыли, больницу закрыли, баня развалилась, дорог нет... Молодежи дальше остановки пойти некуда. Так и сидят по остановкам. А потом еще говорим – молодежь плохая!

– Ничего у нас нет. Поэтому и дороги не делают: раз ничего нет, нам никуда и ходить не надо.

– На Кутузова постоянно грязь, на Бородинской грязь...

К Бородинской и Кутузова только Наполеоновской не хватает.

— А мы вообще тонем: по улице круглый год вода течет. Почему, что за вода? Да еще соседи из своих домов канализацию за заборы выводят, а другие нюхать обязаны, безобразие...

Активистка Панина, которая в «Энском рабочем» частая гостья, всё письма пишет, выцепляет меня острым взглядом.

— Ага! Молодой пришел...

Это потому, что сходчики, в основном, старшего поколения, и я на их фоне очень уж выделяюсь.

— Да я из газеты, — разочаровываю Панину. — Нас приглашали.

В лицо меня Панина не знает, потому что письма — по части отдела писем, а у меня отдел экономики, между прочим. Специализация, правда, в газете энского масштаба — вещь довольно иллюзорная, больше по принципу «куда послали, туда и иди» работаем. Но с Паниной мне прежде близко общаться не приходилось, чему я рад.

— А-а, из газеты. Ну так пиши! Все пиши.

— Обязательно, — киваю.

— Вот, кстати, у меня тут письмо, захвати в редакцию.

Перед тем как отдать тетрадный лист, Панина зачитывает мне вслух. Была она в одном кафе на поминках, щи вкусные подали и второе тоже ничего. Про это и изложила. Завтра девчонок из отдела писем порадую.

Ждем дальше. Панина все больше настраивается на боевой лад.

— Это какие депутаты сегодня будут? Михайлов и Леонтьев? Вот Леонтьева только увижу — разорву. На куски разорву! Он у нас после выборов один раз всего был, то обещал сделать, это. И что? Ничего не сделал!

— Да еще не местный, не энский, — поддакивают женщины. — Кто его выбрал? Мы не выбирали. Вот как-то тоже сход был. Закончился, на крыльце выходим — и тут этот Леонтьев стоит. И я сама слышала, как он нас быдлом обозвал. «Чего с этим быдлом разговаривать», вот как.

— Да все эти чиновники — хамы. Мне знакомая про прошлого мэра рассказывала. Пошла к нему на прием, а он ей

и выдал фразеологический оборот в семь этажей. Она ему: «Вы почему так со мной себя ведете?» Он аж обалдел – какая-то работяжка ему вдруг так ответить посмела.

– Дальше-то как будем жить? – это снова Панина. – За всё деньги, деньги. Скоро с нас, старух, деньги за то, что не рожаем, будут брать.

– А вы рожайте, – подначивает другая. – Вон, Пугачева родила, и вы рожайте.

– Да Пугачева не сама родила! Там же этот, суррогат... А вы слышали, теперь запретили суррогат, чтобы больше такого не было!

– Да не запретили, только закон хотят принять.

– А мы недавно в КПРФ собирались, – Панина продолжает. – Бьемся, чтобы полицию в милицию переименовали.

– Да вам какая разница?

– Как – какая? Полицейские во время войны убивали, грабили. Пусть нам обратно милицию сделают! И вообще, вы со мной не спорьте. Бесполезно, все равно вас всех переспорю. Эх, – поворачивается Панина в мою сторону, – жалко, мало народу. – В зале, может, человек тридцать, не больше. – Хор «Сударушку» надо было позвать, что я не предупредила...

– А знаете, ведь Оля померла, – слышится рядом. – Два дня назад схоронили.

– Царство небесное...

– Нельзя сразу «царство небесное» говорить, – встревает Панина. – Я вот атеистка, а знаю, что это только на сороковой день можно.

– Да, вроде, сразу говорят...

– Неправильно говорят. Только на сороковой день в царство небесное попадают. Хотя вообще-то совсем не попадают, нет никакого царства небесного. Обман это и провокация.

Появляются, наконец, представители власти. Руководитель местного комитета по работе с населением, зам главы города по горхозяйству с подчиненным и депутат. Один, Ми-

хайлов. Леонтьев и сегодня не появился – некого Паниной на куски рвать.

Первой докладывает комитетчица. Отчитывается:

– Комбинат стройматериалов выделил нам щебень, произведено ощебенение стольких-то дорог...

– Да что толку щебенку сыпать? – возмущаются сходчики. – Ее машины тут же в грязь уминают, и опять ни проехать ни пройти.

Замглавы призывает к порядку:

– Тише, тише, кто же виноват, что коммунисты ваш район на болоте построили? Вас бы всех взять, да на нормальное место переселить. Да только деньги-то откуда?..

Доклад самого замглавы, в основном, про них, про деньги. Старая, старая песня, вечная: нету денег. В городском бюджете – дыра. И вообще, кому сейчас легко? Вы, главное, живите дружнее, друг другу не гадьте, канализацию под чужие окна не выводите.

Сходчики как-то даже проникаются, меньше становится напора и агрессии. Вздыхают:

– Жить-то лучше хочется...

Дарят мне заголовок для статьи.

Замглавы согласен:

– Хочется. Вот в 2018 году чемпионат мира по футболу в том числе и в нашей области будет проходить. Энск в список городов включили, в которых дороги надо в порядок привести. К нам министр транспорта из области приедет, мы его по всем улицам провезем, и по вашим тоже. Покажем проблемы. Попросим денег. Если даст министерство – начнем для Алексеевского Поля проект инженерных коммуникаций разрабатывать. Здесь в свое время все сети без проекта делали. А без проекта – нельзя...

В слове проект замглавы с особым значением подчеркивает букву «о».

Третьим депутат Михайлов вещает долго и пространно. Замглавы во время его речи стоит, опершись на плечо сидящего рядом подчиненного. Ему бы еще руку перед собой вы-

нести в широком жесте – и можно с них двоих скульптурную группу ваять.

Жители начинают задавать вопросы. Точнее, обращаться с жалобами. С теми самыми – вода течет, грязь, сберкассы закрыли, из бани уже и окна выломали, краны сняли, тазы растащили, одни стены остались – и те разбирают.

– Вы письма пишите на мое имя, письма, – учит замглазы. – Чтобы по каждому факту – документ. А на словах дело не пойдет.

Не дождавшись окончания схода, еду домой. И так почти два часа просидел, рабочий день продлил себе.

Эх, дороги!..

Послали. Как обычно. Кто бы сомневался.

Вечная проблема первой газетной полосы – какую фотографию ставить, какую делать к ней подпись. Нужен сюжет! Ну хоть какой-нибудь. Желательно – не утренник в детском саду и не концерт в школе. А вот бы нашей любимой промышленности на первую, ну или хоть жэкэха.

Дороги в Энске начали ремонтировать в середине лета. Теперь середина осени, а их все ремонтируют и никак не закончат. Точнее, так: летом ободрали верхний слой старого асфальта и затихли. Осеню схватились: аба, надо ведь новый асфальт положить! А то срок контракта заканчивается. Ну и вроде бы стали класть.

За эти три месяца про ремонт дорог «Энский рабочий» написал раз двеести. Ну ладно, не двеести, преувеличиваю. Три или четыре. Но поскольку все время одно и то же, и поскольку пишу все время я – кажется, что не меньше двухсот.

И вот в очередной раз редактор решает посвятить первую доблестным асфальтоукладчикам. Звоню в администрацию, мне рассказывают три строчки – где положили, где еще положат. Из этих строчек размазываю три абзаца, и харэ для подписи. Мавр свое дело сделал? А вот и не сделал. Фотокорто в отпуске. А я помимо прочего – штатный фотокоров за-

меститель. Почему – для меня тайна. Способности мои как фотографа ограничиваются снимками «на автомате». То есть, любого возьми, и он так же сфотографирует. Но исторически сложилось, что фотокора замещаю я, и точка. Значит, заниматься фотоохотой весь месяц будут посыпать меня. А зарплату обычную дадут, ага. Замещение – на благотворительных началах.

Садимся с Николай-Санычем в редакционную «десятку», едем искать дорожников. А дорожники – они неуловимые. И прежде уже катались за ними, летом еще, когда они асфальт обдирали. Нету никого – и все тут. Случайно только я на эту колонну наткнулся, возле самого своего дома, домашней мыльницей и щелкнул. Фотокора тогда на рабочем месте тоже не было. Он у нас часто в отпусках. Ему можно.

Потом еще раз хотели заснять, уже не технику одну, а чтобы с людьми. Не-а, фиг вам. Вроде, работа худо-бедно идет, а рабочих нет. Они, оказывается, больше по ночам трудятся. Ночью движение меньше.

Вот и теперь: на улицах, про которые чиновник по телефону говорил, что на них асфальт уже уложен – уложен. А там, где сегодня класть должны – никого. Опять, что ли, ночью за труды праведные примутся? Но у нас ведь рабочий день хотя и не совсем нормированный, но все-таки не круглосуточный. По ночам за асфальтоукладчиками пусть кто-нибудь другой бегает. А редактор пусть голову ломает, какую фотку на первую ставить. Про дороги информация и без картинки пойдет. А не пойдет – так и ладно.

Работа журналиста творческая? Работа журналиста герническая? Ну-ну.

Они разоблачают преступников, влияют на политическую ситуацию? Им угрожают, их преследуют, иногда даже убивают? Так это в столицах и заграницах. А в Энске – отлавливаем дорожников.

Как все началось

Началась моя журналистская эпопея не с «Энского рабочего», а с «Новой цивилизации». Ни много ни мало. Сие гордое имя носила – именно «носила», теперь уже в прошедшем времени – первая газета, в которой довелось трудиться.

История моего туда устройства таинственна. Мало найдется людей, настолько же как я к работе журналиста непригодных. Сказал бы кто-нибудь в студенческие годы, что корреспондентом стану – я посмеялся бы.

Одна черта для журналистов что в энских, что в столицах общей быть должна: интерес к окружающей действительности. Меня после института интересовало что угодно – воздушные замки, философские теории, смысл жизни – только не энская действительность.

Но, во-первых: в моем дипломе значилось «экономист-маркетолог». А доказывать людям, что им необходимо вот это печенье, а не то, которое пекут конкуренты, я не хотел. Во-вторых: плохо ли, нет – умел на письме составить из слов предложение, а из предложений – текст. В-третьих: на шее у родителей сидеть стыдно.

Тем не менее, в редакцию «НЦ» я зашел не на работу проситься. Просто газетку надо было купить.

И вот: хмурый, холодный осенний день. Редакция – огромная комната, каменный пол, высокий потолок. Освещена почему-то только наполовину. И почти пустая, если письменных столов и нескольких людей не считать.

Как потерянный, оглядываюсь, пытаюсь сообразить, к кому здесь обратиться. Кто-то сжаливается и продает мне свежий номер. Разворачиваюсь и собираюсь идти своей дорогой. Но тут впивается в меня проницательным темным взглядом поверх очков дама – как выяснилось позже, редактор Суредина.

– Писать умеешь? – спрашивает.

– Да, – выдаю я.

В рядах «Цивилизации» – это я тоже узнал потом – только что убыло. Всем был хорош корреспондент Хлебников, для Энска личность редкая, как раз таки настоящий журналист. Из тех, которые до правды докапываться любят. Одна беда: часто пропадал без предупреждения дня так на три, на пять.

«Работаешь в газете – умей пить водку» – известная редакционная присказка. Бывает, умение переходит в привычку. Как у Хлебникова. Поэтому и решила Суренина с ним проститься. И нуждалась «Цивилизация» в пополнении штата.

Способность сляпать текст в масштабах всего народонаселения вещь не редкая. Другое дело – в масштабах Энска. Вот и поинтересовалась редактор у меня на всякий случай... А может, и не на всякий. За пять лет работы в «Цивилизации» часто ощущение возникало, что Сурениной о многих вещах известно больше, чем она, вроде бы, знать должна.

Единственной туманной альтернативой редакции на тот момент была для меня фирма по продаже каких-то бухгалтерских программ. Туманной – потому что меня, может, и не сочли бы достойным кандидатом в продавцы. На тестировании не смог вспомнить, зачем клавиша F4 на клавиатуре? С другой стороны – и сам к этой конторе страстью не воспыпал. От слов «продажи» и «бухгалтерия» слегка мутило. Пошел в газету.

Трясясь от страха, принес Сурениной рассказы. Не печатать, так, для знакомства. Та, заметив мои нервы, велела успокоиться, а рассказы на суд Игорю Прохорову отдала. Игорь – вообще-то, фотокор, но помимо того ответственный за всякие литературные дела наподобие фельетонов. В «Цивилизации» должностные обязанности сотрудников порой образовывали странные сочетания. Я, например, уже в бытность корреспондентом одно время принимал объявления. И строчки о социалке, коммуналке и культурке в голове с «Продам двухкомнатную сталинку» мешались.

Игорь с творчеством моим ознакомился. Глянул удивленно:

– Сам написал?

Подтверждаю авторство: ну не чужое же принес. А про себя думаю: что этот его вопрос значит? Плохо или хорошо?

Уж не знаю, какой вердикт Игорь на мой счет Сурениной объявил. Но в газете я остался.

Первые задания

Самое-самое первое было у меня интервью с девочкой-каратисткой, которая где-то кого-то победила. Я страдал над вопросами. Честно: сочинял, записывал в блокнот. Морально готовился. Оправляясь в спортзал, волновался. Хорошо еще, что спортзал этот мне знаком был – сам прежде немного туда ходил. Давно. Потом бросил.

И вот сидим с моей респонденткой в раздевалке. Чувствую, девчонке, вроде, и интересно, что у нее пришли интервью братъ, и смешно. Как щитом, отгораживаюсь блокнотом с вопросами и доверенным мне редакционным диктофоном. Мне не до смеху, у меня работа, все серьезно.

Над ответами спортсменка страдает еще больше, чем я над сочинением вопросов. Начинаю напрямую ей подсказывать – то самое, что хотел бы слышать от нее. Она соглашается. Да, нужна воля к победе, да, поставить себе цель... Да, спорт – больше, чем просто увлечение, а боевое искусство – еще и философия особая...

Потихоньку до меня доходит, что интервьюируемый больше чем на две трети говорит словами автора статьи. Когда взялся расшифровывать диктофонную запись, понял еще кое-что. Разговорная речь от текста, который можно сдать в печать, далека как Сыктывкар от острова Ямайки. Говорим мы сбивчиво, нелогично и даже смешно. Зато живо. Где-то посередине между чисто книжной речью и чисто разговорной – то, что будет легко читаться.

Но от перегиба в сторону «книжности» мне далеко не сразу удалось уйти. Не в первом тексте и не в первом десятке текстов. Слишком уж я тогда причастия, деепричастия и предложения длинной в абзац любил. Суренина со всеми этими наворотами

боролась нещадно. Изо дня в день вдалбливала нам в головы: «Пишите проще!» Я поначалу мысленно морщился: «Фи!» Кому сложно – пусть анекдоты читают и сканворды разгадывают. Но с годами понял все-таки, что с деепричастиями перебарщивать, и правда, не стоит. Сложно – не всегда умно, просто – еще не значит, что глупо.

На всю жизнь запомнилось чувство после того, как материал этот про каратистку вышел. Шагал я в тот день по улице, и все казалось, что каждый-то встречный на меня смотрит и знает: вот, это тот самый, который статью в газету написал. Приятного мало. Но длилось это ровно до следующего номера «НЦ», до следующих публикаций. Дальше – привычка. Штампушь себе тексты и о лишнем не задумываешься.

Второе свое задание тоже помню.

«Андрей, Игорь, живо собирайтесь!» – командует Суренина. Что стряслось? Пожар? Потоп? Не-а, пансионат для ветеранов открывают. Строили, строили и наконец построили. Какой-то Жучков, который в Энске главный строитель, на открытии торжественно чего-нибудь скажет.

Хватаем Игорь – фотоаппарат, я – диктофон, и вперед. На своих двоих. Пансионат от редакции недалеко, на автобус можно не тратиться. На автобус – потому что транспортом для корреспондентов «Новая цивилизация» не располагала. И мы с Игорем личным транспортом – тоже.

По дороге Игорь мне сообщает, что Жучков, помимо того, что главный строитель, еще и главный энский бандит. Я слегка в шоке. Не потому, что о наличии в Энске бандитов не подозревал – все же не совсем с луны, местный житель. А потому что как же это – надо благородные Жучковские речи про «спасибо нашим ветеранам» в статью шлепать, а он – бандит...

На месте, в пансионате, впервые встречаю Свету и Алексея, коллег из «Энского рабочего», в который мне шесть лет спустя предстоит угодить, о чем я еще и близко не подозреваю. Снимаем куртки, ждем Жучкова. Он стремительно влетает, так же стремительно проскаивает по этажам пансионата, изрекая на ходу то самое «Спасибо нашим ветеранам, вот мы

построили для них». Мы со Светой поспеваем следом, тычем Жучкову в спину диктофоны. Бандит, не бандит, а писать-то что-то надо.

Но слишком уж молниеносно Жучков проскочил. В итоге «что-то» выходит у меня длинной в смехотворно жалкий абзац. Сверх этого – ну ни в какую, ни слова. Суренина недовольно морщится. В «Новой цивилизации» шестнадцать полос. Половина под телепрограмму уходит, но и оставшиеся восемь занять не так-то просто, особенно при дефиците пишущей рабочей силы. Одним словом, чем длиннее статья, тем лучше. Но как начинающему убогость одного абзаца мне все-таки простили.

Что было дальше? Третье задание, четвертое? Тут память уже подводит. Все в сплошные рабочие будни смешалось.

Болезненно попервоначалу относился к правкам. Ужас какой – из ценного моего текста запятую редактор убрала! А то и не запятую, а прямо целое предложение переделала, ай-яй-яй... Но каждодневный редакционный труд «синдром боязни правки» исцелил быстро. Поменял восприятие. Да делайте вы с текстом что хотите – это же статья, ремесло, обязанность.

Нашлепал первых ляпов. Куда без них? Возьмешь да и перепутаешь фамилию какого-нибудь воспитателя детсадовского или победителя шахматных соревнований среди дошкольников. Не знаю, может, где-то кому-то брак с рук сходит, но в провинциальной газете – никогда. «Не то» слово в статье концу света равносильно. Телефонные звонки, крики, обмороки, пыль до потолка. У Сурениной долгое время применительно ко мне прием был: уж извините, – оправдывается перед гневной воспитательницей, – корреспондент молодой, не ориентировался... Я в такие минуты тихо сидел и тихо чувствовал себя умственно отсталым.

Теперь звонки с претензиями принимаю по большей части сам, без посредничества редактора. По-разному принимаю. Бывает, ахать начнешь: ах, виноват, ах, боже ты мой, да как так получилось, да исправим... Глядишь, и поутихла шокированная воспитательница. А другой раз, если какой-нибудь чиновник возмущается, что в его речи «модернизацию

и реконструкцию» на «ремонт» заменили – в нападение переходит. Которое – лучшая защита. Журналист обязан текст удобочитаемым сделать, вот.

Научился обходиться без диктофона. И даже без блокнота с ручкой. Дело так было: на очередном задании подсунул диктофон выступающему и сижу себе, ничего не записываю, увереный, что техника за меня работает. А она, техника, раза, на паузе. Забыл на запись переключить. Понимаю, что в редакцию приду без ничего. Паника. Потом: спокойно, я же слушал. Надо вспомнить. И вспомнил. Может, не так много, как с расшифровкой, но написал текст. Выкрутился.

Память – она как диктофон работать способна. Долго потом на разные концерты-праздники, с которых длинных речей передавать не нужно, без никаких устройств для записывания ходил. В блокнот писать – и то лень. Да и неудобно, если где-нибудь посреди городской площади стоишь. А так, что потом припомню – то и пишу в статье. Акын печатного слова.

Дальше, правда, разленился и везде стал диктофон таскать. Каждый раз мозги напрягать, запоминать – мозгов не хватит. А с диктофоном вообще внимание отключить можно. В смысле, переключить. Сидишь, например, на совещании – они там себе бубнят, а ты электронную книжку читаешь. Время с пользой проходит. Придешь в редакцию, слушаешь запись – про что они там?.. Опять помойки со всех сторон? Горожане, свиньи, себе же гадят? Или – трубы все ни к черту, того гляди полопаются? На починку дайте нам из области сто тысяч миллионов? Ну да, все та же история. Наизусть знакомая. Тут хоть и не слушай, а бери один и тот же материал и в нем слова местами переставляй.

Не реже, чем писать статьи, в «Цивилизации» поначалу поручали мне делать расшифровку чужих диктофонных записей. По мнению Сурениной, в этом я проявил завидный талант. Другие над сорокаминутным интервью полдня корпят, а я часа в два укладываюсь.

Опускает к вечеру редакция – только и останемся я да Суренина. Остальные работники, что творческие, Игорь и вто-

рой корреспондент Катя, что технические – дизайнер, корректор, бухгалтер с кассиром – по мере выполнения своих обязанностей уже разбрелись по домам. На полный восьмичасовой рабочий день Суренина их не задерживает. Потому что за зарплату, которую платят в стопроцентно частной и ни от каких спонсоров не зависящей «Цивилизации», задерживать неудобно. Старожилов неудобно. А меня можно. Молодому – не сотруднику даже, а кандидату в сотрудники надо опыта набираться. Вот и сидел, набирался до пяти часов.

Столы у меня и у Сурениной – в одном углу необъятного редакционного помещения. Свет экономии ради – только на этой, «нашей» половине, а на другой потущен. Полумрак.

Слушаешь очередной звуковой файл, запись думского заседания или разглагольствования директора аккумуляторного завода – мол, наше производство все из себя такое экологически чистое... Стучишь усердно по клавишам. А отвлечься на минуту, оглянуться по сторонам – пустота, темнота по углам, рядом, через пару метров – начальство. Блин, да какого ... я здесь делаю? Какой из меня, на фиг, журналист?!

Трудности общения

«Какой из меня, на фиг, журналист?!» – это в первые месяцы было особенно актуально. Настолько, что каждый день газету хотелось бросить, и больше не видеть в глаза. И не в том дело, что не оформляют официально и о зарплате туманно молчат. А в том, что для журналиста уметь общаться с людьми чуть ли не важнее, чем уметь писать. А для меня это – мучение сущее.

Сидишь напротив какой-нибудь начальницы ЗАГСа, задаешь вопросы и не знаешь, куда глаза деть. То есть, знаешь уже – ей, тетке этой, в лицо смотреть надо. Прямо и заинтересованно. А трудно, не получается, насиливо себя заставляешь. Кажется, что угодно бы делал, сто страниц текста выдал бы на-гора, только бы не торчать эти семь минут, или десять, или пятнадцать тет-а-тет со всеми этими начальниками, спе-

циалистами, директорами и замдиректорами, врачами, учителями, психологами, бегунами и боксерами, прокурорами и следователями, чиновниками и депутатами, заслуженными работниками, победителями конкурсов и прочими, прочими, легион имя им.

Еще такое было: открывают тренировочную комнату для инвалидов. Не помню, как она официально называется, но суть такая, что разные ходунки там, держалки, кухонные приспособления, и больные люди с помощью всего этого учатся передвигаться, домашние дела делать. Начальникам городской соцзащиты, естественно, надо лишний раз засветиться. Зовут газету. Зовут разных других начальников. И своих подопечных. Все набиваются в эту комнату, не слишком просторную. Начальники произносят речи. Инвалиды благодарят. Газета должна освещать.

Я среди этого безобразия не знаю, куда деться. Рядом с больными людьми чувствую себя непростительно здоровым. От начальничьей показухи подташнивает. Хочется, чтобы поскорее закончилось мероприятие.

В обратную дорогу, в редакцию, оба с Игорем отправляется кислые. Он тоже не в восторге. Не любит такое снимать. Но по мне, видимо, особенно заметно, с каким трудом торжественное открытие пережил. Игорь старается подбодрить: мол, поувереннее давай. Прямым текстом жаловаться, что нету ее, уверенности, мне стыдно. Бурчу в ответ что-то невнятное. Но Игорь все понимает, поучать не пытается. Зачем? Пройдет время – оно и научит.

Научило. Отчасти. Появилось то, что можно, наверное, назвать опытом. Стандартный набор вопросов на все случаи жизни в памяти отпечатался – записывать ни к чему. Выражение крайнего внимания на лице – момент обязательный. Неважно, что до статистики браков и разводов, до итогов пятидесятилетней работы радиозавода и планов развития туризма на пустом месте тебе как до фени. Кивай через каждые две три фразы головой, угуй по-совиному. Если из респондента, как из партизана, лишнего слова клещами не вытащишь –

напрягайся, на ходу додумывай, чем бы его пронять. Если, наоборот, чересчур разговорчивый попался, да еще не по теме разговорчивый – тактично по нужному руслу направь. Или тактично беседу заверши. Опыт? Автоматизм?

До сих пор налаживание контактов, напрашивание на интервью, телефонные разговоры – нелюбимая часть работы. А любимая?.. Прежде процесс создания текста я действительно любил. Пусть даже тема не особо интересная – но вот появляется что-то новое из ничего, и это делаю я, и мне нравится. Но это прежде. А чем дальше – тем больше рутинны, статей «под копирку». Ходить на совещания, праздники и марафоны – это разнообразие, но когда одни и те же совещания повторяются каждую неделю, а одни и те же праздники – каждый год, пережевывание сто раз жеванного получается.

У М. было два дня

М. родился недоношенным, хотя это никак особенно не повлияло на его будущее. И многие, кто был знаком с ним, почти всегда отзывались о нем положительно. «Почти» – это значит, что двое из опрошенных как-то между делом упомянули, что М. необычный, то есть не такой как все. Например, М. редко выгуливал собак, и его почти никогда не видели в парке, где выгуливают собак. Хотя у М. не было никакой собаки и вообще никого не было. Еще М. никогда не отвечал на важные предложения, и приходилось бегать из квартиры в квартиру, чтобы убедиться, что сообщение дошло до М.: комнатка М. гнездилась в квартире, попасть в которую можно было через квартиру Ж. От кого-то я даже слышал, что М. не любит музыку, не верит в бога, не знает морали, потому что бесстыдно навалился на Ж. и пытался поцеловать ее в губы, когда она, Ж., пригласила его послушать вместе с ней музыку. Они сидели на кровати и некоторое, непродолжительное время слушали музыку. П. и А. даже рассказывали, что М., сидя в своей комнатке с погашенным светом, наблюдал за фризкой игрой домочадцев, у которых он снимал комнатку, и Ж., которая была у них гостьей. Ко всему прочему А. добавила несколько разбитых тарелок и вызов участкового; П. же ограничилась все теми же тарелками и слезами Ж.

В парках для собак с месяц обсуждали происшествие, случившееся с М. Об этом несколько раз писали в газетах, а подробную информацию можно было дочитать на сайте одного из журналов. Я сам лично читал несколько статей того самого журнала, заходил и на их сайт, где мне автоматически оформили платную подписку, о чем я узнал лишь после предъяв-

ления непогашенного счета. Я стал снимать комнату у доброй тетеньки И., к которой приходили и П., и А. И так часто случалось, что через тонкие стены пролетарской пятиэтажки меня невольно посвящали в чужие тайны. Так я узнал, что бедная Ж. чуть не сгорела от счастья, когда М. удалось прервать прелюдию Вивальди горячим страстным поцелуем. До происшествия М. сильно простудился и несколько дней не выходил из своей комнаты, а Ж. каждое утро готовила ему куриный бульон в общей кухне и забывала мыть посуду после. Все это я узнал из разговоров П. и А. с довольно пассивным участием доброй тетеньки И, которая по случаю возраста все больше становилась нейтральным слушателем.

После происшествия я перестал выходить из дома, и внучка тетеньки И. по моей просьбе бегала в угловой магазин за молоком и булочками. Несмотря на то, что М. уже не существовало, слухи о нем продолжали жить. На протяжении недели к тетеньке И. приходили разные люди: среди них, естественно, были П. и А., два раза приходила ее дочь, чтобы забрать, а потом снова оставить свою дочь, ту самую, которую я посыпал за молоком; к моему удивлению, в слезах приходила Ж. В общем, гостили разные люди, рассказывая разные правды о тех или иных событиях, происходивших в этом маленьком городке. Первое время я с удовольствием вникал во все события и узнал, что какая-то Ш. – прекрасный собеседник и может поддержать абсолютно любой разговор; не осталась незамеченной ее манера подавать себя или, как выразилась П., послушная Ш. прекрасно оформляет и подает десерты к чаю. Далее так подробно и с похвальным изяществом они обсуждали самые пикантные моменты ее жизни, что если бы я встретил Ш. на улице, то непременно узнал бы ее. А если бы мы сели пить чай у кого-нибудь в гостях, то я и вовсе перестал бы сомневаться, что это Ш.

Информации было так много, что постепенно я стал отдался от М., и мне пришлось отфильтровывать все, что поступало. Я читал несколько статей про М. в журнале, слушал разговоры П. и А., исповедь ревущей Ж. в объятиях доброй

тетушки И., и все это в большей или в меньшей степени обрисовывало неясную картину до происшествия, которое случилось с М.

За два дня до происшествия М., по словам очевидцев, находился в «угнетенном» и «подавленном» состоянии, сообщали местные газеты. Это состояние проявлялось в неуважительном отношении к благотворительной организации, собиравшей в тот день пожертвования. Большая часть информации осталась непонятой, к чему я с самого начала был готов. Например, какая-то малышка Зе не встретилась с М. в назначеннем месте. Внучка тетушки И., передавая мне молоко и сдачу, преданно сообщила, что причиной всему стали любовные отношения между М. и Ж. Постоянный и порой невразумительный лепет П. и А. об организованном самим М. философском собрании, где он предлагал новую гносеологическую концепцию, на тот момент признанную соответствующим мировым сообществом, искалажил ход моих мыслей, строил абсурдную кинокартину в моем воображении. И бедному, уже не существовавшему М. приходилось вновь и вновь репетировать каждый кадр этой нелепой картины. Поскольку М. я лично никогда не видел, в моих кадрах он продолжал жить высоким, худощавым мужчиной с черными, растрепанными волосами, мятым серой футболкой и обязательно сидящим в глубоком старинном кресле с хмурым, задумчивым лицом. Этот образ в немалой степени сформировался под влиянием всего мною вычитанного и услышанного о нем. В частности, тридцатидвухлетний М. последние три года «вел затворнический образ жизни»; в школьные годы увлекался рисованием и геометрией, позже – брал уроки логики и физики. На подсознательном уровне ко всему общему примешивалась информация, что у М. как-то не сложилось детство, хотя были там и запахи духов с мороза, и яркие глупые улыбки. Я ждал достаточно долго, но относительно самого происшествия ничего не было сказано или написано. Все было около или рядом. Поэтому дело М. не было законченным.

Потеряв терпение, я посоветовался с добродушной тетушкой

И., и она устроила мне встречу с Ж. в общей кухне. Это была обаятельная молодая девушка, при встрече вкратце рассказавшая общие и всем известные подробности ее отношений с М. Она любезно пригласила меня посетить бывшую комнатку, которую снимал М. при жизни, и уже на следующий же день я стоял в тесной комнатке М., разглядывая в шкафу-витрине его старые фотографии, расставленные в иерархичной последовательности. И пока я вглядывался в самые уникальные черты лица М., в его пропитанные жизнью глаза, я параллельно рассказывал Ж. все то, что смог собрать о М. О нем самом, о жизни и прочем из разговоров П. и А., журнальных статей и сомнительных, но довольно аргументированных слухов; я, не осознавая, продолжал говорить и о моем представлении, образе и тайном отношении к нему, хоть я никогда его и не встречал. Она сидела на диванчике позади меня и нервно теребила складку на юбке. Ее почти детское лицо выражало беспокойство и сожаление, когда собранная мной картина о жизни М. предстала перед ее мысленным взором. Многое к этой картине было добавлено от меня, и уж конечно я не сомневался, что истинная картина выглядит иначе.

Неделю спустя я получил сообщение от Ж., по духу напоминавшее апологию Сократа. И хотя до конца я сообщение не прочитал, больше всего запомнилось, что М. увлекался хайку и по вечерам вслух читал что-то из своего. Или подолгу любил молчать о чем-то. Но молчание – это не значит быть немым, это значит отказаться от речи, объясняла Ж. Волю к размышлению подпитывали ранние философские работы М., которые я незамедлительно прошел беглым взглядом, уяснив лишь то немногое, что было мне под силу: что мир – это не только горизонт наших ситуаций или бесконечное расстояние, как единство препятствий, но и требование, обращенное к нашей свободе. Мне же лишь оставалось понять, достаточно ли усилий я прилагаю к тому требованию, не придавая, например, большого значения тем волнующим душу знакам любви, нарочито обиженным взглядам Ж. (их было несколь-

ко) или подчиняясь и часто следуя субъективным мнениям чужих сознаний.

Позже я много думал – думал о М. и обо всем, что он оставил после себя. И зная, что искать абсолютную правду – дело бессмысленное и неблагодарное, я был уверен: истинная проблема была далеко не в том, что что-то из пейзажа его жизни утонуло в беспросветном мраке, оставшись без свидетеля, и что каждый по-своему пробуждает куртину мира, картину мужчины, лежащего на диване и получающего свою сдачу и молоко, картину яблока в тарелке, парящих в небе мотыльков.

Алла Мелентьева

г. Киев

Невидимый сад

В начале весны, когда еще лежал снег, Юрий Петрович слег с таким серьезным диагнозом, что его пришлось везти в другой город в областную больницу. Врачи удрученно качали головами, пролистывая его медкарту. Когда сын и невестка привезли Юрия Петровича в отделение, главврач пригласил их к себе в кабинет и долго с ними беседовал, настраивая на то, что стариk вряд ли долго протянет. Сын и невестка, конечно, поняли, что им втолковывал главврач, но все равно отступаться не собирались. Они заплатили за отдельную палату «с улучшенными условиями», за особое меню, а потом еще познакомились с медсестрой, которая должна была присматривать за Юрием Петровичем, и подкупили ее взяткой в триста рублей, чтобы она не отлынивала от своих обязанностей и вовремя меняла утку.

Потом они уехали, и Юрий Петрович остался один. В палате «с улучшенными условиями» кроме него находился еще один старичок. Он лежал с закрытыми глазами и открытым ртом и беспрерывно храпел – то ли спал, то ли был в коме.

Юрий Петрович поворочал головой. На стене висел телевизор – в нем мелькали картинки, но звук был выключен. Юрий Петрович был так слаб, что его мучил даже слабый электрический гул, исходивший от телевизора. Он отвернулся и стал смотреть в окно. Там на ветру качались верхушки деревьев.

«Наверное, тут где-то поблизости парк... сад», подумал стариk. Качение веток подействовало на него успокаивающее, и он уснул.

На следующий день к нему приехала невестка Лиза. Она набила тумбочку разными вещами, нужными для жизни в больнице, проверила, удобно ли лежать Юрию Петровичу, не сбилась ли постель, раздала небольшие подношения медсестре и дежурной нянечке, и немного посидела с тестем, рассказывая о разных домашних пустяках, чтобы подбодрить его в больничном одиночестве.

Юрий Петрович выслушал все лизины новости, а затем спросил тихим от слабости голосом:

— А скажи, Лизонька, там что — парк? сад?

Лиза не сразу поняла. Юрий Петрович слабо помахал рукой в сторону окна. Лиза оглянулась и сообразила. Она вскочила со стула и пошла к окну посмотреть, есть ли там сад или парк.

— Не вижу, Юрий Петрович. Не вижу ни парка, ни сада, — честно призналась она. — Только дома на той стороне улицы.

— А откуда ж деревья? — спросил старик.

— А деревья — за домами. За крышами.

— Значит, все-таки есть там сад?

— Может, и есть, — неуверенно поддакнула Лиза.

— Ну так ты, когда домой поедешь, загляни за те дома — есть ли. А в следующий раз придешь — мне расскажешь.

— Обязательно, — пообещала Лиза.

Когда она пришла навещать в следующий раз, Юрий Петрович сразу же начал с вопроса, видела ли она сад. Лиза сперва отвечала уклончиво и невнятно, а потом, когда Юрий Петрович нажал на нее, сказала, что так и не узнала, если ли за домами сад, потому что спешила домой и попросту забыла о своем обещании.

Размышления о саде за окном были единственным развлечением для Юрия Петровича в его тоскливом прозябанье в палате рядом с умирающим соседом. Он был раздосадован, и взял с Лизы слово, что в следующий-то раз она уж не забудет.

На самом деле Лиза ничего не забыла. Она была обязательным человеком, и если что-то обещала, то всегда делала. В тот

раз она зашла за больничный корпус и выбралась какими-то подворотнями к тому месту где, предположительно, должен был находиться так чаемый Юрием Петровичем сад. Никакого сада не было и в помине. Было лишь несколько старых деревьев, уныло стоящих внутри каменного колодца. Лиза постояла, посмотрела на них, придумывая, что бы сказать старику, чтобы его не расстраивать, – да так ничего не придумала и ушла, понадеявшись, что Юрий Петрович забудет о саде. А Юрий Петрович не забыл и не собирался забывать, и Лиза теперь оказалась в затруднительном положении.

Вечером Лиза рассказала мужу Алексею, что Юрий Петрович томится, бедный, в больнице: вот, придумал себе какой-то сад за окном, а сада-то на самом деле и нет, и она теперь не знает, как ему об этом поделикатней сообщить.

– А ты не говори, что нет, – решительно сказал Алексей, выслушав жену. – Ты скажи, что сад есть.

– Что ж, мне тогда соврать придется, что ли? – спросила Лиза.

– Ну и соври; ничего страшного.

Видя, что Лиза колеблется, Алексей сказал:

– У нас на работе Станислав Николаевич, старший инженер, когда с женой на дачу ехал, в аварию попал, сильно разбился, врачи думали – не выживет. Он в тот раз на дачу кота вез, а кот, пока с аварией разбирались, из машины вылез и сбежал. Станислав Николаевич, как только пришел в сознание, стал первым делом требовать к себе кота. Покажите мне Маркиза, говорит, хочу знать, все ли с ним в порядке. А сам-то плох, еле дышит. А все равно: дайте мне Маркизу, не успокоюсь, пока не увижу. Родственники сильно не хотели его огорчать, уж очень был слаб. И представь себе – нашли где-то на помойке другого кота – похожего, – обучили отзываться на кличку Маркиз и притащили. Он первое время удивлялся, что Маркизка как-то странно себя ведет, не так реагирует. А потом и он привык к коту, и кот к нему привязался. И пошел на поправку человек. Родственники – герои! Ведь то – кот! Попробуй-ка кота обучить на чужое имя отзываться.

А тут всего лишь – сад. Ну расскажи ты старику что-то про сад, соври, раз уж ему захотелось про сад. Вот, врачи говорят, что он скоро умрет – так пусть хоть умрет, думая, что вокруг сад, а не трущобы. Такая малость! Разве можно отказать старику в такой малости?...

Алексея от волнения сдавило дыхание, он резко осекся, вскочил со стула и убежал курить на балкон.

На следующий день Лиза говорила Юрию Петровичу, помогая ему сесть в постели:

– Ой, Юрий Петрович, как я рада, что вы меня направили посмотреть на тот сад! Уж такой красивый сад, такой красивый! Прямо лес! Иду по аллее, а за мной, представляете, – белки! Целая стая, рыжие, пушистые! Прямо-таки бегут, преследуют – есть выпрашивают. Пришлось бросить им несколько печеньшек из передачи, что вам несла. Некоторые подбегали и из рук хватали. А некоторые и на джинсы карабкались. Такие смелые, нахальные! А воздух там – сплошной кислород!

– Не бросай им сладкое, Лиза, – строго велел Юрий Петрович, – у них от сладкого зубы портятся, а стоматологов для белок нет.

– Не буду не буду! – поклялась Лиза, обрадовавшись, что Юрий Петрович приободрился, – Привезу им орешков.

До конца недели Лиза рассказывала Юрию Петровичу о разных чудесах, которые она видела в саду за окнами, пока шла через него к больнице. Вершиной ее фантазии была история о стае снегирей, которые такой кучей налетели на кор�ушку, что та оборвалась.

На выходные Алексей приехал навещать Юрия Петровича вместе с Лизой. Вновь зашел разговор о саде.

– Этот сад – федерального значения, – заявил Алексей, до поры молчавший, пока Лиза плела свои обычные рассказы про птичек и белочек.

Лиза осеклась и испуганно оглянулась на мужа.

– Этот сад разбили еще при Екатерине Второй. Он состоит из нескольких террас с древесными и кустарниковыми насаждениями, с которых открывается панорама на реку и лево-

бережье. Нижняя прогулочная дорога обрамлена травяными газонами и кулисами из деревьев и дополнена криволинейными дорожками и множеством закругленных смотровых площадок на краю плато, – как по писаному сказал Алексей.

– Откуда ты все это знаешь? – нерешительно спросила Лиза.

– Специально в википедию лазил про этот сад почитать, – ответил Алексей.

Надо же, как складно врет, даже я почти поверила, подумала Лиза.

Прошло три недели. Весна потихоньку набирала силу. Состояние Юрия Петровича слегка улучшилось – врачи удивленно хмыкали, когда читали результаты его анализов. Но все же он был слишком слаб, чтобы всерьез надеяться, что дело пошло на поправку. По общебольничному распорядку больных нельзя было держать в стационаре больше трех недель. Алексей с Лизой обошли всё медицинское чиновничество, сунули кое-кому взятку, и выбили для Юрия Петровича еще один трехнедельный срок.

Вечно хранивший сосед по палате умер, на его место подселили другого. Этот сосед, в отличие от прежнего, почти никогда не спал, и бесконечно ворчал – жаловался на больничную скуку, на хамство медсестр, на невкусную пищу, на то, что форточку открыли, а ему и так холодно, или что ему душно, а форточку так и не открыли, и конечно, на то, что сейчас всё не так, как было раньше, при Советском Союзе. Кроме того, сосед требовал, чтобы Юрий Петрович разговаривал с ним и поддерживал его ворчание и недовольство, а сдержанный Юрий Петрович, непривыкший к старческому недержанию эмоций, всячески старался избегать этих разговоров. Он часто поворачивался спиной к соседу и притворялся спящим, а сам смотрел в окно на покачивающиеся ветки деревьев и думал о том, как было бы хорошо прогуляться по саду.

Лиза продолжала приезжать и ухаживать за Юрием Петровичем. В хорошую погоду она вывозила его на каталке вниз, гулять в сад – но не в тот, который за окном, а обычный

больничный садик, зажатый между уродливыми больничными корпусами.

— Разве это сад? — говорил Юрий Петрович Лизе. — Сад должен быть таким, чтобы дома за деревьями были не видны. Настоящий сад — это то же, что и лес, но только окультуренный. Сад — это представление человека о рае. Когда-нибудь, Лизонька, вся Земля будет, как один сплошной сад. Но это время пока далеко.

Лиза со всем соглашалась и поддакивала: «Уж что правда, то правда! Как вы верно рассуждаете, Юрий Петрович!»

Юрий Петрович спрашивал, похож ли сад за окном на больничный сад.

Лиза отвечала, что больничный сад не идет ни в какое сравнение с тем, что за окном. Тот невидимый сад — роскошный старинный парк, который, кажется, не имеет границ.

Там растут и дубы, и клёны, и тополя. Есть липы, березы, ели, сосны. Кругом ярко зеленеющие поляны, а среди столетних дубов иной раз можно увидеть оленей.

— А за садом-то что? — спрашивал Юрий Петрович.

— А за садом река. А за рекой — поля, — говорила Лиза. — Если повезет, то можно увидеть над ними радугу. А еще дальше — вдали — зеленые холмы. Сплошная красотища!

Через неделю после Пасхи внезапно умер ворчливый сосед Юрия Петровича. Он умер ночью, разбудив Юрия Петровича метанием и хрипом. Юрий Петрович собрался с силами и поковылял к пункту дежурной медсестры, чтобы сообщить о смерти соседа. Дежурная медсестра сказала, что тело все равно не будут забирать до утра. Юрию Петровичу не хотелось делить палату с мертвецом, но в коридоре был сильный сквозняк. Он придинул стул к окну и до утра просидел, уставившись в темное стекло. Мысленным взором он видел потрясающие виды природы: многовековые дубы и ели окружали водоемы с китайскими пагодами и мостиками, а за ними — зеленые поля, над которыми висела радуга, а еще дальше, вдали в туманной дымке виднелись зеленые холмы.

Наутро соседа забрали и на его место поместили нового больного. Этот старичок был смиренный, спокойный и почти не мешал Юрию Петровичу болтовней и ворчанием. Гораздо больше тревожили Юрия Петровича родственники соседа, приходившие его навещать. Вскоре Юрий Петрович понял, что родственники разделены на две враждебные группировки, каждая из которых надеется получить в наследство квартиру старика после его смерти. Родственники ждали скорой смерти соседа, и специально старались проводить как можно больше времени у его постели, чтобы члены другой группировки не подговорили старика подписать бумаги в их пользу.

Юрия Петровича утомляло постоянное присутствие чужих бесцеремонных людей. Он попросил Лизу, чтобы она привезла ему магнитофон с наушниками – чтобы и слушать музыку, и одновременно отгораживаться от чужой суэты. Лиза сказала, что магнитофонами теперь никто не пользуется, а вместо них есть специальные компьютерные устройства, айфоны и айподы. На следующий день вместе с Лизой приехал ее сын Юра, привез айпод и учил Юрия Петровича с ним обращаться. Юрий Петрович быстро овладел всеми премудростями и повеселел.

– Сад-то здешний мать тебе уже показала? – спросил он у внука.

Лиза заранее проинструктировала Юру про «невидимый сад», и дала указания, что следует говорить, если старик вдруг заговорит о нем.

– Сад?... – Юра слегка замешкался с ответом. Лиза испугалась, что сын случайно ляпнет что-нибудь не то.

– Конечно, деда, видел. Такой сад трудно не заметить. Как к тебе ехали – прошли через него. Там как раз МЧС лося спасало.

– МЧС? Лося? – заинтригованно спросил Юрий Петрович.

– Сад-то в лес переходит. Лось из леса в сад пришел. Его, видно, кто-то испугал, он со страху через речку пригнулся, да не допрыгнул – в речке застрял. Берега крутые – лосю никак

не выбраться. Пришлось МЧС вызывать, чтобы лося из воды выловили.

Юрию Петровичу понравилась история про лося.

– Ну ты и выдумщик, – позднее сказала Лиза сыну, когда они уходили из больницы. – Где это ты взял про лося?

– По телевизору как-то показывали, как лось в Петергоф забрел и в фонтан свалился. Ну я и подумал, что деду будет прикольно услышать про лося.

Через несколько дней главврач отделения пригласил Лизу к себе в кабинет и сказал, что Юрий Петрович показал неожиданный резерв сил, и его организм благополучно выкарабкался из кризисной фазы.

– В понедельник будем выписывать, – объявил главврач, – Но я не ожидал, честное слово, не ожидал такой сопротивляемости. На моем опыте с этим диагнозом в таком возрасте никто не выживал. Между нами, палата, в которой он лежит, у нас называется «палата смертников». Первый раз вижу, чтобы оттуда кто-то вышел.

В понедельник Алексей и Лиза приехали на машине забирать Юрия Петровича домой. Он ждал их в вестибюле. Рядом стояли аккуратно собранные пакеты с вещами.

– Вези меня, Алешка, в сад за больницей, – сказал Юрий Петрович, когда уже сидел в машине, – хочу на сад посмотреть.

Лиза вздрогнула и нервно поглядела на мужа.

– Отец, давай не сегодня, – стал отнекиваться Алексей, – Я спешу. Я у начальства только на пару часов отпросился – тебя забрать. В воскресенье, может быть...

– В саду, говорю, вези, – строго оборвал его Юрий Петрович.

Алексей вздохнул и включил зажигание. Он медленно объехал больничный комплекс и остановился напротив окон палаты Юрия Петровича.

– Сад – там. То есть, должен быть где-то там, – сказал он, неопределенно указав в сторону подворотни.

Юрий Петрович открыл дверь и вылез из машины. Он прошел через подворотню туда, где росли деревья, на которые он смотрел с больничной койки. Лиза и Алексей тоже вышли и пошли за ним. Они боялись, что с Юрием Петровичем что-нибудь случится от разочарования, что сада нет. Но с Юрием Петровичем ничего не случилось. Он подошел к деревьям, немного постоял, посмотрел на них, а потом повернулся и сказал, как ни в чем ни бывало:

– Поехали-ка домой, ребята. Надоела мне больница до чертиков. Хочу домой поскорей.

Андрей Прокофьев
г. Южно-Курильск

Выброшенные

Я любил гулять по вечернему городу вместе со своим закадычным дружком. Мы покупали дешёвого портвейна в пластиковых бутылках, сосисок и хлеба. А потом уходили в какой-нибудь малонаселённый район, и в зарослях полыни выпивали этот портвейн, пекли сосиски на костре, и ели их вместе с хлебом. И не важно, что портвейн отдавал ацетоном, а у дружка были больные почки – ведь здесь всё равно никто не доживал до пятидесяти. Когда дружок пьянел, он начинал говорить о грядущих революциях.

Вообще мы любили выпивать в различного рода необычных местах, чаще всего это была территория заброшенной мебельной фабрики, или крыша городского морга. А иногда это просто был забросанный мусором берег бухты, в которой плавали бутылки и презервативы, похожие на мёртвые медузы. В этом городе серьёзно можно было делать только две вещи – это или впасть в тоску, или безумствовать. Мы выбирали второе.

Когда мы были пьяны – нам было хорошо. Жизнь представляла казаться однообразной и неинтересной. Мы шатались с дружком по берегу, подходили к элеганто прогуливающимся девочкам в мини-юбках, интересовались за какую цену. А они нам отвечали: «Пятьдесят рублей».

– А что так дорого куколки? Мы как бы это, нищие студенты.

Но откровенно говоря в такой день нам было не до девочек, потому что мы как всегда занимались поиском смысла жизни. А девочки ох как мешают в решении таких вопросов. Зато алкоголь раскрепощал мысль и не отвлекал от дела. И мы опять пили, и жизнь опять казалась прекрасной, до тех пор, пока ты

не переставал помнить себя. И только утром ты возвращался в реальность, просыпаясь в помойном контейнере во всё том же малонаселённом районе, в чьих-то недоеденных солёных помидорах, и обглоданных куриных костях. Ты открывал глаза, смотрел на небо, а оно было таким голубым-голубым. А потом невольно задавал себе вопрос – как же я сюда попал?

Однажды один священник сказал мне, что для того чтобы начать новую жизнь, надо всего себя выбросить на помойку. Вот видимо вчера по-пьяни я вдруг и решил этим заняться. Я не находил своего дружка рядом, звонил ему в догадках – где же проснулся он, неужели опять в ментовке? Но дружок рассказывал, что проснулся он на проезжей части автострады, да... это всё-таки лучше, чем в помойном контейнере, а тем более в ментовке, но не так безопаснее. Ты шёл домой помыться и переодеться, и на вопрос ошарашенных родителей: «Сынок, ты что такой грязный-то?» – отвечал им с серьёзным выражением лица: «Ма, пап, да я чист как младенец». А после мы опять встречались, и опять пили портвейн. Дружок беспокоился о своих почках. А я ему говорил: «Да хватит ныть, отдам я тебе свою почку». На самом деле мне было жалко его, а он жалел меня, потому что знал, что я мечтал стать врачом-нефрологом, и помочь ему, и десяткам таким же как он. Но из-за отсутствия подобных учебных заведений в городе, врачом-нефрологом я так и не стал, а стал алкашом, как и он сам.

А один раз выпивали мы как-то на последнем этаже разрушенного общежития для моряков, и услышали детский плач, доносившийся со стороны близлежащего помойного контейнера. В нашем городе были нередки случаи, когда маши выбрасывали своих новорождённых детей куда-нибудь на улицу. Через сутки их находили мёртвыми, часто замёрзшими. Только однажды бездомная собака спасла младенца, согрев его своим телом. А в этот раз ребёнок был ещё живой и громко кричал, видимо хотел выжить. Мы спустились вниз, достали его из помойки и отнесли в ментовку. И на вопрос участкового: «Где взяли?» – так и ответили: «Нашли в капусте». В кем-то недоеденной квашеной капусте. Потом мы

хотели усыновить его, но на нас посмотрели как на идиотов, и сказали, что в приюте ему будет лучше. Больше в том районе мы с дружком старались не пить.

Шнурки

Всем моим друзьям посвящается...

В одной провинциальной газете вышла статья прозаика Седова, где он услаждая себя принципом «мол, у меня ж опыта больше» – решил высказать своё мнение по существу о недавно вышедшей в свет новой книге поэта Лысова. Всё дело в том, что сочинение это представляло собой скорее не критический разбор стихов, а простое выяснение отношений, с нанесением оскорблений автору. Что ещё интереснее, в самом начале этого опуса красовался выделенный жирным шрифтом текст, о том, что его повесть заняла там какое-то почётное место, видимо упомянута она была в пример вышедшей книге поэта – какая должна быть литература, а какая не должна. Прозаик Седов назвал стихи Лысова ахинеей, а самого автора причислил к сумасшедшим.

Прочитав статью, Лысов слегка упрекнул редактора газеты в том, что тот явно поскромничал, поместив от себя небольшую информацию о повести прозаика. А вот напечатать отрывок из неё, в доказательство того, что она действительно превосходит его стихи – не решился. После этого Лысов решил зайти в редакцию газеты, узнать адрес своего обидчика, и объясняться с ним по поводу непростительных оскорблений.

Он поднялся по лестнице старого здания, нажал на кнопку звонка, и дверь ему открыл пожилой вахтёр.

- Чего надо? – спросил он у Лысова.
- Мне нужен главный редактор.

– Он в командировке.

– Извините, а вот мне хотелось бы узнать...

– Повторяю, он в командировке. Ничем не могу помочь.

Лысов вышел на улицу совершенно расстроенным. Теперь ему оставалось только возвратиться домой, и забыть эту статью как неприятный сон. Но странное дело, где же он мог слышать фамилию Седов раньше?

Чтобы хоть как-то развеять тот неприятный осадок в душе, что остался от этой злополучной статьи – Лысов решил немного пройтись по вечернему городу. Гуляя, он начал воссоздавать в памяти образы и события связанные со своей молодостью. А потом зашёл в студенческую столовую, чтобы вспомнить, что он употреблял в пищу после утомительных занятий в институте. Купив себе два бутерброда, Лысов сел за столик, случайно повернулся назад, и увидел своего старого друга детства Седова.

– Дружище, как твои дела?

На что тот сделал вид, что не заметил, что к нему обращаются с вопросом. Приняв во внимание факт, что Седов не узнал его, Лысов не стал говорить ему кто он такой, а попытался напомнить ему о себе другим способом. Он наклонился к ботинкам, развязал шнурки, и стал их поочерёдно завязывать. Всё дело в том, что очень давно, в детстве, Лысов соревновался со своим приятелем на скорость завязывать шнурки. И теперь этот самый приятель Седов сидел перед ним за соседним столиком.

– Теперь-то узнал?

– Узнал, – обрадовался удивлённый Седов.

Так встретились старые друзья, и что было потом, не имеет смысла описывать. Но если бы не случилась эта история со статьёй, так и не встретили бы они друг друга.

Олег Пряничников

г. Верхняя Салда (Свердловская область)

Свадебный гость

Кузина никто не звал, он сам пришёл. У порога квартиры обычного пятиэтажного дома зачем-то оправдывался, мол простите, думал что поминки, а оно вон как оказалось – свадьба. Ломая кепку, уже было заворачивал, но открывшие ему дверь люди были в отличном настроении, тем более уже выпили, и Кузина впустили, как-никак родня всё-таки. Хотя никто так и не понял – кому и кем он приходится, но раз представился дядей Васей – значит кому-то дядя.

Кузина усадили за стол, поставили перед ним чистую тарелочку, налили в рюмку водки.

А тем временем свадьба шла своим чередом. Тамада, раскрасневшееся, толстая баба, съевшая на этом деле собаку, певуче что-то там читала по-десятки раз использованным листкам, она уже подходила к тосту. И вот, когда наступил сладкий момент тоста с избитой «горькой» оконцовкой, раздался голос, не терпящий возражений:

- А разрешите-ка мне произнести тост!
- Вам? – растерялась тамада-свиные глазки.
- Мне! – отрезал Кузин и поднялся во весь свой рост – метр сорок.

Тамада, опешившая, плюхнулась на свой стул.

Кузин, взмахом головы, откинул назад бело-чёрную чёлку, одёрнул полы старенького серого пиджачка, и взяв со стола рюмку, торжественно начал свой тост:

- Дорогие Пётр и Рая!

Кто-то подсказал с шипением: «Александр и Светлана».

– А то я не знаю – усмехнулся Кузин, кашлянув в свободный костиный кулак и зыркнул на подсказавшего.

Все как-бы тоже усмехнулись. Один из гостей (подсказавший) правда громко заржал, но Кузин остановил его испепеляющим взглядом, а затем невозмутимо продолжил:

– Дорогие Александр и Светлана! Впрочем, – смягчил тон Кузин, – давайте-ка по-простому. Сашка! Тебя, Сашка, я с пелёнок знаю. Маленький ты брыкастый был, копытистый. Помню, капусту жрал – будь здоров. У других отбирал детишек. Маленьких, голодных...

Тут жених стал испуганно озираться по сторонам, молкая к чёрту капуста. Какие детишки голодные?

– Всё блеял ты, блеял, – продолжал тост Кузин, – всё бегал по огородам соседским. А теперь всё. Всё! Хана теперь тебе, Сашка, отбегался! Привяжут тебя к верёвочке! Ну и ладно. Ну и ничего. Терпи, Сашок... Я заканчиваю.

После этой фразы Кузина все присутствующие облегченно вздохнули. Жених смахнул со лба пот, невеста отхлебнула водки.

– А посему, я заканчиваю, – сказал Кузин и вдруг с надрывом всхлипнул: – Горько! – И хлопнул опорожненную рюмку об пол.

– Горько-о!!! – после не большой паузы дружно заорала свадьба и заскандировала словно на хоккейном матче: Горько!!! Горько !!!

Жених и невеста поднялись со своих мест и слились в поцелуе. Раздались аплодисменты.

– А теперь – споём! – вскрикнула тамада.

На её призыв взъерошенный гармонист растянул было меха и затянул что-то свадебное. Его песню уже начали подхватывать, но тут...

– Разрешите снова мне! – раздался голос, не терпящий возражений.

– Да что же это такое, – возмутилась тамада, но не громко, скандал ей был ни к чему, тем более деньги она уже получила.

– Валяйте! – разрешил пьяный отец невесты.

– И правильно, – Кузин снова вырос на метр сорок из-за стола. – Я как раз о вашей дочери хочу сказать.

Отец невесты получил тумак от матери невесты, а у невесты задёргалось правое веко.

– Светлана! Светик ты наш семицветик! Кстати, мама невесты, передайте мне вон тот салат из капусты и вон тот фужер под водку.

– Он хрустальный, – промямлила было мама невесты, но Кузин сверкнул очами. Он налил себе под каёмку.

Для техники безопасности позади него кто-то бросил пару падушек – из приданого невесты.

– Тебя, Светик, я тоже с молодых копытц знаю.

– Да я не местна-ая-я-я! – проорала невеста.

Кузин словно не услышал её:

– Любила ты, Светик-семицветик, побегать по полянкам там разным, по огородам всяkim. Одна, или с кем-то. Нет, конечно, и ходить и бегать ты и теперь сможешь, но только под строгим приглядом мужа. Он у тебя козёл видный, да и ты козочка ничего – вот и пойдут у вас красивые козлята. Мда.

– Сам ты козёл! – не выдержал жених. – Что за фигня?! Капуста, огороды, копытца?! А?! Ты, вообще, кто такой?! Ты чей?! Родственник!!!

– Ну, ты бодни ешё меня, – огрызнулся Кузин и махнул в три глотка свою водку. Пустой фужер врезался в подушки. – Гоорько-о-о!!! – взревел опьяневший Кузин и обвёл мутными глазами комнату, полную людей. – Ну что уставились, козлы?! Я сказал – горько! – это он обратился ко всем присутствующим здесь. Возникла мёртвая тишина. А потом началось.

Пьяный Кузин потянул на себя скатерть со стола, так он решил удержать равновесие, потому что его сильно качнуло. Естественно: грохот полетевшей посуды, мат. Отборный мат. Затем жених бил Кузина. Затем били жениха. Короче, стало происходить то, без чего не обходится не одна русская свадьба – повальная свадебная драка.

Кузин кубарем выкатился из подъезда. Он с трудом встал на ноги, отряхнулся, напялил на себя кепку и, шатаясь, побрёл.

Дул холодный, осенний ветер. Он брёл до тех пор пока не шагнул на огромный пустырь, покрытый местами травой. Ещё зелёной. Остановившись, Кузин задрал голову на луну. Кепка с его головы упала, луна наливалась белым соком.

И вот наступило полнолуние. Вдруг раздался хруст костей – руки Кузина превратились в ещё одну пару ног, а из его черепа вылезли рога.

«Бе-е-е-е!» – заблеял Кузин и ринулся в горизонт.

Ecce

Юлия Старцева
г. Санкт-Петербург

Такая страшная, сверкающая красота!

Весь «Серебряный век» как культурное явление в этом рисунке Врубеля: блоковский демонизм, воспринятый от Лермонтова, блистательный и ужасный, особенный русский Содом, не тот библейский, где растленная человечья плоть посягает на ангелов Божиих, а иной: «с тобою, с мечтой о Тамаре, я, горний, навеки без сил» – тут ангелы сходят к человеку, но «Вы сами, Марина, знаете, какие это были ангелы...», как лепетала несчастная маленькая Аля безумной матери, лишившей её детства.

Михаил Врубель «Тамара в гробу»

Окостенелая рука великого мертвеца, от заострившихся пальцев с вурдалачими ногтями, растищими даже в могиле, до мёртвого локтя унизианная чеканным серебром-узорочьем, вдобавок, пожалуй, припорошенная серебристой пылью проказы, поднялась из гроба и начертала надо мной благословляющее крестное знамение. Вот моя новая проза.

Колдовская «рука славы» всех удавленников и удавленниц, есениных-

Михаил Врубель «Тамара в гробу» (фрагмент)

цветаевых. Отзвук серебряных бубенцов, умолкнувших навеки в удушье советской ночи.

Взорвавшееся бедное сердце Эйзенштейна.

И чуть сырой гнилости найденного среди черепов и костей чемодана со стихами на скверной жёлтой бумаге и портретом «Серёжи, Серёженьки», по которому только и узнали, что здесь, в братской могиле, лежит Николай Клюев.

По клюевской строчке и название взято: «Двуликий сирин».

А критикам-моралистам заранее отвечу словами Басманова из «Князя Серебряного» (в названии – дивное предвидение духовидцем А.К.Т. «Серебряного века»):

«Я знаю, что вы все про меня думаете! Да мне, вот видишь ли, на всех вас наплевать!».

Критика

Инесса Ципоркина
г. Москва

Ждали-то Бога, а прислали-то Вас

Очередной графоман премирован «Русским Букером». И отчего меня это не удивляет? Конечно, «Возвращение в Египет» Владимира Шарова вам не скандальный позапрошлогодний «Цветочный крест», однако снова перед нами оклоре-лигиозный роман с посевом вечного-доброго, но не чересчур разумного. Так, чтобы было любо родимой интеллигенции: бред преследования на фоне мании величия со всеми вытекающими.

Тут вам и:

а) семейство, связанное узами семикисельного родства аж с самим Гоголем. Главный герой именуется Николаем Васильевичем Гоголем (Вторым) (хоть ты и седьмой, а дурак). На потомках, знамо дело, природа отдохнула, но это ж истинное блаженство для людей никчемных (из которых класс интеллигенции состоит чуть менее, чем полностью) – выявить родство с кем-нибудь знатным и/или знаменитым. При наличии отсутствия иных достоинств знак «своего», «избранного» горит на челе дальнего родственника, аки единственная звезда на неоновой вывеске мотеля.

б) секта бегунов, одно из беспоповских направлений старообрядчества – мистика! богоискательство! наследственная память! о как причудливо тасуется колода! – и пухлые ручки, прижатые к грудям от чувств-с. Любят у нас взрослые люди поиграть в духовно богатых дев со всеми онерами – приятная, необременительная и безответственная манифестация себя как титулярного интеллектуала.

в) роман как бы в письмах, тяжкий и скучный, переходящий в роман в эсэмэсках – но всё такой же уныло-дидакти-

ческий. Короткие изречения, которыми, словно в твиттере, перебрасываются плоские, ничем не примечательные и даже не обозначенные персонажи романа, перемежаются сетевым же, обстоятельным рассказом: как кого похоронили, куда чей родич намылился, какие бумажки к чему подшивать. Знакомая, милая сердцу информационная среда – болотце да пе- сочница.

г) море советов от кормчего: как от жизни убежать так, чтоб ни единственным обязательством не достала, проклятая. Родственная всякому эсказисту идеология, оправдывающая любую трусость, любую подлость, любое неодобрительное молчание при виде беззакония, беззаконием, естественно, не замеченное – фига в кармане, навек любименькая.

Тут требуется некоторая информация про старообрядцев-бегунов, которые также именовались скрытниками, сопелковцами, подпольниками, голбешниками. Было их три группы: а) «записные», согласившиеся записаться; б) «укрывающиеся за попами», за взятку попам скрывшие принадлежность к старообрядчеству; в) «странники», предпочитавшие нелегальное положение. Последние заявили, что первые две группы должны каяться и нести епитимии. Они считали, что невозможно сохранить «истинную церковь», контактируя с «антихристовым» миром, необходимо бежать и скрываться от «антихристовых» властей.

«Кормчий говорит, что, побежав, человек свидетельствует перед Богом, что ничто земное его больше не держит. Что теперь, будто для ангелов, для него один Господь – начало и конец всего.

Дядя Артемий – Коле

Согласен с бегунами. Борьба со злом – дурная утопия. От греха необходимо бежать. Праведникам пора перестать покрывать зло, как в Содоме, прикрывать его собой. Нужно оголить грех, чтобы Господь сжег, уничтожил его на корню. Иначе никогда и никого не спасешь.

Коля – дяде Ференцу

Кормчий говорит, что во время войны, голода, эпидемий миллионы людей, разом уверовав, обращаются в бегство и тем спасаются. Но человек так предан злу, что, едва всё успокоится, он там, куда его занесло, или вернувшись на прежнее место, снова пускает корни.

Коля – дяде Степану

Странник, как речная вода, течет и течет мимо стоячих оседлых берегов, если же остановится – сразу загнивает».

И до того все эти «премудрости» похожи на мещанско-форумную мораль наших дней: если будешь хорошей девочкой, ничего плохого с тобой не случится, даже токсикоза! – что удивляет лишь, почему это пишет мужчина от имени мужчин же. Перед нами предстает психология флей-леди, которая в зашнурованных наглухо кроссовочках по хозяйству шустрит, и от себя, и от жизни убежать пытается.

Весь роман опутывают эти боязливые, бесцветные чувства, выраженные к тому же телеграфно-эсэмэсочным стилем:

«Александра – Коле

Однажды твоя мать сказала, что в ворота между Ходынкой и Трубной она вошла в Новочеркасске в ту ночь, когда зачинала тебя.

Александра – Петру

Мария рассказывала, что с помощью гардаевского пайка Паршин понемногу ее подкормил, вернул уже забытое ощущение сытости, оттого ее плоть принимала его, хоть и без радости, но с готовностью.

Кормчий делит мир как бы на три сословия. Первые, убегая от зла, тем самым спасают себя и других. Вторые слабее, но они, давая кров и приют бегунам, тоже спасутся. Все прочие признали власть антихриста, живут по его правилам и узаконениям. Их участь – погибель».

И вот с ними-то, побегайками, сравнивают Гоголя, человека бесстрашного и принявшего на себя возмущение от всех сословий, обиженных его сатирой.

«Капралов не любит Гоголя, хотя признает, что боком и он из бегунов. Даже считает чем-то вроде наставника, а Хлестакова с Чичиковым его учениками. Говорит, что Гоголь учил обоих на ощупь чувствовать зло, как оно сгущается. Тогда срываться и бежать. Бежать, не медля и не оглядываясь. И им, и ему было легко, покойно в дороге. Всё плохое оставил за спиной и, нигде не останавливаясь, едешь, едешь. Я спросил Капралова, что же он ставит Гоголю в вину. Он ответил, что тот мало перед чем останавливался. Намеренно поощрял Хлестакова с Чичиковым самих творить зло. Творить не раздумывая, не сожалея, весело и артистично».

Гоголю он в вину ставил, голбешник, что тот людей насквозь видит, а не твиттер-гуру из себя строит. Хорошо эдак на досуге гения поругать, себя ненароком возвеличивая. Недаром в течение всего произведения персонажи всерьез обсуждают, писать ли им продолжение «Мертвых душ» али не писать? Предок-то не справился. Может, потомки, очищенные форумными моральными ценностями, напишут нечто высоконравственное и шедевральное, завершающее анабасис Чичикова, усмирят его зло несущую душу?

Так и представляю себе это продолжение, полное воистину шаровских литературных красот:

«Из Казахстана со случайной оказией пришло грустное письмо от Сони».

– «Случайная оказия» всплывает в первой же фразе, а дальше все прекраснее и прекраснее.

«Многие держат связь раннего Гоголя и «Выбраных мест» за мезальянс...»

За какие места они Гоголя держат, простите?

«Психоанализ тоже недобр. С ним мы верим, что всё в нашей власти. Человека, как глину, можно размочить, размять и лепить заново. Или даже, как игрушку, развинтить на части».

— Хорошо размоченный психопат в фиксации не нуждается.

Отчего-то вспомнилось, как у нынешнего лауреата некто в романе «Будьте как дети» персонаж танцевал «с бараньей бекешей на голове» — и позднейшие попытки поставить пре-словутую бекешу в вину... редактору. Писатель, дескать, лич-ность творческая, его Лидия вправе снимать с высокой груди кокошник, а с полной ноги сарафан.

Так вот не довольно ли как бы исторических как бы рома-нов, написанных людьми, чьи познания в истории, будто у, прости господи, работника политического менеджмен-та Валерия Бебика, покровителяprotoукров? Сколько еще бекеш можно на одну читательскую голову надеть?

«25 марта — день Благовещенья у католиков, 7 апреля (день возвращения носа к Ковалеву) — у православных, и поскольку весь календарь и вся история че-ловеческого рода идет от Благовещенья и от Рожде-ства Христова и, значит, нового рождества человека, и вне Христа никакой истории нет и не может быть, то это время есть время мнимое, несуществующее».

— А откуда же тогда случился Исход, о котором столь высо-кого мнения господа голбешники?

«В сущности, эта разница в датах и в календа-ре, отнесенная туда, назад, на две тысячи лет, есть

главное отличие веры православной от веры католической».

– Не мешает ли автору тот факт, что Великая схизма – событие 1054 года, григорианский календарь принят в 1582 году? Не утруждает ли его отнесение на двадцать веков того, чему и тысячи-полтысячи лет не исполнилось? Каким образом глубоко верующий и много думающий о церкви и религии человек – персонаж ли, автор ли – может этого не знать?

Хотя о чём он вообще знает? Пишет о Старице: «тихий, уютный, совсем на отшибе городок, Волга, хорошие леса вокруг» – и ни слова, что это был последний русский удел убитого Иваном Грозным князя Старицкого. Для исторического романа хотя бы пару фраз исторического экскурса можно было вытужить из себя? Или еще исторический факт убийства русским царем русского же князя поколеблет образ Святой Руси, созданный писателем в противоположность бесовской Украине?

«Гоголь родился там, где два христианства – католичество и православие – давно пересекались, сходились и врастали друг в друга, где братья по крови: поляки, русские, украинцы – и братья по вере – и те и те христиане – враждовали сильнее, ожесточеннее и больше всего, в месте, где они убивали друг друга, – и в самом деле дьявольском. Украина, бывшая окраиной и для Польши, и для России, была рождена их смешением и их ненавистью. То буйство нечистой силы, какое у Гоголя, – из его веры, что на земле нет места, где бы нечистой силе было бы лучше и вольготнее, чем здесь».

Кто «Сорочинскую ярмарку» читал, заметил, насколько там сатанизма-мистицизма больше, чем в Петербурге с его благолепием? Вот и я отчего-то не заметила разницы. Гоголевское представление о Петербурге так же полно чертовщины – таков весь Гоголь. Которым Владимир Шаров запросто

пользуется, как ему благоугодно: захочет – припишет ему собственные или героев своих боязливые чувства перед «сатанизмом». Да еще локус выведет, как ему, В. Шарову, удобнее. Прием, опробованный данным автором еще на образе Сталина, которому писатель точно так же приписывает трепетность необыкновенную. Видимо, свою собственную. Что это, уж не закономерность ли? Не пора ли авторам исторического жанра перестать пользоваться историческими лицами в качестве бибабо для избытия собственных страхов?

Сей роман перетолковывает на узколобый сектантский манер те моменты из истории и культуры, которые любит наш интеллигент за рюмкой чаю «изынтерпретировать». Ладно бы все вышеперечисленное подавалось как мироощущение персонажей, не разделенное автором, воспринятое им критически и критически же осмысленное. Так нет в опусе автора. Совсем нет. Есть только длиннейшая рацея из писем, из которой ни черта не выводится, и не брезжит, и не виднеется. Знавала я литобработчиков, так называемых книггеров, которым вручали пару-тройку коробок с архивом очередной знаменитости на предмет переработки – те, кто любил схалтурить, выдавали в результате точно такую же переписку, ничем воедино не связанную: бумажную, сетевую, треп по аське. И что вы себе думаете, их сразу номинировали на «Букера»? О злые, бессердечные заказчики, возвращавшие шедевр с возмущенным клокотанием: переписааать! что вы себе позволяете!

Мир несправедлив. Одним букеровскую премию, другим штраф за срыв сроков. За одни и те же художества!

В результате роман превратился в некое подобие компьютерно-фэнтезийного квеста, в ходе которого персонажи идут себе и идут, перебрасываясь заполошными нравоучениями и откровениями – а что им еще делать? Жить не приучены, приучены выживать и спасаться. Если и сквозит в сумбуре реплик и воспоминаний какая идея, то лишь нехитрая, трусливенькая мыслишка: как бы так прожить, словно и не жил во все? как бы проскользнуть сквозь мир незамеченным? Мысль, по задумке автора, достойная потомков Гоголя, выстоявшего

против целого мира и оставившего след в самой вечности.

Прогнило что-то в нашем королевстве, если такое награждается, восхваляется и подается как лучший образец.

*«Я на корабле, служу здесь простым матросом.
Впрочем, кормчий относится ко мне так хорошо, что
время от времени думаю: а что, если и я избран? А что,
если и вправду спасусь?»*

...

Кормчий говорит, что вне обчины бегунов всё принадлежит антихристу. На домах, на полях, на тортгах – везде его печать. Вовне только грех и погибель».

Беги, кролик, беги. Не то как поймает тебя Мазай, как посадит в свою лодку, как отвезет на базар... «Там дураков поди много, а зайцев мало».

Стихотворения в прозе

Анастасия Галкина
г. Москва

Говори потише

* * *

Ты уж говори потише

Мне этот нарастающий крещендо от войны гламурных ка-
блучных отстукиваний бестактностей каких-то странных го-
лосовых ошибок да и бурных беспричин совершенно лишний

И вообще честно говоря не пойму кому это все тебе или
туда выше

Признаюсь правда если уж и помню кого или что то одно-
значно щедро даже не отбрасывая всякий там запах пакостей
ну подумаешь ушибы пинки но ведь мало ли от чего у кого
столько личин во время передышек

Да даже если оправдываю всех от души может это излиш-
ки её как какие-нибудь куски сала такие прозрачные медузо-
образные абстрактности разве же это так плохо иметь очень
много чего-то большего пусть и отвисшего или даже нагло
развалившегося поперёк внутри

Разве и это плохо хотя бы иногда раз в вечность открывать
в себе какого-нибудь духовного Ротшильда что-нибудь как
будто не прощать кому-нибудь прокисшему для того чтобы
только напомнить ему ну или может быть слегка указать как
бы намекая – посмотри

Совсем уж точно не плохо верить вопреки как какой-ни-
будь старый приёмник хозяину сносящему его к свалке у реки
подумаешь предал ну ведь слушал же пару раз расположив
где-нибудь справа от щеки никто ведь и не обязан считать что
ноты которые ты издаёшь глубоки

Однако же хорошо когда после пришёл увидел победил
ещё и воссоздал ведь что мешает прошедшему в твою душу
снять свои каблуки поприсутствовать так сказать в музее
не трогая ни один кристалл но меценатов по пальцам пере-
считать да и где искать а вор всё это время был рядом вроде
как даже в какой-то момент сострадал

Да и удивительно вовремя с тобой совпал и вообще с вора-
ми неясно как строить баррикады как-то так говорят обо всём
что даже не стучатся нарушая дружеский устав просто уверен-
но стоят подле тебя как вассал что ты сам вдруг открываешь
им двери в самые потайные свои места

Может это и называется потакать чертям и не желать оче-
редной потери но какая разница в конце концов что там кто
чему-то приписал какой-то очередной критерий на оборот-
ную сторону листа

Тут важно то что раньше никогда сшивая ткани тонких
прорванных обутыми материй

Я столько не думала о вере и возрасте Христа

* * *

Ляжешь бывало воином а проснёшься капитулянтом с бе-
лой простынью в сжатом кулаке вместо флага

Подсчитаешь пробоины вздохнёшь перевернувшись
на другой бок и почувствуешь себя усталым эмигрантом в соб-
ственной кровати как в чужом гамаке бродяга

Прощай, оружие? шепнёт с ухмылкой развалившийся на-
против рок

хватит, ответишь ему, но всё-таки встанешь неуклюже раз-
дражённо бросив через плечо – я вчера поздно лёг

Заваришь чай приложишь пальцы к чашке и повинуясь
какому-то невнятному «горячо» отдёрнешь

Лучше подлечи ожог отзовётся он ехидно постоит над ду-
шой и вроде как уйдёт на неопределённый срок

Ничего не видно, подумаешь стоя отважно в одной рубаш-
ке и глядя в окно – туман сплошной да и на лужах лёд

Впрочем не важно, решишь,

Прислушаешься себе куда-то внутрь

что скрежет войны там вроде бы наконец-то смолк

Ну и тут конечно взбодришься заспешишь пропустишь
в другой комнате звонок соберёшься поспешно даже монтаж-
но раскидаешь утварь а в сумку что-нибудь лишнее не зная
какой в этом толк

как вдруг

обнаружишь про себя погрешность – война не кончилась,
чувства собрали новый полк

* * *

Мне не всё равно

Когда чьи-нибудь щёки в слезах особенно когда я не могу
подойти и обнять сунешь руку в сумку а там ни одного платка
да и поздно нигде не достать как нарочно одиннадцать на ча-
сах идёт дождь и у самого вся одежда словно плачет

Не всё равно когда хвалят по лести или лжи такая липкая
карамель с головы до ног стою и молча думаю неужели для
него это что-нибудь значит весь этот вычурный слог ведь каж-
дый всё о себе понимает сам

Не всё равно когда говорят о том и этом просто так вроде
как положено по какому-то там странному уставу междулю-
дья при этом каждый друг про друга что-нибудь определяя
прячет не желая озвучить что уже давно знает но ещё не осоз-
нал: предам

Не всё равно когда подадут руку этакая прелюдия к друж-
бе или даже любви и ты хватаешься как дурак изо всех сил
не отпускаешь наслаждаясь теплоотдачей доверишься повис-
нешь теряя из-под ног а тот в чьей руке твоя вдруг станет мра-
чен достанет из-за пазухи тесак и отрубив потянется устало
вдруг приоткрывая рог

Не всё равно когда в ком-то перестали идти дожди засуха
и смог и он мельчает теряя истинное лицо становится участ-
ником этого дурацкого маски-шоу стирая свои черты насухо

и отдаваясь моде меняет на парадный подъезд скрипящее крыльцо

Не всё равно когда чужой честью играют в пинг-понг а свою таскают как прилипший к ноге кусок туалетной бумаги при любой погоде

Не всё равно когда лгут особенно за спиной или прямо в глаза не моргнув как сдавая в собачий приют какой-нибудь дворняге

Мне не всё равно до старииков, нищих деревень, особенно когда плачет тяжело больной или кошка навзрыд над сбитым машиной котёнком на обочине у какой-нибудь коряги

Мне не всё равно когда скулит пёс более всего когда он потерялся и стал бродячий

Мне не всё равно когда жуют поп-корн в кино даже если фильм пуст и однозначен

Мне не всё равно до тех кто не видит даже когда смотрит в упор гораздо больше других кто от природы незрячий

Мне не всё равно до тех кто ненавидел меня и любил, но более всего для кого я ровным счётом ничего не значу

* * *

Не хочу умирать для кого-то

Как лето для осени а зима для весны

Это как оказаться вытравленным тараканом на его празднике жизни хотя были же совместные сны ну или домом в котором он гостил а теперь сравнял с землёй по прошествии времени и изменении его планов

Я всё никак не возьму в толк почему в одну судьбу как в суд заливают сладкий морс а в другую как в высыхающий не нужный пруд разведённую с водой горчицу

Не то чтобы я запрашивала какую-нибудь гладь, штиль, уж точно не изнеженный шелк, просто ей-богу никак не сведу одно к одному, что-нибудь в определённый момент непременно начинает разниться

Если найтись и заявить прямо это будет звучать жёстко но потому вероятно верно что когда ты умер для кого-то всё что ты был для него это охапка мелочи в кармане

И всё быть может и ничего да только вот он для тебя не прошёл как пустошь скорее как глубокая яма к которой ты шел давно по каким-то странным нелепым кажущимся вершинам бестолково торчащим в тумане

Да и дело конечно не в нём а в том видимо что ты сам умешь помнить и не прекращаешь любить вопреки особенно когда совсем задумаешься хлебнёшь ещё а там уже давно весь чай выпит в этом твоём гранёном стакане

Ну и смахнёшь как водится солёную речку с щеки пусть в конце концов раздарит тебя по рублям монетами в каком-нибудь кабаке или на чём-нибудь балагане жаль его вероятно останется без гроша в рваном кафтане

Да и была ли у него когда-нибудь душа раз разменял и вывалил на стол за чью-нибудь неискреннюю лесть напоминающую остывшее саке или мнимое лето в бане

И остаётся только вздохнув отдать ему честь по очереди обеими руками

* * *

Посидишь однажды под осень где-нибудь в центре собственной кухни не дотягиваясь до чая от лени или пустоты и поймёшь что устал от собственных теорий как от ветра в тот момент когда в который раз пытаешься откусить пирожное а волосы сдуваются как безумные лезут в рот

Устал не только от теорий а вообще от каких-то прикладных искусств от лиц которые вынужден помнить ровно потому что они вроде бы что-то значили пусть недолго и пусть вперемешку с вязкой страстью но стоят перед тобой как вкопанные пока ты просто сел промолчать

Устал это мягко сказано куда точнее самоназванец «вы-устал» отнести к себе причудливо моргнув или растерянно

закусив губу отхлебнув-таки и сплюнув проворчав про себя
что горячее и вздохнув

И что-то вдруг засовещалось занавески простыни конфор-
ки с бурлящими спагетти разваренными потому что нелепо
как-то все жил не про то и вроде прислушаешься даже подума-
ешь что вот осознал пора выглянешь наружу а там уже осень
подумаешь чёрт бы её побрал и заживёшь туда же с теми же
снова и опять

Позвонить бы наоборот этакий звонок внутрь услышать
собственное зонкое «алё» с того конца выдержать паузу а по-
том ответить громко и как бы не имея претензий: умой глу-
пость со своего лица

Или опасть листом осеню а весной проснуться в почке
на какой-нибудь аллее и неожиданно для себя распуститься
в розу распуститься в любом случае даже если без/с пристав-
кой не

ну или даже

в крайнем самом неприемлемом для тщеславия варианте,
беззвучно:

когда роза не ты – ты её пыльца

* * *

Я люблю стариков
Их тени как души по-прежнему молоды
И только в их руках как в живой воде цветы никогда
не вяннут

А в их глазах можно вдруг на секунду обнаружить
собственную совесть

Не люблю идти мимо них – течь прохожистой рекой пока
они стоят молча как камни с краю мне становится ужасно
грустно от естественной необходимости куда-то всё время
идти под прицелом собственных амбиций

И взвесив каждую подумаешь бывало как наверное славно
прожить хотя бы несколько лет морщинкой на чьем-нибудь
светлом лице у рта и улыбаться вместе с ним собственной глу-

пости затягивающей галстук или семенящей куда-то по улице
на каблуках

* * *

А вот с ливнем – другой разговор
Он идёт на тебя – а ты тогда на него
Он вниз – ты вверх
Ему повезло меньше, ведь он падает – а ты стоишь
Тем более что он холoden – а ты горяч (не про всех)
Кроме того он шумит – а ты молчишь
Что там у него – облако? Ну а у тебя – прекрасные башмаки
А главное-то – его рано или поздно куда-нибудь сдунут,
а ты (если конечно устоишь) сложишь зонт и достанешь очки

* * *

С осенью мы не дружим
У неё ко мне – зависть (улыбаюсь, искрюсь, танцую)
У меня к ней – тягость (хмурится, жалуется, тянет за подол)
И чувствую себя каким-то отчаянным не выдающим себя
холостяком в мужском обличье, уставшим от жены, не знаю-
щим как уйти от неё к какой-нибудь весне

И вроде листья предложит, обставит так, что красиво, чёрт
побери, притается, успокоит, ляжешь, уснёшь, но встанешь,
посмотришь ей в глаза и снова захочешь уйти

Уйдёшь, она дунет ветром каких-то странных чувств, мель-
кнёт в лужах и стёклах витрин, помашет голой тонкой веткой,
донесёт мелодию проведённых вместе дней, напомнит о бы-
лом и каком-то важном и что-то кольнёт развернёшься и при-
дёшь домой

Она накроет стол арбузом и дыней, напечёт пирогов, рас-
скажет и натолкнёт на мысли, обнимет и заколдует своей
странной магией леса

Посидишь с ней, пройдёшь аллеи, утрёшь слёзы, пообеща-
ешь верность, но как только она уснёт откроешь и захлопнешь

не закрыв ключом выйдешь перешагнёшь три месяца зимы
разом чтобы поскорей оказаться ручьём той самой весны

* * *

Мысли имеют свойство натирать мозоли каким-то кем-то

Тушишь как сигареты воспоминания но они воспоминаются вновь и выкуриваешь по пачке а то и больше когда накатывает и вроде хватит думается сколько ещё но вскрываешь новые где-то там за пазухой между волосяных луковиц между ресниц даже на каждой микроплощади кожи какое-то миллиметровое присутствие татуировка не вывести ничем

Носишь как мускул в сердечной мышце или боишься расплескать как эликсир

боишься расплескать чай когда идёшь в комнату потому что глаза мимо где-то глаза внутри

Читать читать читать придумывать куда положить взгляд на ночь куда повесить его среди бела дня во что его ещё одеть или чем протереть чтобы запретить искать какие-то чьи-то два между прочих

И даже уже не строишь разложишь на кирпичи всё к чёрту вдребезги но продеваешь мимо забываешь зонт и куда положил ключи

А может и шиворот-навыворот свитер майку а если точнее наизнанку сам весь день как проклятый не вписываешься в улицы расписываясь то там то здесь угрюмым присутствием оставляя позади себя терпкий шлейф тоски

Или выправишь себя поставишь на ноги решишь уверенно ключом входную завязав шнурки навестишь друзей разговаришься рассмеёшься на солнце вдруг не станешь надевать очки и в дом как в дом впервые шагнёшь радостно вернёшься сумку на пол ботинки куда-нибудь поперёк на кухню нальёшь из-под крана а может и из чайника не важно снимешь кофту подхватишь яблоко и бросишься подпрыгивая захлопывая а там столкнёшься с пропитанной каким-то тем-то комнатой пропитанной им дотла лицом к лицу

* * *

Спорь со мной

о том что собаки преданы а кошки безжалостны,

Но я докажу –

голодные псы кинутся друг на друга, не оставляя ничего
после себя,

а кошки умрут голодными,

То же про некоторых мужчин и женщин.

Спорь со мной

о том что если принять любые правила игры, всегда мож-
но вернуться.

Но я утверждаю – любая игра, конечно, стоит свеч, вопрос
лишь в том, горят они в Аду или освещают путь в тумане.

То же про веру или её отсутствие.

Спорь со мной

О том что идти лучше чем стоять.

Но я уверена –

для некоторых шагов всегда найдётся капкан, а перед тем
кто стоит рано или поздно появится дверь.

То же про мечту и амбиции.

Спорь со мной

О том что смерть страшнее жизни,

И да, я молча кивну,

хотя и знаю, что кое-какие жизни куда страшней.

* * *

Я не заваритель чаёв, не вытравитель или выдаватель
тайн, хреновый обсудитель машин и телефонов, не высплет-
ник, не готовитель супов, не регулярный выноситель му-
сорных вёдер, не высмеятель глуповатых намерений и бес-
толковых мыслишек (чаще их спокойный обдумыватель
и внимания не обращатель), не лучший гладитель рубашек
и прочего хлопчатобумажного хлама (ну раз откровенно),

не картофельный копатель, не огородный сажатель, нику-
дышный пришиватель хотя и лучший нежели сшиватель или
вышиватель, изрядно бестолковый да и просто бесполезный
обманыватель, ленивый поломытатель,

хотя и

отточенный мыслительный сопроводитель и, хочет-
ся надеяться, интересный взаимообсудитель, оригиналь-
ноидеепривноситель, прочный поддерживатель, честный
дружбоноситель,тонкий сопереживатель, верный параллель-
ноступатель, вполне себе романтично ужинонакрыватель (без
супа), хоть и ленивый но все же завтракоутровстречающий
самозаставлятель, кофевпостельсчитающеслишкомжирным-
недоноситель, неплохой подаркопридумыватель, бескорыст-
ный энергораздариватель, недурныестихивременамиаписа-
тель, утончённыйолосораспускатель и, сюда же, искренний
улыбатель, со своего путиникуданесходитель, мороженоедо-
боливгорлелетомпереедатель, проерундуфильтрователь,

лучший звёздовоспеватель, луновытель,

но главное

вероноситель и надеждовселитель

А к чему всё это говоритель – давно уже забыватель

* * *

Царство карликов и гуимпленов

Вместо глаз – цветные стёкла, на ногах – ходули.

К чему высятся – не знают, но спроси у них что почём – от-
ветят, проводят, даже скинут копейку-другую.

У них можно купить всё – от славы до любви. На послед-
нюю самый большой спрос, правда, никому не по карману.

Поэтому все толпятся у витрин с наименованием
«Страсть». Тут всегда акции – выбирай не хочу.

В общем покупатели выходят довольные – с набитыми ду-
шами.

И пока я решительно вытряхивала купленное накануне
в урну на другой стороне улицы, моя голова отчаянно запира-

ла одну маленькую невинную фантазию, бросающую забавы ради подожжённые спички всё ближе к центральному входу ярмарки

* * *

Зашла в бар за углом и спросила водки
Выскребла всю мелочь
Выложила все мелочи на стол – погрешности в исполнении судьбы

Десятки пятерки а затем и по рублю
Сколько у нас таких в сумах через плечо – и с ними в тягость и без них никуда

Ценник на опыте меняется в зависимости от духовной инфляции

И сдачи никогда нет
Стало быть лишняя копейка не помешает
Купила его грамм 200, пока хватит, заработаю ещё сразу на выходе чего откладывать

Выпила залпом как беду связала волосы улыбнулась комуто по правую руку

Зачем? Для чего?..
Шла мимо и как-то сквозь и думала не о том
Думала не о том и не про себя
И поскольку на мне было алое платье
А ветер перемен куда-то толкал этот город
Я не стала сопротивляться мачте на которой он меня распял

Надеясь лишь на то что Ассоль быть может где-то все-таки существует

* * *

А один простой след – куда его?
Кажется иногда легче взяться зубами за провода и продолжать до потери памяти

Если тот кого тянет-я, тогда я натянусь пока не лопнет
пока не поздно пока есть повод и пока стрела в пути

Снять все картины вынести всю мебель засыпать пылью
развесить паутину

нацепить морщины выседеть волосы ослепнуть отвер-
гнуть свести к нулю цифры некоторых лет чтобы почувство-
вать старость которая уже знает но не может

а молодость как породистая но непослушная овчарка идёт
на нюх приводит к двери за которой исступление страсть во-
роп каких-то чувств ладно бы коли так но она ещё лает пока
не отворят так и кто кого ведёт собака человека или человек
собаку или тот кто – над а вероятнее всего – под?

Закрыть дверь изнутри, потерять ключи, не знаю что-
нибудь с окнами заткнуть быть может щели пока этот гул-лай
включить Моцарта или нет не Моцарта что-нибудь громче на-
учиться вязать встать и сесть подняться и спуститься запла-
катить и рассмеяться

Но чёрт побери
не приручить собаку, скулящую изнутри.

* * *

Автопортрет в прозе обрамленный поэтической конструк-
цией

Раздавая волосы ветру,

Под самой насыщенной фиолетовой облачной подушкой
с самым что ни на есть леденящим кожу ливнем идущим вниз,

Имея отчаянно искреннюю и понимающую улыбку вме-
сто рта,

И распахнутый и ежедневно проветриваемый для свеже-
сти созерцания взгляд,

Между спин укусов лезвий укоров и толканий,

Стояла хрупкая едва удерживаемая на земле поэтическая
структура в женском явлении с развевающейся вместо платья
надеждой,

Нанизанная на самый прочный из гвоздей когда-либо
торчащих снизу
и намертво вбитая им в небо.

* * *

Думается мне хорошо коли кто нас поёт или зачитывает,
ну или быть может прошёптывает на самый крайний

Проговорённым – по мне – куда печальнее – значиться
у него в закромах каких-нибудь простых и вернее всего скуч-
ных бесед,

я бы когда так – упросила бы меня промолчать, не прояв-
лять вовсе, раз так мало озабочила, ведь кому что – я напри-
мер и босого спою отчаянно, но верно есть и аргументы про-
тиву меня – сама молчу много, да и говорю жестко, а и говорю
если то разлетаются, чёрт их побери – чирикают, хорохорят-
ся, а в клетку не посадишь, поздно, о многих до сих пор жалею

Однако же, речь и не о том вовсе, а к тому, что самое из не-
обратимого – быть хоженым, ну как та какая-нибудь в лесу
одна из многих тропка. Запустишь ноги – пиши пропало.
Нельзя разрешить ногам блуждать, где им вздумается. Даже
когда ноги эти любишь – если, скажем, кроме ног ничего
и нет. Да и потом следы от ног не отмываются, а какой турист
стремится пройти по исхоженному пути?

Другое дело – неведомые дорожки. Найдется ли хоть
один, который воспротивится лично исследовать какой неви-
данный талант – зверь, оставил там следы?

* * *

Распахнуть степь
и вывести безумие
дать ему волю вести руку с уздой
вытряхивая из-под сумы недоеденные крошки прошлого.

Пусть кто-то укажет и не осмелится сказать
про всадника и его мечту
как о костре сжигающем заборы
пылающем гривой и разевающимся на ветру распятием
прядей.

И прочие крикнут вслед
А другие молча кинут проклятия
И сомнения зальют глаза дождем
Когда бы ни сошлись они позади в бессильное эхо.

* * *

У чьих берегов искать соль земли
Или
В каких временах её просыпали?..

Должно быть, мы даны в комнаты. Правда, дизайнер спроектировал каждую по-своему. Стало быть, повезло тому, в чьей углов меньше – ведь целую жизнь стоять то в том, то в этом. Но даже если так, жаль не иметь лица с обратной стороны, ведь стоя к стене, всегда пропускаешь что-то, а отойдя от стены, выходит, это что-то пропускает тебя

И если уж из игры никак не выйти, а роли обязательны, то можно хотя бы однажды дойти до себя такой чтобы кинуть всю пачку в огонь и никогда не пожалеть об этом?

Или
Покорно принять того ради кого сгореть самому не обязательно на костре но обязательно в жертву
Зашью глаза мне будет жаль стада бросающегося с обрыва
Умою руки чтобы не испортить то к чему прикоснусь

* * *

Я боюсь дураков.

Их либо слишком много, либо мало – но в самое сердце. Эти-то и заламывают, только не руки, а мысли. И объятия их – как труба, в которую попадёшь и от тесноты мелькнёшь

клаустрофобом. Или вообще без объятий – вроде как, стрелы долетают и по воздуху, к чему нежность по касательной?

И говорят много. (Любят лапшой угостить)

И обижаются больше всех.

Странные люди.

Да нет, не только. Собаки тоже дураки бывают, и кошки дуры.

А чего ждать от своего дурака, там, где-то за правым ухом сидящим – не знаю.

Гнать его в шею или радоваться его присутствию для контраста?

Он и чешется, когда я молчу, а ему надо проболтать все мои тайны, растрепать мои волосы, подвесить мне язык, куда не следует и когда не к месту, уши заложит в отместку – и вот я наговорю глупостей...

А ещё подначивает моё женское – возьмёт да повернёт мою голову, столкнёт мои глаза с кем-нибудь из того же сорта. А я раз и дам слабину, дай да и поддамся.

Но жаль мне его – чего с него возьмёшь. Пусть его, лепечет детское. В конце концов, когда он спит, я думаю ярко и радуюсь тому, что всё ещё жива, а не холодна, наигрывая взросłość. Да и дыхание моё придумал Бунин.

* * *

Если уж смотреть – то куда-то между, вверх, над, для, конечно – в, возможно – через, но никак не на, не сквозь, не снизу и не сверху

это – зрение, все прочее – видимость

Не проходить людей мимо, тем более на бегу – о том же

С другой стороны как знать, вдруг этого проходящего ведет другой проходящий или наоборот, примерно как у Брейгеля в картине про тех кто упадёт в яму? А пока стоишь – видишь, как они проходят, значит, правильно стоишь, пока другой стоящий когда-нибудь не обнаружится рядом

Одна беда – зрение может ухудшиться со временем, и в этом случае на глаза попеременно нужно надевать книги, картины и фильмы

Если уж слушать – то не чьи-нибудь беспокойные и узкие мысли, (если они есть, их обычно много) – а чье-нибудь молчание (оно особенно обостряется в любви), ропот костра, бурю, грозу, ветер на крыше, волну, щелчок выключателя ночной лампы, отлипание подошвы от асфальта весной, хруст засохшего листа, Реквием, любой пазл, в конце концов, но не эту же снующую по ушам ересь лишенную мелодии, замурованную в электронный инструмент (особенно с чужой земли)

Если уж чувствовать – то и так понятно, что все, но начинать разве не честнее всего с чужой боли?

А уж если узнавать – то обходя любые и сквозь, но даже голодая не срывать яблока

* * *

Вымою полы. Заведу собаку.
Выведу на крыльцо и выгуляю платье.
Протру пыль и встряхну душу.
Сойду в заводь и смою глупость.
Поднимусь на гору и получу благость.
Спушусь с горы и заслужу радость.

* * *

Не согласна с этим
Хотя надо бы перевести часы, они слегка отстали

И занавески задергиваю, заглянут, «вон» кричу, пока я истекаю мыслями, да и не укладывается в голове в постель ни одна из них

Голос сел, хотя я и не крика не издала, тогда чей же это голос? Что еще во мне кроме меня? Но выселила ведь ложное, а если не все— выселю еще

А вот эти-?— разогнула все, выпрямила в восклицательные, понимая— им больше нет места там, откуда они пришли

Однако, нет ничего хуже точки поставленной в самом центре предложения, даже если фраза к середине сложилась неграмотно, не в тех падежах, ну и пусть, и пусть, черт возьми, ну не всегда же нам говорить правильно, почему же в конце концов не продолжить предложение вдруг им одним напишется целое, рассказ, повесть, роман

Смотрите сколько точек и где их только нет: над и, после мы, до нас, между нами, а многоточие— визуальный обман, потому что после него все равно пусто

Да и пуля попадает в точку, если уж на то пошло

Или

Точка временами и есть пуля

Но в этом случае я бы предпочла в упор, а не из— за угла.

* * *

Не откладывайте людей на потом
иначе найдете себя в их заваленной груде ненужных вещей в каморке

а после — их самих навечно замурованных в фотографиях

А ещё сказанное «люблю» как цветок — не будете ухаживать за словом, оно завянет, или если сорвали — несите, не швыряйте где попало, а уж если подарено Вам — растите, а если сами подарили — будьте так добры, поливайте. или грош цена тогда Вашему рту, лучше зашейте его сами, пока судьба не взялась за дело

А если человек мельчает, не вините его, просто зайдите по пояс, и коли уж он не идёт следом — отпустите его. Пусть себе загорает на берегу. Когда напечёт ему — ещё и Вас перегонит, с головой нырнёт. Правда, Вы к тому моменту уже достанете все жемчужины со дна.

Если кто-то срубил сук не по себе, он упадёт вниз вместе с ним. ему не впервой – а сук сломается, или как минимум подломится. Но в данном случае жаль дерево, которое останется без руки. Из сугуба вырастет новое дерево, а дровосек так и будет ползать в поисках своего топора.

Без бури нет смирения. Потому если даже слезы штормят – хорошо. Значит, скоро в глазах взойдёт солнце.

Повесть

Светлана Волкова
г. Санкт-Петербург

Национал-лингвисты следят за тобой

(Время действия – недалёкое настоящее)

От нечаянно брошенной фразы всё и произошло. Завертелось, как турбина, вытащило на поверхность змеиный клубок. До чего же глупое выражение: «Язык не повернулся произнести»! Вот языку-то всё едино, поверьте, хоть высокий штиль, хоть многоярусный мат. Это мозг – предатель, и ты не всегда ему хозяин. Не всегда. Точнее, НЕ ТЫ всегда ему хозяин. Элементарная инверсия во фразе, а как бодрит, да?

* * *

Ночью 12 декабря Егора Барабаша выволокли из тёплой постели в доме на Гагаринской улице, и он не сразу понял, что творится вокруг. Была вспышка, три хлопка непонятной природы, и склонившееся к самым глазам серое угреватое лицо. Это всё, что он запомнил. Да, и слова ещё: «Ну, пойдём, что ли, грехи твои замаливать».

Одеться толком не дали. Во всяком случае, когда он начал приходить в себя, на нём была лишь куртка поверх пижамы. Тапки сразу намокли от каши подтаявшего снега во дворе, пальцы ног немилосердно свело. Промозглый петербургский декабрь дыхнул в лицо колкой сыростью.

Распахнулось окно, и появилось плачущее лицо Жени – девушки, с которой он жил последние полгода.

– Фашисты! Дайте ему одеть ботинки! У него только что был приступ полиартрита! – срывааясь на визг, заорала она.

Один из троицы медленно повернулся к окну.

Пуля, пущенная метко в лоб, сломала Женю пополам, и тело её безвольно повисло на карнизе, точно пёсткая тряпка. Длинные густые волосы, светлые днём, слились с тенями голых веток тополей, и промозглый ветер от близкой Невы тут же начал перебирать их, точно хозяйка перья лука на рынке.

– За что её?!! – с ужасом выкрикнул Егор, но его толкнули в спину чём-то острым.

Уж не штыком ли?

– За «о д е т ь ботинки», – ответил низкий прокуренный голос. – Они тебе, кстати, не пригодятся.

Барабаш почувствовал пинок в спину и словно в рапиде увидел, как грязная дворовая лужа летит ему в лицо.

Они шли минут десять, и он пытался справиться с жестоким озnobом, впрочем, безрезультатно. Их было трое – тех, кто забрал его. Два парня в длинных кожаных плащах, одного из них звали Нил. Барабаш услышал это имя от третьего конвоира – женщины. Её тело было закутано в нелепый полушубок из взъерошенного енота, мокрый от падающей с неба жижи, ноги – не факт, что некрасивые – зацелофанены в какие-то блестящие чёрные брюки, напоминающие мешки для мусора, на голове – припухшая твидовая кепка. Парни к ней обращались «Мила», и не существовало в мире более нелепого сочетания персоны и имени.

Кто они? Революционная тройка?

– Зачем Женьку, сволочи?! – прохрипел Барабаш.

Высокий – тот, который Нил, – пнул его прикладом.

Барабаш оглянулся и в свете фонаря заметил у всех троих на рукавах красные повязки с чёрной латинской буквой «G» на фоне белого круга.

Они шли дальше по Моховой, мимо кружевной решётки Бенуа, мимо продуктового магазина, где он покупал еду

и вино, мимо манящего рекламой кафе и наконец вышли узкими, пахнущими сыростью дворами-колодцами к дому Безобразовых на Фонтанке. На секунду показалось, что всё это сон, лишь только запах страха отрезвлял мозг.

И снова дворы. За лабиринтом узких арочных пролётов показалась площадка под открытым небом. Прожектора выхватывали лучами высоченный брандмауэр из добротного – ещё царского – кирпича и мазали чёрно-белыми бликами людей, стоящих у противоположной стены, точно шахматные фигуры. «Прямо графика из старого комикса», – не к месту подумал Барабаш.

Его толкнули в рваное пятно света. Глаза будто залило растопленным маслом, и он уже не различал людей, лишь только контуры. Так видит мир пациент в стерильной операционной, и так же ощущает он биение последних перед забытьём минут.

– Огласи приговор, Восс! – произнёс хорошо поставленный голос.

Один из троицы сделал шаг вперёд и развернул свиток.

– Егор Алексеевич Барабаш, тридцать два года, журналист, колумнист, блогер. Еврей по матери, по отцу – русский с четвертью украинской крови, – Восс выдержал многозначительную паузу. – Высочайшая комиссия просмотрела подборку твоих статей за последний год, изучила записи интервью. Ты дважды употребил слова, значения которых не знаешь. Эти слова: «компиляция» и «огульный». Ты не в состоянии правильно просклонять порядковые числительные. Ты не понимаешь, когда ставить двоеточие в бессоюзном сложном предложении.

– Но... – начал было Барабаш, с трудом понимая сказанное Воссом.

– Тебе пока не давали слово. Когда 9-й канал у тебя брал интервью, ты произнёс «прецeНдент». Да за это без суда надо, не церемонясь!..

– Остынь, Восс! – Нил откашлялся и махнул тому рукой. – 9-й канал уже третий час, как догорает, и что-то мне подска-

зывает: этот город не справится с огнём – не хватит пожарных расчётов. И замечательно, одним рассадником зла меньше. Но вернёмся к нашему разлюбезному графоману-смертнику...

Нил растянул губы в приторной улыбке и включил громкий звук на чёрном приборчике величиной с ладонь.

– Это уже ток-шоу на радио. Слушай внимательно, жабий потрох.

Голова Егора пошла кругом, «шахматные тени» поодаль завертелись, как в хороводе. Но мозг продолжал работать чётко, выверено. Холодный декабрьский ветер, точно кухонный тесак, шинковал мысли. Он сразу распознал звук собственного голоса из динамика, мгновенно сообразил, какие места репортажа свидетельствовали против него. Одно только «пятистами рублями» наверняка стоило гильотины. А «оплата за телефон» и «чтобы НЕ говорили» забили последние гвозди в крышку его гроба.

– Сие лишь эпизод, – с усмешкой певуче продолжил Нил, – Мы не стали утруждать себя поисками ошибок в других твоих выступлениях. Радиостудия уже заплатила за то, что пустила такое в эфир. Интервьюер кормит червей. Скоро к нему присоединишься и ты. Но закончим, наконец, всю эту скучотищу. Что у тебя, Мила?

В белый круг прожектора вступила женская тень.

– В блоге о проблемах мигрантов ты два раза поставил «Е» вместо «Ё». Это было во фразах «совершённый акт насилия» и «всё повторять историю». Тебе слишком много букв в русском алфавите, русскоязычный человек?

Барабаш не видел Миленого лица, но мог бы поклясться, что на последней фразе оно исказилось, стало безобразным.

– Журналисты, надеющиеся на корректоров, всегда в проигрыше. А твой корректор, кстати, был нашим сотрудником. Теперь уже мёртвым сотрудником...

Внутри у Барабаша будто что-то оборвалось. Женя!!! Его корректором была Женя!

– Да-да. Ты полгода спал с нашим осведомителем, – усмехнулась Мила.

Его словно ударили чугунной булавой по голове. Всё поплыло перед глазами. Барабаш пошатнулся, и ему стоило немоверных усилий удержаться на ногах. В уши снова влился сипловатый голос Восса.

– Ты злоупотребляешь запятыми. У тебя их, как правило, больше, чем положено.

Это было, бесспорно, правдой. Он вспомнил, как последние месяцы писал наспех, редакторы вечно подгоняли, просили торопиться с текстом. А он всё откладывал на самый последний момент, торопился, выдавал по десять-двенадцать страниц в час, почти не проверяя написанное, лишь перед отправкой разбрасывал по тексту запятые на скорую руку, точно сыпал чёрный перец на лист.

– ...Но существуют авторские знаки... Я являюсь действительным членом Союза журналистов России и...

– Являются приведения, милейший, – снова подал голос Нил.

Барабаш закрыл глаза рукавом. Немилосердный свет разъедал зрачки, подобно кислоте.

– Да, я допустил безграмотность. Но посмотрите с другой стороны, – Барабаш постарался, чтобы «посмотрите» не прозвучало, как «посморите». – Я никогда не позволял себе употреблять матерную лексику. В моих репортажах нету ни одного нецензурного слова!

– Что извергает твой мерзкий рот? «Безграмотность» – это существительное свойства, а свойство, как ты выражаяешься, невозможно «допустить». Что же касается обсценной лексики, изволь, будь милостив. Наша партия не против мата, если он выстроен с правильными падежами, грамотными суффиксами и с учётом правил глагольных спряжений.

Барабаш с каким-то животным удовольствием выругался, хотя и не был до конца уверен, что потрудился вывести оживаемые Ниловым ухом падежные окончания и проспрятать

должным образом все глаголы – уж больно много их оказалось в одной-то фразе.

– «В моих репортажах НЕТУ», – продолжал Нил, копируя его голос, противно растягивая последнее слово. – «НЕТУ» – говорят торговки творогом на рынке. Ты – журналист, жабий потрох, а значит, принадлежишь к пишущей элите. Слово – это дыхание. А дыхание твоё нечисто. Из твоего рта воняет помоями и гнильём! Ты – смрадное вонючее отрепье, Егор Барабаш, тебе надо было отрезать язык в детстве вместе с вашей процедурой обрезания, чтобы ты не смог коверкать русское слово!

Нил сплюнул на землю и кивнул Воссу и Миле. Те синхронно сняли автоматы с плеча.

Егор почувствовал, как сердце забилось, затрепыхалось за рёбрами грудины, точно синица, пойманная в силки. Вылететь бы ей, да никак, – а уж, подожди, скоро...

– По вышеперечисленному следует приговор, – голос Нила резко вспорхнул к крышам двора-колодца, спугнув ворон. – За систематическое коверканье великого русского языка, за безграмотность печатных текстов, за канцеляриты и тавтологию в репортажах Егор Барабаш приговаривается к расстрелу. Приговор требует немедленного исполнения.

Барабаш вздрогнул, дёрнулся, как затравленный зверь, взглянул на квадратик неба, забранный в кривую, точно вырезанную тупыми портновскими ножницами раму от нависающих крыш, по-рыбы схватил губами холодный воздух. Сейчас всё будет кончено. Лишь мгновение до выстрела – растянутое каучуковое мгновение. Говорят, перед глазами должна пронестись вся пёстрая жизнь. Говорят...

Он ничего из своей биографии не вспомнил в этот наэлектризованный миг, лишь ощущил – услышал – собственный мозг, чётко, промасленными поршнями, толкающий двигатель в голове. Ещё одно невесомое мгновение – и замрёт это адское тиканье...

...Нил встал рядом с Воссом и Милой, вскинул – о, господи, не автомат, винтовку, самую настоящую винтовку – и прижался ухом к прикладу...

– Целься! – разлетелось эхом по пространству двора.

Барабаш закрыл глаза...

...И вдруг всё сказанное этими тремя из трибунала приобрело совершенно материальный облик, собралось, как детские кубики, в осмысленный текст. Егор ощущал этот текст почти физически, словно тот был прибит в черепе где-то на уровне темени. Он мог бы поклясться, что никогда память его не была так крепка, а сознание так ясно.

– Стойте, – Барабаш сделал шаг вперёд. – Вы не дали мне последнее слово!

– Слово? Чтобы ты ещё раз унизил русский язык? – Нил не отрывал прищуренный глаз от прицела.

– Вы сами, вы все... Говорите безграмотно, коверкаете речь! Если вы судите других, то должны быть, по крайней мере, безупречны! Кристально безупречны!!!

Нил оторвал щёку от приклада, подал знак остальным.

– Что ты сказал?

Барабаш набрал воздух в лёгкие, удивился, как жарко ему вдруг стало, будто не стоял он на декабрьском ветру в пижаме и куцей куртке, а вышел из протопленной избы. С этими ублюдками следовало петь по их же нотам. Зря он, что ли, в студенческие годы вымучил свою четвёрку по русскому на журфаке?

– В каждой, сказанной вами фразе, – уродство. Вы не слышите себя! – крикнул он троице. – Вы способны лишь пенять другим на ошибки, а сами греховны не меньше!

Ему не ответили. Но и не выстрелили. Пока. Барабаш призвал на помощь все, таящиеся в закоулках памяти, филологические знания, заслонил рукавом глаза от света и продолжил:

– «Приговор следует», «приговор «требует»... Приговор не может ничего требовать и не из чего следовать, вы не чувствуете язык? «Торговки творогом» – уродливая звукопись, преступный фоноряд. Дальше... «9-й канал брал интервью»...

Канал ничего не может брать! И «гореть» канал не может!!! Что вы несёте? А «процедура обрезания» – вопиющий канцелярит! И «вышеперечисленное» – канцелярит! Чу! Что это? Скрип? Скрежет? Это Пушкин с Гоголем в гробу переворачиваются, когда слышат вас!

Ему показалось? Или всё же было сказано «пли»?

Последовал выстрел-свист, Егор ощутил, как индевеет его позвоночник, становится хрупким, стеклянным и рассыпается в мелкое крошево. И тело его, потеряв стержень, некрасиво опадает на стылую землю, точно кожура от ливерной колбасы. И глаза заливает чем-то коричневым, с неровными круглыми дырками, как будто сидишь внутри маленького катышка керамзита, и сам ты маленький, пего-рыжий, и смотришь на мир сквозь ноздреватую стенку...

...А боли нет. Только рядом с глазами – сапог, такой огромный, в белёсых разводах уличной соли вперемешку с грязью...

...И голос: «Унесите».

* * *

Он просыпался медленно, как после дешёвого наркоза. Холодная ладонь на его лбу убирала забытьё, нанизывала на пальцы вязкий липкий сон, как мотки свалвшейся пряжи.

– Женя?

– Тихо-тихо, мой друг, не кричите!

Барабаш открыл глаза.

Камера была узкой, длинной, холодной.

– Где я?

Он приподнялся на локте и поглядел по сторонам. Голова сильно кружилась, и человек, сидевший рядом с ним на коленях, очень долго фокусировался, не желая принять единый облик.

– Как вы себя чувствуете, дружище?

Голос был ласковый, тихий, как у покойного деда. Барабаш сильно зажмурил глаза, чтобы прогнать наваждение,

но когда открыл их вновь, ничего в окружающей обстановке не изменилось: тот же узкий подвал с крохотным прямоугольником оконца где-то наверху, бетонный пол, устеленный соломой и тряпками, и пожилой человек, участливо наклонившийся к нему. Вид у мужчины был «профессорский» – бородка клинышком, нелепое для ситуации кашне в «турецкий огурец», свисающее с шеи, и виноватые интеллигентные глаза за толстыми стёклами очков.

– Вы потеряли сознание.

– Всего лишь? Меня ведь расстреливали... – Егор с жадностью выпил кружку воды, поднесённую к его губам незнакомцем.

– Расстрела не было.

– Но я слышал выстрел...

– Они намеренно отвели автоматы. Иначе бы мы с вами не разговаривали.

– Кто вы?

– О, простите. Позвольте представиться: Аркадий Маркович Дворкин, профессор кафедры филологии. Ваше имя я уже знаю.

К Барабашу медленно возвращалась память. Его оставили жить! Жить!

– Вам невероятно повезло, мой друг, – продолжал Дворкин. – С вашими ошибками в репортажах... Они должны были на месте, не церемонясь... Сейчас расстреливают и за меньшие провинности. За один только ненужный мягкий знак в глаголах. Без суда и следствия.

– Кто ОНИ? – нарочито громко спросил Барабаш.

– Тише-тише! – профессор бросил взгляд на железную дверь. – Они – это граммар-наци. Ходят по трое, как когда-то карательные революционные трибуналы по Петрограду. Ваша троица мне знакома: Нил – унтерлингв. Восс – фонопурист. И Людмила – ёфикатор.

Барабаш вспомнил, как Мила придирилась к отсутствию у него в статьях буквы «Ё», Восс зверствовал по поводу непра-

вильно произнесённых слов, а Нил... Нил, в сущности, готов был убить его за всё сразу.

— Здесь слышимость невероятная. До меня долетело слово в слово всё, что вы им сказали. Браво, молодой человек! Это смело, а главное, невероятно! Обвинить граммар-наци в допущенных языковых ошибках! Их следователь из отдела собственной безопасности сейчас наверняка «работает» с вашим трио.

Словно в подтверждение слов профессора о слышимости, в камеру влетел женский крик, затем череда выстрелов и – завершающим аккордом – колоратурный стон.

— Это учительницы русского языка и литературы из моего Василюстровского района. Соседки, так вот. Одна исправила ученику «ни при чём» на «не при чём» в диктанте. Другая сказала на родительском собрании: «Увеличение с геометрической прогрессией».

— А как надо? – с ужасом вымолвил Барабаш и сразу осёкся.

— В геометрической прогрессии.

— Да-да! Конечно! Я знаю, просто это ведь оговорка?

— Возможно, – Дворкин помедлил, – но учителям русского языка такое не прощают.

Барабаш встал, покачнувшись, едва удержался на ногах и подошёл к стене, по которой струйками стекали капли влаги.

— Я не понимаю... Граммар-наци объявили карательную войну?

— Не всем, молодой человек, не всем. Только тем, кто имеет отношение к языку и позволяет себе роскошь ошибок. Учителя, профессора или, как вы – властители умов, журналисты. Больше всего достаётся писателям. И издателям. Потому что писать, а тем более издавать безграмотные книги, по их философии, достойно немедленной смерти. Впрочем, не могу не признать, что они совсем уж не правы...

Егор резко обернулся, и голова закружилась вновь.

— Так вы их оправдываете, профессор?

– Отнюдь. Я считаю, что те, кто берётся за перо или подносит микрофон к губам, а в особенности те, кто учит новое поколение, просто обязаны быть грамотными. Язык наш, безусловно, этого стоит. Но методы граммар-наци слишком жестоки. Вашу коллегу, журналистку Машу Анциферову, расстреляли вчера только за то, что она написала «в течениИ»...

– Может быть, она имела в виду течение реки?

– Конечно, нет. Она хотела написать «в течение года»... А написала «в течениИ».

Барабаш поморщился.

– Что же будет с теми, кто говорит «звОнит» или пишет «приДти»?

– Если это простой обыватель, то ничего. А вот те, кто призваны влиять на общественное мнение, вещать с трибуны, писать – тех ждёт сиюминутная смерть. Вот был такой писатель Валерьян Смолянский... Был... Не жаловал «Ё». А ёфикаторы среди граммар-наци – самые изощрённые садисты. Не буду говорить, что с ним сделали. Анну Хромых из «Вечерних новостей» отравили тирамису за то, что она это самое тирамису просклоняла в эфире. Евгения Мирвича с Центрального канала порезали на мелкие кусочки, потому что в своей кулинарной передаче он произнёс «порезать помидоры». И это после того, как его раза три предупреждал аноним в прямом эфире, что помидоры можно только нарезать, а порезать палец. Они не ограничились пальцами... Страшно всё это вспоминать..., – Аркадий Маркович потёр виски. – Каминский... Вы знаете что они сделали с Каминским? За ударение на последнем слоге в слове «аэропорты» повесили прямо в студии на его же панталонах. ПортАх, то есть...

Дворкин тяжело вздохнул, с хрипом откашлялся.

– Сейчас вот с нашим братом-филологом расправятся и примутся за воспитательниц детских садов. Вполне логично: те формируют грамотную нацию. А у девочек-то этих чаще всего среднее образование, да и приезжих большой процент, где уж там им соответствовать. Потом на очереди учителя младших классов.

Профессор обхватил голову руками и продолжил бесконечное перечисление имён, публичных и неизвестных, с которыми справились за последний месяц граммар-наци.

У Егора пересохло горло, забилась жилка под глазом.

– А вы, профессор? Как вы оказались здесь? – Барабаш подошёл к нему и сел рядом на плохо сколоченную деревянную скамью.

– В своих лекциях в спорных моментах я периодически злоупотреблял понятием «двойная языковая норма». Можно сказать «твОрог», а можно «твоТг». Или «крыжовенный» и «крыжовниковый». Двойной стандарт. Они посчитали это уловкой, отходом от канонов. Они ненавидят двойные нормы. Мне сделали первое предупреждение: позвонили и в подробностях описали, что со мной сотворят. Я начал избегать лексем, провоцирующих их. То было месяцев пять назад, и я думал, что от меня отстали. О, нет! Они следили за каждым моим шагом, за каждым словом – написанным и произнесённым. А погорел я на том, что сказал «моя супруга увидела саму себя в героине повести»....

– А что здесь не так? Что-то с героином?

– Ценю ваш юмор, хотя сейчас и не до него. Дело в слове «супруга». Если бы так сказал слесарь, было бы допустимо. Но я – профессор филологии. И еврей. В одной этой фразе я допустил две ошибки.

– Не следует говорить «моя супруга»?

– Именно. Надо «моя жена».

– А вторая ошибка, никак не пойму...

– Не «саму себя», а «самоё себя».

– Но Аркадий Маркович, это смешно! Архаичная ж форма! Прямо двадцатый век какой-то! – Барабаш возмущённо стукнул ладонью по деревянной скамье.

– Я ведь говорил, они не признают современных двойных стандартов...

Раздался мощный хлопок. Маленькое отверстие окна у самого потолка пролило яркие оранжевые блики на шершавую серую стену камеры.

– Что это? – Егор настороженно повернул голову.

Посыпался треск, и на потолке заплясали отсветы огненных сполохов.

– Я здесь трое суток, молодой человек, – вздохнул профессор. – Каждую ночь они жгут книги.

– Что?.. Такое уже, кажется, было однажды в истории! Потомки Геббельса?

– Вы имеете в виду *Bücherverbrennung* – сжигание книг? Так ведь для нацистов важно было имя автора и, собственно, смысл написанного. Самое страшное, что для граммар-наци это всё не имеет абсолютно никакого значения. Главное – есть ли ошибки или опечатки в тексте.

– То есть смысл в книгах может быть идиотский, им это не важно?

– Нет. Их идеология в грамотности. Умная книга горит точно так же, как и пустая.

Посыпался лязг открываемой железной двери, и на пороге выросла коренастая фигура охранника.

– Дворкин? На выход.

Аркадий Маркович вскочил, завертелся, зачем-то завязал кашне узлом и, повернувшись к Барабашу, зашептал:

– Прощайте, Егор Алексеевич! Вы выиграли время – вас пока не убили.

Барабаш пожал ему руку, хотел было что-то сказать – но что уж тут скажешь!

Когда за профессором закрылась дверь, он долго сидел на деревянной скамье, обхватив голову обеими руками, и думал о том, почему его самого не забрали раньше: он, и правда, к языку относился очень халатно, а ведь русское слово-то кормило его многие годы. И вспомнился один комментарий в его блоге: «Не до всех ещё дошли наши руки. Но каждый на учёте».

* * *

Нил молча кивнул охраннику, чтобы тот ушёл, сам сел за длинный стол, заваленный бумагами и гроссбухами, и указал глазами Егору на единственный металлический стул, привинченный к полу. На некрашеных стенах висели портреты Розенталя, Щербы и Шишкова – по лицам Барабашу незнакомые, но таблички с их именами на рамках были нарочито огромные – видимо, для таких неучей, как он.

На единственном узком прямоугольном окне, похожем скорее на амбразуру, стояла решётка в виде креста. Толстые прутья крали и без того скучный свет дворового фонаря, и если бы не старая цеховая лампа-таз, подвешенная почему-то к косяку двери, а не к потолку, то в кабинете был бы полнейший мрак. Вся обстановка, портреты, освещение, а особенно крестовая решётка навевали мысли о декорации к какому-то фильму об инквизиторах.

Егор опустился на ледяное сидение и ощущил, как холод мгновенно схватил его за копчик цепкой лапкой, растёкся по позвоночнику, передал мелкую дрожь в череп. Ещё миг – и озноб захватил его уже целиком, будто он присел на трансформаторную будку.

– Куришь? – Нил протянул бело-красную пачку сигарет.

Барабаш помотал головой и сразу пожалел об этом. Последний раз он держал в зубах сигарету подростком, теперь же невероятно остро ощутил потребность чем-то отвлечься от живодёрских взглядов филологов и присутствия унтерлингва Нила.

– Ты жук, Барабаш, – Нил зажёг сигарету и с наслаждением выпустил колечко дыма. – Как утёр нам носы!

Егор пожал плечами.

– Навозный, но везучий жук.

– Лучше быть навозным, чем мёртвым, – Барабаш поёргзал на стуле.

Нил долго смотрел на него, потом усмехнулся и потряс перед его носом папкой.

– Вот это твоё личное дело. Видишь, оно толще других. Посмотри-посмотри! – он полистал страницы. – Тебя надо было хлопнуть уже за первые свидетельства. Ах нет! Тут на каждом листе улик против тебя на расстрел, а наши органы почему-то тянули. И Женю вот послали к тебе, а доносы она делала хлипенькие, максимум – на публичную порку. Влюбилась, что ли?

О Жене ему вспоминать совсем не хотелось.

– Я всё же закурю, можно?

Нил протянул ему пачку, Барабаш суетно выхватил сигарету и жадно затянулся. Тут же закашлял – сказался почти двадцатилетний перерыв, но ощущение вкуса табака, пусть и дешёвого, было в тот момент живительным. Сквозь сизоватую кисею он разглядывал Нила и с некоторым удивлением отметил, что тот был чем-то внешне похож на него самого. Во всяком случае, фотография в паспорте, который сейчас неизвестно где, как будто даже больше подходила этому граммар-карателью, чем Барабашу: те же рыжеватые выющиеся волосы, узкое лицо, тонкий прямой нос и чуть прищуренные серые глаза. Егору стало не по себе. Впрочем, у него типичная физиономия, молоденькие стажёрки на телестудии вечно путали его с кем-то. Он смотрел на Нила и не мог понять, что в данную минуту испытывает сильнее – ненависть к лингвосадисту или благодарность за то, что всё же не убил, пощадил.

Барабаш сделал ещё одну затяжку и положил дымящуюся сигарету в фарфоровое ухо-пепельницу.

– Профессор Дворкин... Что с ним?

– А как ты думаешь, жабий потрох? Что вообще может ждать филолога, пренебрегающего нормами русского языка?

Барабаш с ужасом взглянул на Нила.

– Ему хотели вырвать поганый язык, чтобы больше не смог поставить ударение на неправильном слоге. Потом вспомнили – он ещё и пишет. Думали отпилить кисти рук.

Ну, и пальцы ног – мало ли, находятся ведь умельцы-ногописы, по клавиатуре стучат не хуже, чем верхними конечностями. Во-ооот, – Нил помедлил. – Но потом сжалились, вспомнили, что всё-таки большую часть жизни говорил и писал правильно. И просто дали ему пистолет. Он сам пустил себе пулю в рот, умница. Так-то.

Барабаш снова схватил из пепельницы свою сигарету и затянулся, теперь уже без кашля.

– Ваше общество, – слова были какими-то ватными, не шли на язык, – Ваше...

– Наша партия.

– Да, ваша партия... Методы... – Барабаш осёкся под взглядом Нила. – Это несправедливо! Есть же люди – дислексики, дисграфики. Они просто не могут быть грамотными, это физический недостаток. И встречаются часто, я знаю, я делал о них репортаж. Нельзя всех судить одинаково!

– Никто не спорит. Мой родной брат легастеник, с детства путал местами и буквы, и цифры.

Егор в недоумении взглянул на Нила.

– Путал?

– Путает. Жив он, жив. Потому что не лезет в писаки и ораторы. А значит, не влияет на мозги нации. Он простой дантист, молчун. Был бы журналистом или филологом, я бы первым поставил его к стенке. Мы, языковые чистильщики, должны иметь безупречную анкету.

Выражение «языковые чистильщики» заставило Егора невольно улыбнуться – он вдруг представил, как они языками вычищают-вылизывают грязные тротуары и отхожие места.

– Мы должны быть строги к себе в первую очередь. И ты, Барабаш, своей предрасстрельной речью чуть было не лишил меня погона, а Восса свободы. Не думай, что я тебе это прощу.

Дверь с железным крёхом отворилась, и коренастый грамотей-опричник впустил в комнату Милу. Барабаш узнал её по полушибку и кепке, но она тут же скинула их прямо на пол, подошла к Нилу и присела на кончик стола. Егор вспомнил,

что в троице она была ёфикатором. Щёки девушки пылали — видимо, ей было жарко, и Барабаш поразился красоте её тонкого лица, длинным волосам цвета пшеницы и изящной шее. Глаза же были водянисто-голубыми, чужими, портили образ.

— Вот Мила простить тебе не может манкирование любимой буквой «Ё», — Нил по-свойски похлопал её по колену.

Мила проткнула Егора мёрзлым взглядом.

— Барышня не во всём права, — набрался смелости Барабаш. — Мне вменяли в вину, кажется, две фразы: «совершённый акт насилия» и «всё повторять историю».

Мила встала со стола и, не отвечая, подошла к окну, отвернулась, погладила пальцами приклад прислонённой к поклоннику винтовки Нила.

— Так вот, — продолжал Барабаш, воодушевлённый тем, что его не перебили. — Ты контекст не правильно поняла. Я имел в виду «совершённый акт насилия». Он не совершился, а совершенен, идеален, понимаешь? Это не причастие, это прилагательное. Поэтому — пишется с «Е». И во второй фразе — надо не «всё», а «все». Это призыв, понимаешь, — все, мол, — повторять историю. Императив.

Он смотрел на Милу и думал о том, что даже спина у неё красавая. Она не повернулась, но ответила, обращаясь к Нилу:

— Я бы его всё равно расстреляла. Днём раньше, днём позже... По-любому, попадётся на каком-нибудь ляпе.

Нил стукнул ладонью по столу, и Барабаш вздрогнул, снова почувствовал холод металлического стула.

— Значит так. Я пока ещё главный! — он повернулся к Егору и подозрительно ласково произнёс, — Любишь язык?

— Свой ворту? Или русскЫЙ? — с вызовом спросил Барабаш. Нил захохотал.

— Оба. Вот что. Напишешь диктант. Завтра. Допустишь одну ошибку — отрежем язычок — тот, который во рту. Допустишь две ошибки — подстрижём ещё и пальчики. Ты ведь их тоже любишь, не правда ли? А за третью ошибку отдам тебя ей, — Нил кивнул на Милу. — И тогда, журналист, я твоей ничтожной персоне, и правда, не позавидую.

Снова заплакала усталая дверь, и под колючие, неприятно щекочущие совесть взгляды Розенталя, Щербы и Шишкова, укоризненно глядящих с портретов, Барабаша вывели из кабинета Нила.

* * *

Ночью он почти не спал. Вертелись тяжёлые мысли в голове, да и новый сокамерник, конферансье Смушкин, всё стоял и причитал на разные лады, вытирая обильные слёзы рукавом бабьей кофты. От Смушкина Егор узнал, что в школах и детских садах уже тайно установили подслушивающие устройства, а среди учителей и воспитателей чуть ли не половина осведомителей.

«Надо как-то пережить этот чёртов диктант!» – непрестанно думал Барабаш.

Он отчего-то был уверен, что текст ему дадут, хоть и заковыристый, но знакомый по студенческим конкурсам. Что-то типа замусоленной филологами истории о «дощатой террасе, на которой веснушчатая Агриппина Саввична (чтоб ей, собаке, пусто было) потчевала колледжского асессора Аполлона Фаддеевича»... Или «Фаддея Аполлоновича»... Что он там ел у неё? «Винегрет и прочие яства?» Под «аккомпанемент виолончели», старый энурезник? Чтоб его вместе с Саввичной стошнило этим винегретом!

Барабаш злился сам на себя. Даже этот знакомый с первого курса текст он правильно бы уже не написал! Да и, поразмыслить, тот, кто не сделает ни одной ошибки – н-е-н-о-р-м-а-л-е-н! Это мутация мозга – быть дистиллировано грамотным!

Наутро ему дали пахнущий опилками чай сургучного цвета, миску с едва покрывающей дно жидккой кукурузной кашей и кусок серого хлеба. Барабаш долго скоблил хлебом по миске, жадно всасывал губами намокшую корку, с языческим удовольствием грел руки об эмалированную кружку.

Ныло тело. Суставы, казалось, впитали подвальную сырость, набухли, изводили его ноющей болью – сказывался недавно перенесённый приступ полиартрита и вечное его наплевательское отношение к лечению. Барабаш то и дело потирал ладонью колени, кряхтел по-стариковски, не стесняясь Смушкина, и боролся с подкатывающей к горлу истерикой. Мысли о близости предстоящей сегодня экзекуции вытеснили все остальные, изощрённо мучили его, превращали в инвалида.

Его привели в ту же комнату, где он был накануне, усадили на тот же металлический стул, дали в руки жёсткую папку с прикреплённым к ней линованным листом. Когда конвоир вышел, Егор попробовал привести голову в порядок, успокоиться, насколько возможно, унять психоз перед диктантом. Но молчаливые праведные взгляды филологов с портретов на стене отвлекали от попытки расслабиться, внушили совсем не те мысли, распаляли его злость. Он начал думать о том, как бы справился со своими мучителями, и нашёл в этих мыслях немалое блаженное утешение. Фантазия живо подсказала, как хорошо было бы распять Нила здесь же, в его собственном кабинете, – да хоть на этой оконной решётке, напоминающей крест. Он с удовольствием представил, как бы тот извивался, просил о помощи, скрючивался от судороги. От этих мыслей Барабашу заметно полегчало.

Восса он бы непременно проткнул ножом. Нет, не ножом, это так лапидарно... Егор задумался. Стилетом, а лучше черкесским кинжалом, как у Лермонтова. Воткнуть и там два раза повернуть... И чтобы тоже корчился на полу, придерживая пятерней кишки.

Барабаш улыбнулся, выпрямил спину, справил плечи.

А вот Милу... Что бы он сделал с Милой?..

Одной рукой он сорвал бы с неё идиотские целлофановые брюки... Нет, двумя руками, одной не получится... И целлофан бы так аппетитно хрустнул, расходясь по швам... Потом нагнул бы её вот на этом Ниловом столе, придавливая локтём к столешнице и схватив пальцами за волосы, чтобы она вы-

гнула голову назад, к хребту – а хребет у неё, наверное, аккуратный, выступает из-под кожи круглыми позвонками, как у голой египетской кошки... И так вот отъярил бы её, как дворовый Барбос пустую пластиковую канистру...

Тут дверь скрипнула, и вошла Мила, полоснув его по коже бритвенным взглядом водянистых глаз. И желание «отъярить» её сразу сдулось, Барабаш ссгутился на своём металлическом сидении, стал как будто меньше, виновато опустил голову. Мила заметила, что на белом листе он оставил следы потных ладоней, презрительно фыркнула, открыла книгу в самодельном бордовом переплётте.

Диктовала она чётко, расставляла ударения, интонационно выделяя слова, что очень помогало ему в пунктуации. Мелодика речи оказалась выстроенной по-актёрски правильно, как у грамотных риторов, голос был низковатый, чуть с хрипотцой, и Егор снова почувствовал возбуждение. Но Мила, словно уловив его греховные мысли, поднесла лицо совсем близко к его носу и объяснила, что думает о нём, высоким штилем с эпизодами аллегоричного, падежно-выверенного мата. Барабаша в который раз передёрнуло от её звериных глаз – почти прозрачных, как будто кто-то промыл кисточку с голубой краской в баночке с водой. На радужке он разглядел едва заметную пару чёрных пятен, и показалось, что это те самые точки над «Ё», которые она так старательно пестует.

Текст был незнакомый, средней сложности, постмодернистская заумь. Трудно было писать от руки – он привык к клавиатуре, как, собственно, и всё его поколение. Но в спорных моментах диктанта это было ему на руку. Всё шло гладко, он только один раз споткнулся о запятую – подумал и заменил ненавидимым им двоеточием. Авось пронесёт! Остался доволен собой. И вдруг нашло какое-то помутнение – как написать: «всеночная» или «всеношная». Он бы уверен, что Мила намеренно проглотила средний слог. Егор вывел каракульку, чтобы сразу было не понять, «Ч» он написал или «Ш». Подумал чуток и прибавил снизу крохотную загогулин-

ку, чтобы вдобавок мерещилось и «Щ» – будто «всенощная». На всякий случай.

Закончив диктовку, Мила не дала ему перечитать написанное, с нетерпением вырвала листок, пробежала глазами по строчкам, выхватывая взглядом места с подвохом, ухмыльнулась и приписала что-то рукой в углу. Барабаш вытянул шею, напрягся, как скифская тетива, но так и не смог определить, что она нацарапала – комментарий, оценку или приговор.

Затем Мила вынула из ящика стола другой лист и дала ему пятнадцать минут на некое эссе о «нетленности языка как материи». Тему он так и не понял, материя для него всегда ассоциировалась именно с тленом, но переспрашивать не стал – сказался журналистский опыт: можно писать любую чушь. Лишь бы грамотно. А эссе всегда выигрышней диктанта в том, что вовсе не обязательно щеголять сложными словами и предложениями. Его, Егора, задача какая? Выжить. Он мысленно показал Миле красноречивую фигуру со средним пальцем и исписал листок примитивными предложениями с односложными словами и отсутствием намёка на место, куда можно втиснуть даже очевидную запятую.

Довольный собой, Барабаш поставил подпись, число и вернул бумагу с планшетом и ручкой граммар-садистке.

Мила взяла у него эссе, и уже не глядя в листок и не удостаивая взглядом, вышла из кабинета.

Барабаш просидел на стуле ещё, наверное, полчаса, ёжась от праведных взглядов филологов на портретах и вслушиваясь в крики за стеной и на улице. Встать и подойти к окну он не решился, хотя внутренне был спокоен. Очень хотелось жить.

Наконец дверь распахнулась и впустила Нила.

– Ну, что, жабий потрох, хитрое твоё рыльце? Выкрутился с эссе, журналист-скудослов?

Егор сразу понял, что диктант, раз уж Нил о нём не упомя-

нул, написан без ошибок.

— Что ж с тобой делать? — продолжал Нил. — Может, сам подскажешь мне?

Барабаш сглотнул.

— Так ты говорил, что отпустишь, свободу обещал, — сдерживая предательскую дрожь в голосе, ответил он.

— Отпустить — отпущу. А свобода — слишком роскошный подарок для такого, как ты.

Нил присел за стол, сунул в ящик какие-то бумаги и подмигнул портрету Розенталя.

— Это как понимать? — снова подал голос Барабаш.

— А так. Слово сдержу — отпущу восвояси. А свободу тебе никто не сулил. За тобой будут наблюдать. Непрерывно.

Он смерил узника долгим оценочным взглядом. Смотреть прямо в лицо карателю оказалось неимоверно трудно, и Егор, ненавидя себя за это, отвёл глаза.

Нил встал, подошёл к окну и с минуту глядел на двор, широко расставив ноги в сапогах и заложив руки за спину. Всхлипы за окном давно уже стали привычным фоном, но в сочетании с фигурой граммар-наци казались картинкой из старого советского кино про войну.

— Сядь прямо, — повернулся Нил. — И обхвати сзади руками спинку стула.

Барабаш послушался.

Нил подошёл к нему и быстро вытащил из-за пояса брюк пистолет с набалдашником, похожим на глушитель. Мгновение, за которое Егор не успел ничего сообразить, — лишь услышать собственный вопль — и каратель выстрелил ему в плечо.

Кровь проступила совсем чуть-чуть, пара капель. Боль же была какая-то ватная, укусила его, как овод, и тут же стихла.

— Расслабься. Чип смазан обезболивающим, — ухмыльнулся Нил.

— Чип? — ошеломлённо прошептал Барабаш.

— А ты думал, жабий потрох, я тебя так отпущу, девственником?

Егор задрал рукав: на коже плеча красовалась белая пуго-

вица, как от Манту.

— Технические детали тебе рассказывать не буду, ты ж гуманистарий убогий. Считай эту штучку чем-то вроде микрофона. Она будет неусыпно следить за тобой, и если ты ляпнешь что-нибудь в неправильном падеже или же просклоняешь какое слово криво — мы об этом сразу узнаем. Работа аккумулятора рассчитана на год. Год выдержишь — считай, остался жив. Всё записывается на сервер, посылает сигнал дежурной группе. Тебе дана какая-то форы на ошибки, несколько «жизней», не буду уточнять сколько — так, для остроты интриги. Наберёшь «смертельную дозу» — сработает взрывной механизм.

— Что? — едва выговорил Барабаш.

— Разлетишься на кусочки, как лопнувший пакетик с майонезом! — захочотал Нил. — Так что, теперь будешь ой как следить за базаром, человечек.

Он прошёл к двери, на пороге обернулся.

— Сейчас тебе подпишут пропуск. Да, чуть не забыл: в твоём компьютере тоже установлена программа. Пошлёшь кому сообщение, или повесишь пост в своём блоге даже с малейшей ошибкой — ну, ты понял, жабий потрох. И не вздумай отмачиваться — я буду часто говорить с тобой сам, и писать ты мне будешь. Я теперь твой куратор, и отныне все вторники — наше с тобой время для обязательного общения.

Дверь за Нилом захлопнулась, оставив недоумённого Барабаша одного под прицелом глаз настенных филологов.

Он сидел на холодном стуле с минуту, потом вскочил, подошёл к столу, озираясь на дверь. В верхнем ящике торчал ключ. Было рискованно даже приближаться к этому месту, но рука Егора сама потянулась, не слушая голоса разума.

В ящике лежал лохматой горкой ворох бумаг с какими-то цифрами. «Наверняка, убиенные» — подумалось ему. Зачем он рылся там, он сам не отдавал себе отчёта. Обрывки записей, квитанции, листки с чужими диктантами... И, наконец, на самом дне — маленький растрёпанный блокнот с замусо-

лленными уголками. Барабаш открыл его, пролистал несколько страниц. Ровным почерком были выписаны какие-то правила, склонения числительных, слова-исключения.

«Это его личная шпаргалка!» – осенило Егора.

Он быстро сунул блокнот под пижамную рубаху, прижал к телу локтём, задвинул ящик коленом и пулей подлетел обратно к стулу.

«Я найду твоё слабое место,unterлингв! Я раздавлю тебя!»

Ненависть поднялась в нём волной, схватила за кадык, он едва не задохнулся. Убить Нила его же методом показалось Барабашу единственной целью, ради которой стоило возвращаться в покинутый им ещё вчера такой тёплый и уютный мир. Блаженной целью! Он найдёт способ, спровоцирует его на грамматическую ошибку. И как же будет хохотать, когда граммар-наци расправятся со своим лучшим солдатом!

* * *

Родной дом поразил Егора тишиной. Соседи сидели каждый в своей конуре, боясь высунуться, как будто вымерли. То, что случилось прошлой ночью, напугало их до смерти, и никто даже не вышел на лестничную клетку поговорить с ним, хотя он-то заметил, как колыхнулись занавески на нескольких окнах. Видели, значит, как он вернулся.

Барабаш ожидал, что найдёт всё в своей квартире перевёрнутым вверх дном, но, к немалому удивлению, его встретил идеальный порядок. Вещей Жени не было, как не было напоминаний о ней. В компьютере их переписка и совместные фотографии были стёрты; шкафчик, где она хранила косметику, пуст; тома её любимого Шелдона заменены на Гоголя. На секунду он усомнился, а была ли вообще в его жизни Женя. Но многочисленные пачки зелёного чая на кухне говорили утвердительно: была. Сам Барабаш пил только чёрный.

Он двигался по квартире осторожно, как лис во время охоты, ежесекундно чувствуя, что невидимый глаз следит за ним.

Неужели «они» установили ещё и камеру?

Егор взял фонарик, обшарил каждый угол, но камеры не нашёл.

Курлыкнул сигнал «Скайпа», на экране показалось лицо Нила.

– Ну что, жабий потрох, небось, облазил свою конуру вдоль и поперёк? Не бойся, видео мы не устанавливали. Достаточно с тебя чипа.

Барабаш почувствовал, как зачесалось плечо.

– Что молчишь? – продолжал Нил. – Боишься? Бойся-бойся! Теперь каждое твоё слово может в прямом смысле стать для тебя последним.

«Я тебя победю, сволочь!» – подумал Барабаш и молниеносно ужаснулся от того, что чуть было не произнёс это вслух. Его сразу бросило в жар.

– Ну же! Поговори со мной, графоман-смертник! Давай! Не робей!

«Нужно продержаться год!» – Егор до крови прикусил губу.

Они поговорили минут пять о ерунде – о погоде, о музыкальных рейтингах. Барабаш следил за каждым словом, и это оказалось нелегко: от напряжения у него отчаянно пульсировало в висках. Под конец беседы Нил сказал:

– Ничего, скоро привыкнешь, что Грамотные Люди постоянно тебя контролируют.

– Не привыкну.

– Я же привык. Ты думаешь, ты один такой? Я живу с чипом уже несколько лет.

«Вот это новость!» – Егор даже не знал, что и думать.

– Тебя тоже наказали?

– Ты сгусток тупости, Барабаш. Хоть и с престижным образованием. Постоянный неусыпный контроль – великое благо для человека. Это даёт тонус всему организму. И стимул. Ты привыкаешь следить за собой, ты всегда подтянут, всегда на высоте. Особенно, когда знаешь, что лимит на ошибки ис-

черпан полностью.

– Хочешь сказать: всегда в напряжении? Без шанса расслабиться? Так и свихнуться можно!

– Глупая жаба. Мне тоже сначала определили один календарный год на чип. Но когда подходил к концу последний месяц, я понял, что не смогу жить без этой маленькой штучки – мне необходимо чувствовать: я не один. Тебя ждёт то же откровение. Если доживёшь, конечно.

Барабаш долго размышлял после этого разговора. С чего это Нил разоткровенничался с ним? История с Женей всего лишь за одни сутки научила его не верить никому.

Но, с другой стороны, зачем Нилу вратить о своём чипе? Вот это-то как раз походило на правду.

Итак, их с унтерлингвом шансы на жизнь, получается, равны? Хотя нет... У Нила не осталось права на ошибку. Так он сказал...

Барабаш вынул украденный блокнот из тайника, коим служил козырёк бейсболки, и часа два изучал его, скрупулёзно подмечая детали.

«Я спровоцирую тебя, палач! И буду хохотать, когда твоя плоть разорвётся на тысячи грязных ошмётков!»

От этой мысли Егору стало хорошо, и он подумал, что никогда не размышлял о смысле жизни. Сейчас жизнь его явно приобрела смысл. Точный, выверенный, абсолютный.

* * *

Вторники превратились в особые дни. По вторникам Барабаш по часу беседовал с Нилом по Скайпу.

Поначалу разговоры эти были сущей пыткой для Егора, он с самого утра готовился к ним – рылся в толковых словарях, гримасничал перед зеркалом, тренируя артикуляцию, выписывал на листок отдельные фразы, заранее проверенные на безопасность произношения и смысловую уместность. Симулировал глубокий интеллект и виртуозность владения

языком.

Подловить Нила на языковой ошибке было, конечно же, утопией, но Барабаш отчего-то был уверен, что это лишь вопрос времени. Невозможно быть безупречным.

Свой блог в сети Егор вычистил до хирургической стерильности, по несколько раз переписывая черновики и прибегая к помощи всех возможных программных проверок – от орфографии до стилистики. Навязанные шаблонами прилагательные заменял на нетривиальные синонимы, доходя до абсурда, вроде «избура-игреневый кирпич» и «кошенилевый закат» вместо простых и первичных тёмно-рыжего и ярко-красного. Трудно было только с ненавистной буквой «Ё». Автозамена в ноутбуке не действовала: глупой машине было по барабану, написал он «гребаный» или «грёбаный». Поэтому, проверке присутствия этих чёртовых точек над «Е» он уделял большую часть времени, неизменно вспоминая два чёрных пятнышка в Миличных глазах.

Общение с друзьями и коллегами-журналистами Егор свёл практически к нулю. Ведь он не застрахован от того, что они ляпнут какую-нибудь несуразицу – падеж не тот или склонение – а штуковина, всаженная в плечо, возьмёт и среагирует, как на его собственный голос.

Однажды позвонил главный редактор, и Барабаш по привычке нажал на громкую связь – так гораздо удобней, чем кривить шею и прижимать ухо к трубке. Говорили о новом проекте, о журналистском расследовании в Средней Азии. Пожалуй, ничего примечательного, но Нил в ближайший вторник ехидно сообщил ему:

– Ты не поправил старикашку. Он облажался.

Лоб Егора покрылся ледяным конденсатом. Он не мог вспомнить, в какой фразе «настоящий полковник», как в шутку журналисты звали главного редактора, допустил преступный ляп. Но переспросить Нила не решился.

– Что молчишь, жабий потрох?

– Нас так воспитывали – уважать седины. Ты ж мой ровес-

ник, ты должен знать. Я не решился указать ему на оговорку.

Сердце колотилось так, что, казалось, не сердце это вовсе, а дюжина работяг, забивающих сваи. Но он же не может читать мысли – это граммар-наци, он не телепат! Егор намеренно избегал смотреть на монитор компьютера, чтобы не встречаться с Нилом глазами. Руки будто бы парализовало – от одной мысли, что об ошибке «настоящего полковника» он и не подозревал.

... И тут же онемение пальцев сменилось электрическим током, пронзившим мозг: а ну как это провокация?

Нил гавкающе засмеялся:

– Седины он уважает! Расскажи-ка, что это за ошибка! Да-вой, не робей, не тронем мы твоего босса, не время ещё.

Егор сжал побелевшие костяшки пальцев, припоминая разговор. На ум ничего не приходило.

Новый взрыв хохота Нила привёл его в чувство: да, это была провокация, а он попался, как сосунок!

Нил трясясь от смеха, поглаживая рукой ухо, словно вслушиваясь в чью-то команду в невидимых наушниках.

С яростью нажав «отбой» и не очень задумываясь о последствиях своей выходки, Егор остервенело ударил кулаком о стену. И ещё раз, и ещё, с трудом соглашаясь со своим бессилием и зависимостью от Нила. Задрожала люстра, взорвалась болью рука, он запрыгал, потирая ребро ладони. Взглянул на стену – туда, куда бил, – увидел давний винтажный плакат, висевший ещё со студенческих времён: красный фон, бородатый парень в берете, честный взгляд, размашистая подпись: «Команданте Че». Егор долго смотрел на команданте, потом взял фломастер и пририсовал две жирные точки над «Че».

Получилось символично: «Команданте Чё». Чё?

Барабаш захотел от такой находки и поймал себя на мысли, что собственный смех напомнил ему лающий смех Нила.

* * *

– Привет, старина! Давно тебя не видно. Почему не захо-

дишь в «Курилку»? – громкий голос приятеля Витаса Петраускаса плюнул в ухо через динамик мобильного. «Курилкой» журналисты называли маленькое кафе рядом с редакцией.

– Здравствуй, Витя. Много работы, не до встреч.

– Брось! Работы столько же. Только «полковник» жалуется, что ты долго корпишь над материалами. Раньше сдавал за сутки, теперь берёшь неделю. Чай, втюрился там, штоль? Шерше ля фам, а? Целовашки-обнимашки, а работа – так, ка-кашки?

– Нет. Я не влюблён, – холодно ответил Барабаш.

– Не болезный часом?

– Я не болен.

Разговор ему был неприятен, а речь Витаса оскорбляла ухо.

– Ты, это, когда тему со Средней Азией добьёшь? Наши сказали, две недели назад взял?

– Не торопи меня. Я выверяю текст.

– Чего делаешь?

– Не «чего», а «что»! – раздражённо ответил Егор. Почекуму этому балбесу можно, а ему нет? – Я правлю текст, Витя. Хочу сдать без ошибок.

– Похвально, конечно, – подавил смешок Петраускас, – а корректоры на что? Твоё дело – материал надыбить, а девочки подчистят.

Барабаш не сдержался – вылил на Витаса всё, что думал, – мол, несёшь чушь, и подтирать твою жирную задницу после клозета, поди, тоже за тебя девочки-корректоры будут? Выговаривал другу минуты две, в глубине души удивляясь и себе, и тому, что тот слушал его, не перебивая.

– Ну, ты даёшь, Егор! – под конец тирады отозвался Витас и нажал «отбой».

«И пожалуйста!» – подумал Барабаш. – «Некогда болтать. Сегодня вторник. Надо готовиться».

Он поймал себя на том, что ждёт вторников, как некогда долгожданных выходных или праздников. Как свиданий

с любимой девушки, которой у него не было.

Сверху на ноутбук – так, чтобы не закрывало камеру и не видел Нил, – Егор прикрепил картонку, на которую каждую неделю выписывал заковыристые вопросы. Состряпаны они были по подсказке той самой записной книжки, которую он стащил у Нила в кабинете, а ныне старательно прятал. Барабаш надеялся, что уж если тот записал хитрые правила, то совсем не факт, что запомнил их и не споткнётся при разговоре. Вот задаст Егор ему вопрос как бы невзначай, а в вопросе том, к примеру, числительное, да ещё с десятичной дробью, а Нил ответит на автомате, с роковой ошибкой. Последней для него ошибкой.

Барабаш так реалистично представлял этот миг – как расширятся зрачки врага, как за мгновение до смерти тот в ужасе осознает, что произнёс не то, как сожмёт ладонью плечо с чипом... И как взорвётся на глазах, забрызгав свой компьютер, а у Егора поплыvёт картинка, монитор окрасится великолепным черешневым цветом, словно «там», с «другой стороны» вылили на экран молодое божоле.

Думая об этом, Барабаш будто бы уже чувствовал запах крови – чуть металлический, солоновато-сладковатый... Такой неожиданно знакомый и совсем не отталкивающий.

– О чём задумался, жабий потрох? – прервал его мысли знакомый голос.

– Привет! – встрепенулся Егор.

Нил выглядел на экране неважко. Сизоватые мешки под глазами, дурной цвет лица, усталые глаза.

«Ничего, скоро отоспишься», – подумал Барабаш, но, выдавив улыбку, бодро произнёс в камеру:

– Как служба?

– Выполняем план. И перевыполняем иногда. Восс в психиатрической клинике. Сгорел на работе.

«Санитары, чтоб вас всех разорвало!» – в который раз, скорее по инерции, чем от сердца, прокрутил в голове Егор заезженную фразу-клише, неизменный ритуал еженедельно-

го начала разговора.

Беседа была продумана Барабашем до мелочей. Подходил к концу последний листок записной книжки Нила, Егор виртуозно провоцировал врага споткнуться о правила, самим же им выписанные. Но тот в который раз оставался безупречен.

Барабаш увидел на краю его стола пухлую Милену кепку. Значит она там, рядом с ним? Сидит, скрытая от камер? Его глаза жадно обшарили каждый сантиметр фона за спиной Нила – не найдётся ли ещё свидетельств, что она в его квартире? Ничего подозрительного он не обнаружил, но мозг подбрасывал одну за другой пааноидальные картинки – о том, как Нил раздевает её, как Мила бесстыже ему отдаётся. Егору стало физически плохо от этих мыслей, мозг словно парализовало новой голодной яростью, а пальцы с хрустом сломали карандаш, так не вовремя оказавшийся у ноутбука. Она там? Там? Значит, они не просто «коллеги-друзья-по-партии»? А ведь внешне он, Егор, так похож на своего врага! И рост у них одинаковый, и сложение. Значит, гипотетически он тоже в её вкусе. Она просто ошиблась объектом...

Но думать о Миле и гладко вести разговор Егор не мог, и инстинкт самосохранения всё же взял верх.

Минут через двадцать пустой, на его взгляд, болтовни, он увидел, что Нил часто моргает слипающимися глазами и зевает закрытым ртом, отчего его обветренные губы превращались в тонкую прямую линию. Егор зеркально зевнул, повторяя его гримасу, и как бы невзначай спросил:

– На днях должен сдать материал. О бездомных котах. Не подскажешь, как правильно писать «Муркины котята»? Со строчной буквы, ведь так? Верно же?

«Вот сейчас он кивнёт. Непременно должен кивнуть, ведь устал, ему не до заковыристых правил. И шут с ним, с моим шансом. Пусть лопнет отмеренный мне кусок форы, у меня ещё есть право на ошибку, а у тебя нет,unterлингв!»

Но Нил равнодушно взглянул на него:

– Нет, не подскажу. Я тебе не справочное бюро.

Егор потрогал плечо – не кольнуло ли. Но никаких ощущений не было.

щений не испытал.

И тут лицо Нила изменилось.

– Ты что это, мерзкий слизняк? Подловить меня вздумал?
Знал правильный ответ, а хотел получить мой кивок?

Нил с остервенением ударили кулаком по экрану, и Барабаш с ужасом отшатнулся от ноутбука, будто бы кулак мог пробить монитор с той стороны и достать его. Дешёвый трюк из кино для прыщавых тинейджеров.

Нил захлопнул крышку ноутбука, пространство на мониторе Егора сузилось до тонкой нитки, картинка исчезла. Он поспешно выключил компьютер, но долго не решался отойти от тёмного экрана, вновь и вновь прокручивая в голове диалог. Что теперь будет? Его раскусили, как сопливого школья!

Егор на автомате пошёл заваривать чай, сел на табурет, точно безумный, и остекленелыми глазами пялился на прозрачное брюшко электрочайника, ожидая, когда закипит вода, а кнопку так и не сподобился нажать.

Чем? Чем взять его? Чем зацепить? Он говорит правильно, даже, когда смертельно устал, как сегодня. Что он делал весь день, этот унтерлингв, чтобы к раннему вечеру выглядеть, как застиранная тряпка? Расстреливал людей? Это вам не в конторе сидеть за бумажками! Егор вспомнил тяжёлое дыхание Нила, его осунувшееся бледное лицо, покрасневшие глаза. Может, он заболел? Эти сизые набухшие мешки под глазами... Почки?... И впервые он поймал себя на том, что немножко жалеет своего врага. Совсем чуть-чуть. Просто по-человечески... И уже не так явно он ощущал ненависть к нему, будто злоба тихонько уходила в песок тонкой струйкой.

Ещё часа два Барабаш оцепенело сидел на кухне, прокручивая в голове промасленную ветошь тягучих мыслей – всех вперемешку, где были и воспоминания о страшном дне в логове граммар-наци, и разговоры с Нилом за последние месяцы, и статьи, и ералаш из правил орфографии вперемешку с ошибками коллег и окружающих – теми ошибками, что так остро начали раздражать его последние недели. Вспомнил, как сорвался в магазине на двух подростков, что-то обсужда-

ющих между собой на «падонкаффском» языке. Остановился, лишь когда сам испугался своей агрессии, поспешно вышел из магазина, так и не купив то, за чем заходил.

Наконец он поднялся, нажал на чайнике кнопку, но вдруг тот выдал мощную искру, свет в квартире погас, и недовольно пискнул холодильник.

«Только замыкания не хватает», – подумал Барабаш и нащупь пробрался в кладовку за свечкой и инструментами. Чиркнул зажигалкой, фитиль тут же вспыхнул, отпечатав длинные мрачные тени, похожие на грибы-сморчки.

...И тут он отчётливо понял, что в квартире кто-то есть... Словно прошёл за спиной, и пламя дёрнулось, заплясало. Егор ощутил, как мгновенно задеревенела рука с подсвечником, и страх парализовал шею, не позволив ему обернуться и посмотреть назад.

– Кто здесь?

Голос звучал гулко, в горло будто бы затолкали стекловату.

– Кто???

Егор сделал три глубоких вдоха и резко обернулся. От дыхания ли, от движения ли – пламя умерло, а вновь нашупать зажигалку дрожащими руками он так и не смог.

Надо было пробираться в комнату, крохотное пространство кладовки и кромешная тьма внушили ему языческий ужас. Боком по стене, как краб по пирсу, Барабаш осторожно продвигался вперёд, ориентируясь на едва уловимую ленточку света от уличного фонаря в конце коридора и перебирая ледяными пальцами выпуклый рисунок на обоях: ромб, лилия, снова ромб, снова лилия...

Глаза уже привыкли к темноте, и, добравшись до комнаты, Егор сразу понял, что в ней никого нет. Значит, показалось. Нервы последнее время шалят...

Он быстро подошёл к окну, отдёрнул шторы, дал жидкое

му фонарному освещению лизнуть подоконник и половицы паркета, открыл форточку, вдохнул сырой петербургский воздух...

... И ощутил на затылке чьё-то дыхание...

* * *

Казалось, прошла вечность, прежде чем он повернулся. Бледное лицо, выхваченное скромным светом, было необыкновенным. Прекрасным.

– Мила?!!

Что она делает в его квартире?

Если она пришла убить его, что же медлит? Сопротивляться уже не было сил, Барабаш почувствовал, что его словно выпили целиком. Залпом. Он устал, он слишком измучен... Он болен... Как Нил сегодня...

– Я разгадала твою игру, – сказала она шёпотом, как если бы в квартире кто-то спал.

– Игру?

Он не отрываясь смотрел на её губы, высокие скулы и тёмные пятна тени, падающие на щёки. Мила стояла совсем близко, и Егор чувствовал тепло, исходящее от её тела.

– Да, я поняла: ты хотел убить его сегодня.

Сердце ожило, заколотилось, не давая мозгу подобрать слова. Правильные, грамотные слова...

– Я... – только и смог пробормотать Барабаш.

– Тихо. Не объясняй ничего, – Мила ладонью зажала ему рот, и губы обожгло от прикосновения к её коже.

– Я могла бы сказать «браво», но не скажу. Ты чуть не погубил себя.

Она дышала ровно, жилка на её мраморной шее билась, как червячок, глаза блестели. Рука соскользнула с его губ и медленно опустилась на плечо, большой палец погладил его ключицу.

– Тебе есть до этого дела? – осторожно произнёс он.

– Есть, – Мила была серьёзна, ни тени улыбки на лице,

лишь на секунду прикрыла глаза. – Не будь дурачком. Муркиными котятами ты лишь насмешил Нила, не более. Но я подскажу тебе. У него есть один изъян, одно ма-аааленькое правило, которое он постоянно держит в голове, но иногда забывает... Элементарное правило, даже дети не ошибаются...

Егор ощущал её горячую руку на своём плече и всё ещё отказывался верить, что это она – она! – стоит так близко, и он чувствует запах горьковатого миндального шампуня, исходящий от её волос, и дыхание...

– Зачем тебе это надо? – наконец вымолвил он.

– Зачем? – она беззвучно засмеялась. – Когда убиваешь каждый день... Вдумайся: каждый... Тебе просто необходимы эмоции. Яркие эмоции. Допинг. Иначе не выжить.

Она глянула в самую глубину его зрачков, и струна, натянутая в нём, оборвалась.

Егор запустил руку в волосы Милы, с наслаждением сжал кулак, притянул к себе, вдохнул её запах, каким-то звериным рывком прижал к стоящему рядом с окном книжному шкафу, захлебнулся от желания, почувствовав, как прожгли футболку насквозь её маленькие острые грудки и чуть шевельнулись под ладонью хрупкие, как нитка бус, позвонки.

Шкаф вздрогнул, выплюнув тома, которые он никогда не читал, заговорил ветер, жуя занавеску, само собою зажглось уснувшее электричество, на которое они оба уже не обратили внимание.

* * *

Текст, написанный Милой, Барабаш выучил наизусть. Была вероятность, что Нил не отреагирует, не ответит на вопросы, как часто бывало, или просто закроет свой ноутбук, даже не попрощавшись. Что ж, тогда надо будет ждать следующего вторника. А это ещё одна неделя. Необходимо обязательно вынудить его писать – именно писать, а не говорить, вот что важно! Ведь письменная речь – минное поле, при умелом раскладе сам не осознаешь, как подорвёшься.

Умница-Мила придумала отличный способ!

– Что с тобой, жабий потрох? – лицо Нила на экране было сумрачным.

– Ангина, – просипел Барабаш, трогая шарф, который перед выходом в Скайп долго наматывал на шею.

Это было правдой. Говорить он мог с трудом, глотку словно протёрли наждаком. Да ещё это «народное» лечение, будь оно неладно: с утра Егор выпил водки – не мало, чтобы успокоить нервы, но и недостаточно много для того, чтобы организму было хорошо. Теперь его сильно знобило, что, вероятно, не ускользнуло от Нила.

– Лечишься?

Барабаш кивнул. Вопрос риторический, но ему было неожиданно приятно, что Нил задал его.

– Говорить можешь? – Нил глядел на него поверх очков, которые никогда раньше не носил.

Зрение портится? Много работает, не бережёт себя...

На краешке стола Нила снова свернулась клубком Милина кепка, и Егор понял: она пришла посмотреть, «чем всё закончится». И посмотреть со стороны Нила. Так ощущения острее.

Они глядели друг на друга секунд тридцать, и Егор не выдержал – перевёл взгляд на клавиатуру, быстро отстучал «Голоса нет» и, не дав ему времени на раздумья, перешёл на общение через «месседжи». Теперь его задача – вынудить собеседника тоже перейти к текстовым сообщениям. И тот клюнул, пальцы запорхали над клавишами.

«Над чем работаешь?»

«Готовлю серию репортажей о загрязнении истока и дельты Невы».

«Мелковато для тебя».

Он и сам знал, что «мелковато», но «полковник» никого не спрашивал при распределении тем, и Барабаш был изрядно зол на него. Что он, девочка-журналисточка писать об экологии и бедных рыбках? Если те ещё не сдохли в Неве-то.

«Завтра поеду в Шлиссельбург. Соберу материал».

«Расскажи».

Он послушно отстучал заранее выверенный текст, подглядывая на прикреплённую к монитору шпаргалку, очень осторожничал – чтобы не заметил Нил. Картинно, как тапёр в кинотеатре, поднимал кисть руки вверх, ударял по клавише «Enter», сразу отправляя послание – смотри, мол, я уверен в себе, даже не перечитываю, а всё на месте: и «Ё», будь оно проклято, и запятые, и удвоенные согласные. Нил отвечал большей частью однословно, тема была ему совсем не интересна, но вдруг остановился, помедлил, стёр то, что набирал, и, глядя в глаза Егору, спросил:

– Что делать будешь, когда год зарядки чипа закончится?

Барабаш на автомате написал: «Не знаю».

Он, и вправду, не задумывался. Ещё пару месяцев назад он готов был зубами выгрызть ненавистную дрянь из плеча. Но ко всему привыкаешь... Что будет, когда её вынут? Он снова почувствует безнаказанность, расслабится, забудет языковые нормы, перекладывая работу на корректоров, и в один прекрасный день его расстреляют, на сей раз по-настоящему. Пожалуй, Нил прав: этот маленький жучок, вшитый в плоть, держит в тонусе, а коверкать родной язык не дозволено никому. Никому. Никому! Ему, Егору, в первую очередь, потому что он особенный. Он не такой, как все остальные журналисты. Он душой болеет за русское слово, и готов наказать любого, кто...

Егор будто в мгновение окаменел.

Он готов НАКАЗАТЬ любого, кто... кто...

– О чём задумался?

Барабаш вздрогнул от голоса Нила. Снова застучал по клавишам.

«Может быть, попрошу перепрограммировать чип».

– Правильно мыслишь.

«Что?»

– Правильно, говорю. Умнеешь.

«Что? Не слышу тебя. Динамик фонит».

Ещё не хватало, чтобы они так общались: Нил говорит,

а Егор пишет. Тогда план может провалиться. Барабаш давно замечал, что Нил, хитрюга, в особо спорных моментах немного проглатывал сомнительный слог, и не разобрать было – правильно сказал или нет. Если жив пока, значит чип не фиксировал ошибку. Впрочем, и сам Егор давно перенял эту манеру.

«Ты подозрительно грамотный стал, жабий потрох!» – отстучал по клавишам Нил. – «Неужто перевоспитался?»

Ну, вот и славно! Снова перешли на письмо. И не поленился, «жабий потрох» пальцем набрал, запятую втиснул, где надо. Барабаш вновь почувствовал что-то сродни ненависти к Нилу. Нет, это не ненависть, просто агрессия. Обыкновенная агрессия.

...ОБЫКНОВЕННАЯ АГРЕССИЯ...

Он снова замер, и, взглянув в глаза Нилу, напечатал:

«А после Шлиссельбурга поеду в Купчино заканчивать репортаж».

«В Купчино?» – Нил оторвался от клавиатуры и с усмешкой глянул на Егора.

Ну, давай же, давай! Сердце Барабаша отчаянно билось.

«Ну, да. В Купчино. Я ж о невской экологии пишу».

«И где ты, жабий потрох, Неву там нашёл?»

«Ну, там.. Она ж там?»

Нил захотел, одним пальцем набирая:

«Где ТАМ? В Купчино???»

Нажал «Enter» и застыл на месте, вдруг побелев.

Егор понял по его глазам, что ЭТО случилось. Нил же, встряхнув головой и чуть слышно прошептав: «Нет, нет, нет!», молниеносно отбил пальцами:

«В КупчинЕ».

Но было поздно.

– В КУПЧИНЕ! – заорал он в ноутбук. – В КУПЧИНЕ!!!

Но всё уже свершилось. Егор увидел, как он схватился за плечо, потом за горло, опрокинулся на спинку стула... Ещё миг... и раздался какой-то хлопок, едва уловимый. Егор удивился никчемности этого звука – как будто хрустнул таракан под тапком, не более. Никакой торжественности момента, которую он так сильно ждал, так вожделел. Обыкновенная смерть... Обыкновенная...

Экран залило чём-то тёмным, осталась лишь щель, и в эту щель Егор увидел, как тонкая женская рука выключила камеру на компьютере Нила.

Всё было кончено.

Барабаш захлопнул крышку ноутбука. Опустошение, которое он ощущал в этот миг, было ни с чем не сравнимым. Почти ни с чем. Может быть, с бездной.

Он закрыл лицо руками и заплакал...

* * *

Когда ты пишешь, я слежу за тобой. Когда ты говоришь, я слежу за тобой. Даже когда ты думаешь – если ты думаешь по-русски – я слежу за тобой. Я – Егор Барабаш, чистильщик. Санитар. Нил умер, но я жив. Я знаю IP-адрес твоего компьютера и просматриваю всё, что ты отправляешь с личной почты и выкладываешь в Сеть. Я исполняю миссию – я считаю каждую твою ошибку. Я запоминаю твои слова, и если ты сейчас читаешь эти строки, – то знай, я где-то рядом, дышу тебе в ухо, заглядываю через плечо, когда ты бренчишь по клавиатуре. Я всегда рядом. Моё терпение неечно...

Георгий Панкратов
г. Москва

Спальный район. Роман с камнем

Доброе утро говорить бесполезно. Утро не может быть добрым, потому что это утро, как не могут быть добрыми люди – просто потому что это люди.

– Спиши до одиннадцати, а я сортиры драю... Все себя жалеешь... А ты хоть раз подумал о матери? А? Ты хоть раз подумал о матери? Что она сортиры драит, а не ты, что она стирает трусы, что она носки стирает, футболки, брюки, что она жрать готовит? Ты, бестолочь? Что у тебя с институтом, что у тебя с институтом, а?

Образ из сна постепенно развеивался. Приходила злость. Приходило сознание, что и этот паршивый день будет прожит зря. Каждый день, каждый его день, каждый Божий день начинался так, но этот, именно этот день будет хуже всех – кроме завтрашнего, конечно.

У него на балконе стояла бутылка пива. Но до нее еще надо дождаться, дорога к ясности измерялась тяжкимиисканиями – маршрутом, полным опасностей и просто неприятностей – ведь прежде чем пить пиво с утра, необходимо хотя бы почистить зубы. Почистить зубы, быть проклятым за ничегонеделание, быть проклятым за ничегонехотение – пока он дойдет до ванной – за праздность и паразитизм на теле пышащего здоровьем общества, пышащей здоровьем ячейки. Огрызнувшись, промолчать ли – один хрень, это ничего не значило на карте мира, ничего не решало в плоскости настоящего и будущего, а вот бутылка пива – та, что ждала его, лирического героя этой повести, на балконе, решала все. Она умела не задавать вопросов, а в некоторых случаях – она умела решать их, даже не зная, в чем их суть.

Мать была права – в свои 23 года он был ничем и никем. И все же мать была не права – она думала, что все изменится. Но лирический герой не может измениться. В определении лирический герой главное слово лирический, а вовсе не герой. Он имеет ко всем остальным типам героев такое же отношение, как анатомический театр ко всем остальным театрам, как речной трамвай ко всем остальным трамваям, как муравьиный лев ко всем остальным львам. Даже перестав быть героем, а может даже и никогда не быв им, он останется лирическим. На всю оставшуюся жизнь. Лирический герой не может измениться, даже желая – всей душой желая этого. Тот, кто не пьет по утрам пиво, всю ночь мерзшее на балконе в ожиданье его мертвенно бледных губ – может называться героем, но вряд ли – лирическим.

Время пришло, и внезапно выяснилось, что скука осталась единственным чувством, единственным ощущением и единственной мыслью, оставшейся в нем, и не отпускающей его никуда. Словно на поводке у этой скуки, с неумолимостью введенного наркоза, время уносило год за годом его лучших – друзей. Люди отдалялись, люди исчезали, люди предавали. Последний такой, теряясь сам, прихватил с собой и единственную его – лирического героя – любовь. Любимую. Каждый год он терял друга. Каждый год по частям уносило время и его жалкие координаты в этой жизни. Звонок другу. Эта подсказка еще осталась. Этот год должен унести и ее. К 23 годам жизни у него остался единственный друг.

Справедливости и еще чего-нибудь ради стоит отметить, что это не был друг по интересам, не был друг в беде, не был друг по несчастью – это был друг по скуке, это был еще один представитель потерянного поколения, появившегося в этот грехиный мир на заре эпохи перемен.

Стоило настроить музыку, поймать какую-нибудь «волну». Практически собственной «волны» у него не было, приходилось заполнять ее музыкальными. Выход на улицу без плейера казался апокалипсисом – и откровением, и концом света одновременно. Песни депрессивного характера, повествующие о лу-

зерах различного рода, приносили ему наслаждение, помогали прийти в себя и заняться какими-нибудь делами. Например, «пробить камня» (так в его окружении называли твердое грязное вещество, от которого можно было откалывать кусочки, плющить, а затем их курить). Не себе, кому-нибудь «пробить камня», ибо наркоманчиков-неудачников, к тому же еще каналов не знающих, звонящих ему исключительно по этому поводу, было предостаточно. Порой уже хотелось вместо «Алло» отвечать «Сколько», ибо так осточертели эти бесполезные вопросы «как-дела» и «че-подельваешь», в лоб — «камень». Пару единиц. Через час. Окей. Но хреновы бездельники все равно одинаково изображали радость и даже немного длящееся оживление, заслыпав его голос, впрочем, и он отвечает им тем же. Причина ясна, как пыль — раскуриться нефиговым «камнем» за чужой счет, да еще и пива поставят, да еще и какой-никакой беседой угостят. Просто мороз и солнце, день чудесный какой-то. Чем ты живешь, мой друг прелестный? Куда ты смотришь, милый друг?

Две «плюшки» — маленьких раздавленных кусочка «камня» — вдруг случайно бросив взгляд на всякий хлам, обнаружил он на столе. Решение было принято незамедлительно — не отрывая от них взгляда, резким движением открыл верхний ящичек стола и достал готовый уже «батл» — пластиковую бутылку с проделанной в ней дыркой. Раскурил. Немедленно, по-революционному, агрессивно, настойчиво и без лишних душевных колебаний типа ай-ой, раскурил. «Камень» оказался добротным, плотным, за самую душу берущим и бальзамом сердце укутывающим. Забальзамировался, значит. Как Ленин, революционер.

— Теперь че? Ну и вопро—о—о—с? [зевает]

Внезапно Юрий Антонов, уже почти закончивший свои стенания про золотую лестницу, становится неприятен, еще секунда — и просто отвратен, невыносим. Молот бьет по Юрию Антонову, рассыпая его в прах. Second Hand Band следующие в плейлисте. Прокатит. Вот и информационный повод — накурился «камня». Немного терзаемый выкриками с кух-

ни – «А тряпка? Где тряпка, что в ванной висела?» [«Съел, съел я ее»], слух все—таки настраивается на волну ни к чему не обвязывающей музычки, а глазки, глазенки-то уже роются, копаются в Интернете сахарном, в Интернете интригующем. Уже первый барьер пройден – «Ксюша Собчак сосет у осла (85 Мб)» – неинтересно, даже если в самом деле так – и он уже проверяет почту – тут-то, рассказывать, впрочем, нечего – и вот он на каком-то научно–развлекательном портале, читает про робота, управляющего тараканами, при этом даже по форме к таракану совсем не близкого. «Ни фига себе! Охренеть!» – его реакция. Он торопливо чешет яйца и ковыряет в носу.

На сайтах знакомств под «камнем» неинтересно. На сайтах знакомств неинтересно вообще. Тоска по ушедшим временам, когда люди еще верили в счастье. Сбоку, там, где появляются новички сайта, он видит японку в каком-то своем, хрен разберешь недалекому пацану с окраины, японском головном уборе. Ей 55 лет, она улыбается, и там, где у всех написано приветствие (короткая фразочка типа «Как насчет пососать сегодня вечером» или «Вылижу ноги элитной госпоже» или «Мальчики без тачки – женятся на прачке») у нее написано несложно так: «Давайте пить чай». И эта японка дороже ему стала всех девочек, и верящих в счастье и не верящих в счастье, и «принимающих тяжелые» и «не пьющих вообще». Он даже хотел написать ей, но передумал. Что он ей напишет? Что искал ее всю жизнь?

А между тем уже монотонно подкатывают к горлу мысли о Дарье Звездной, и хочется лететь от них, на крыльях ночи, на крыльях «камня». Но они сильнее. Потому что они честные.

Дарья Звездная бросила его, ушла к тому самому, предпоследнему другу. В порывах самоуничтожения он ловил себя на горькой мысли: и поделом, как еще могла поступить эта

обаятельная, красивая девушка, когда он так живет и ничего особо не хочет менять? Но он гнал и мысль эту, и порывы.

Вспомнился один из первых раздоров с 18-ти (тогда еще)-летней девочкой. (Летней девочкой, хмм...), когда лежа в постели, они слушали подряд всю музыку, доносившуюся из компьютера, и он любил ее, и она любила его. Играла странная песня — «Работай, помалкивай» Василия Шумова, а она работала в call-центре тогда и смеялась, представляя, как поставит своим менеджерам (манагерам, говоривала Звездная), на работе. Любую «тему» можно рассматривать на разных уровнях понимания — и он полагал тогда, что Шумов высмеивает Систему, заставляющую людей так жить, но она — она видела глубже. Она полагала, что высмеивается-то как раз не Система, делающая человека маленьким, а сам маленький человек в его взгляде на Систему, к которому «обращается» Шумов — то есть сам слушатель песни, наивно думающий, что в ней высмеивается система. Ну, то есть, он, лирический герой. Такое у нее было шумовидение. А ему нравилось свое. Из-за этого ругались недолго, а может — вообще не ругались, просто она как-то начинала понимать, что его мир, мир, в котором живет он — это некий Лузерлэнд. Одно ему, миру этому название. А она уже совсем по-другому все видит, другим дышит воздухом.

Как бы хотелось быть с тобой, Дарья Звездная, моему лирическому герою! Первое, что бы он сделал, если бы ты вернулась — надавал бы по жопе ремнем. Но как по мне, возвращаться к нему не стоит. Ты и сама знаешь, и он — не меньше тебя.

Как прекрасен Квартал Капучино! Как он далеко от его дома, это же через весь город, над ним радуга, над ним дождик, над его заводами — облачки. В нем автобус проезжает одну и ту же остановку по два раза — за один рейс. И никогда не поймешь, куда он сейчас поедет. В нем есть перекресток,

над ним чужие созвездия, а он один такой в мире. Там можно сесть только на трамвай или на автобус – их остановки далеко друг от друга, приходится через две дороги бежать. А она смотрит в окошко за этим бегом и пыхтением и пьет жасминовый чай. Дарья Звездная жила в Квартале Капучино, лучшем месте во Вселенной, там играют латинские ритмы, там танцуют ножи ночами, создавая свой боди-арт, там шагают колонны повстанцев, боевые песни поют, и разводят костры, и рисуют свои пентаграммы, и пляшут дикие танцы, возводя руки к Небесам. И она идет среди этого, маленькая, готичная, элегантная. И все ей вослед присвистывают, и хвалы воздают ВДВ, и слушают драм-энд-бэйсы, при свечах на дороги деля. И она заходит в квартиру, улыбается, жмет на курок.

Тогда выстрел был точным. Рана жива до сих пор. Квартал Капучино опасен, он может вскружить тебя в хлопьях безумного острого снега, поднять над землей высоко, поднять над дворами и пьянками, плевками и универсалами, и бросить нещадно оземь. На перекресток тот. В Квартале Капучино живут лучшие девушки на свете, холодно-неотразимые, и выстрелы их точнее, чем у «отцов» в Counter Strike.

На этом же перекрестке, презрев вкус последнего поцелуя, запив его джином и тоником – короче, дешевым пойлом, он в бессилии сел на скамейку, и было кошмарно холодно, и температура была под 40. «Вот твою мать, вот говно» – думал он. Это все сказки, что после прощания с любимыми мы идем и думаем, как в романтических фильмах, нечто такое, грустное и возвышенное, вроде «Я люблю тебя и жизнь мне теперь не нужна без тебя, ведь лишь для тебя одной жил, и что делать теперь, как вернуть ... Почему, зачем ты ушла? В чем же моя ошибка...?». Нет – мы это потом напишем, мы это при случае скажем, но думается только одно. «Гребаное говно! Твою мать!!!» А в фильмах в такие моменты еще и музло играет нежное, пронзительное, тонкое. И ты сидишь, и музыка по коже идут. Ни хрена! Никакой музыки нет! Где она в этот момент играет? Из каких динамиков, колонок, наушников? Но ничего этого рядом нет! Или это символизирует

то, что творится в душе у персонажа? Ну да, конечно, как же еще иначе?? А хоть бы один идиот догадался показать момент прощания без музыки – таким, какой он есть. Спросите моего лирического героя! НИКАКОЙ музыки не играет. Ты целуешь ее, едешь в лифте, пьешь алкоголь дешевый, садишься напротив ее окна – не к тому, чтоб она это видела – просто не можешь дальше идти. Не плачешь. Но тебе очень, очень херово. Ты жрешь шаурму, а она не лезет в горло, тебе звонят друзья – а ты не берешь трубку. Ты пьешь и не думаешь – не думаешь вообще НИЧЕГО.

А потом он пытался забыться. Помнится случай. В квартале Капучино у крашеной Ани была вторая квартира. Там дед умирал от рака, желтый и гнусный тип. А пьяная бабушка, доброе, отчаявшееся сердце, предлагала разведенный спирт, под действием которого была, и грудь ее вываливалась временами, она прикрывала ее вновь, не извиняясь. Герой оставался лирическим и в этом циничном болоте до тех пор, пока не раздел свою новую девушки – да, он встречался с ней. И тело ее, такое, неплохое под одеждами, совсем его не возбуждало. Причем член стоял, но мысль о том, чтоб трахаться, оказалась настолько противной, что он начал сводить все ласки на нет, максимально пытаясь сократить время их туда сведения, и все. Он устал, ему хочется спать, курить. Благо, Анечка его, душечка, ни черта не понимала в сексе ровным счетом и, похоже, не хотела понимать. Ей было немного обидно, но что он мог сделать. Ему хотелось лирики, он же лирический, мой герой. В Анюте лирики не было. В ней вообще не было ничего. Они повздорили впервые, когда она заявила как-то вечером, что не различает вкуса и пива и сигарет, и ей вообще абсолютно насрать, что курить и пить, лишь бы делать это. Если бы «Будь моей девушкой» к тому моменту уже не было сказано, оно бы не было сказано никогда. Да и сказанное оказалось быстро забыто.

Но это было все в Квартале Капучино, под пристальнейшим взглядом Перуна – деревянного истукана на холме. Его уже нет, на месте том огромный гипермаркет «Хоккей».

И ему перед ним стыдно, моему лирическому герою. Поэтому он не бывает больше там, в этом Квартале, хотя и рвется всей душой туда. Опаздывать на последний поезд, останавливать, стоя на рельсах, последний трамвай, как было тогда, со Звездной. Именно ведь это он хотел возобновить, прожить этим хоть чуть—чуть снова, там, в этом «раковом корпусе», Бог им всем судья.

А вечером лирический герой пошел гулять и нажрался пивом. Ему похорошело, и он начал уже думать о том, что впереди у него тысяча свершений, что жизнь совсем скоро станет не такой, а гораздо-гораздо лучше, что, может быть, он будет заниматься музыкой, и станет музыкантом хоть куда. Что тексты его песен девочки будут записывать в тетрадки, и класть их под подушку по ночам, и, засыпая, омывать слезами их. А он будет трахать их и не любить, трахать и не любить.

Он проделал в пластиковой бутылке дырку и просунул туда сигарету, на которой дымился кусочек хорошо знакомого «камня» – в последний месяц, после ухода Звездной они курили такой каждый месяц. Рядом сидел друг, и друг подскочил вдруг.

– Сейчас, говорит друг, по щам будем ограбить.

Перспектива получения по щам всегда ошеломляла лирического героя, тихого и интеллигентного по сути, и красивого душой. По щам получать – не в жопу кончать, говорили еще во времена его школьной молодости тупые одноклассники, он посмеивался этим шуткам, неизменно про себя отмечая «Какая гадость». Но пора получать по щам неизменно приходит к каждому обитателю Спального Района. Получить по щам может здесь кто угодно, и по абсолютно разным причинам, основная из которых – без причины вовсе. Было около двух часов ночи, рядом сидел его друг, «камень» уже был ни к чему – «камнем» никого не удивишь. По щам получать придется. А может, еще обойдется?

Шестеро вышли из-за угла, парни в спортивных костюмах, кроссовочках, с бритыми бошками, со скучающими – нет, не наглыми, не агрессивными даже, суровыми это да, конечно, но в целом – со скучающими рожами. «Жопа! Гребаное говно! Кал!!», – презрев свою лиричность, задумался лирический герой. Как похожи эти мысли на те, когда он прощался с девушкой, одни и те же ведь мысли. Как похожи на те мысли, когда он не сдал экзамен, когда задержали зарплату, когда кончалось последнее пиво, а тусовка еще продолжалась, когда прекрасная дама липла, убитая «дубасом» и таблетками, к его приятелю, а не к нему, когда просирала Россия Японии, когда.... Как же, в сущности, одинаковы мысли человека, как скучны и однообразны они. И как дурно ему становилось, когда он, такой – ему хотелось верить – интересный и умный, осознавал вдруг, что мыслит в жизни всего двумя категориями – «х*ево» и «ох*енно», что отношение ко всему он формулирует исключительно этими двумя эпитетами, ведь весь Район его, весь его Спальный район мыслит исключительно так. Ох*енно – подобно х*ю, х*ево – подобно х*ю. В принципе, все подобно х*ю. Все одинаково. Все так одинаково, все.

В какой-то момент он и сам стал подобен х*ю. Он ох*ел. Пацаны уже подошли вплотную. Его друг сидел.

– Пацаны, сигарета есть?

– Давай сразу весь расклад.

Пацаны переглядываются. Дают расклад.

– Ну, короче, вы же здесь сидите потому, что вам делать нехрен?

Это так и было. С этим даже не поспоришь

– И нам делать нехрен. Мы будем вас щас мочить. Будем гасить вас жестко и без вопросов. Нас шестеро, вас двое, а потому мы по—любому отхреначим вас. Если особо не будете сопротивляться, попинаем и уйдем. Если будете драться – нормально, это будет интересней и кайфовей, но загасим тогда вас конкретно. Если будете убегать – догоним и убьем на хрен.

Ржут.

– Шутка. Никто никого не убивает, это все фигня. Почки

отбиваем, калечим, на районе какие дела еще, но убить – это не, на хрен, сами понимаете. У вас бабки есть?

Бабок было немного, еще мобильник, плейер – по штуке у каждого, херня какая-то, ну и «камень», само собой.

– Я те объясняю, нам твои трубки на х*й не нужны. Я хочу дать по щам. Нормально подраться. Опускать на что-то не будем, опускаем просто так. А бабки если есть, скинемся потом и побухаем, перетрем, лады?

Нормальный пацан в эту тему врубается сразу, и, если не ищет ее ночью по каким-то причинам, то не особо обламывается, если находит. Но наш герой – лирический, он в принципе конкретно обосрался. И решил, что убегать надо по–любому, так как в драке он не силен, и друг, если есть мозги, тоже свалит, и в другую сторону, и будет прав. Что он и выразил в коротком слове «Сматываем», получая первый удар в табло. Быстро свалить не случилось, пришлось для начала огrestи и в живот, и по лицу дважды, еще несколько раз он заслонился или увернулся. А после чего свалил, забив, кстати, на друга, ведь дружба в сущности – туфта. Каждый человек рождается одиноким. И одиноким же – умирает.

Печальная эта история оправдала длительный сон лирического героя и последующие три дня раздумий, проведенных в употреблении наркотиков и алкоголя. На работу – он временами подхалтуривал мерчандайзом в гипермаркете «Хоккей» – было решено не идти. Расхаживая по Спальному району под в сущности клубным наркотиком – «диском», он ощутил чувствительную разницу между собой плюс своим другом и остальными наркоманчиками – под действием употребляемого им нередко вещества большинство наркоманчиков посещают клубы, где занимаются тем, что клеят теток, танцуют и без устали тряпндят. Под воздействием того же наркотика его привлекало исключительно третье, да и то не всегда. Если у других наркотики – это сопровождение кайфа, то

у него же, как, впрочем, и у его друга, наркотики – это источник кайфа. Причем, похоже единственный.

Он посмотрел на своего друга испуганно, поразившись собственному открытию. Друг ржал, глядя на его ошарашенную рожу. «Отрываемся», — посмеивался над ним друг. Наш лирический герой с невероятным ужасом пришел к мысли, что то, чем он занимается сейчас – это действительно можно назвать словом **ОТРЫВАЕТСЯ**. Применительно к нему. Он грязен, он удолбан, он пьет вонючий алкогольный коктейль, «убирается», он шагает космической походкой у подножия «заброшенки», долгостроя и современных жилых комплексов с гаснущими друг за другом окнами, он жалок, но очень доволен. Практически, он счастлив. Он видит свое отражение в луже и плюет в него, что вызывает новый приступ хохота у его друга, он достает член и начинает ссать. Он напевает что-то вроде «мне плевать.. ведь это их дерньмо.. это их проблемы.. а мне все равно». Он ссыт в лужу, матерится и поет. Он **ОТРЫВАЕТСЯ**. А ведь он когда-то читал Сартра, читал Гессе, читал Солженицына, да потом забросил, читал, читал, читал... Любил Сорокина – этого не забрасывал, восхищался «Властелином колец», Леонида Андреева так вообще когда-то считал любимым автором, Бэнкс, Курт Воннегут до сих пор в его библиотеке – точнее, в том, что от нее осталось: все раздал или потерял, а новые давно уж не покупал. С тех пор, как бросила Дарья, и он попробовал «камень». Но что может быть лучше, что может быть лучше этого – почему он этого раньше не знал?? Он чувствует энергию Спального Района, этот ветер подхватывает его, он шепчет ему в ухо свои ледяные, тяжелые слова – «Шли на хрен! На хрен шли это все!!!» Он хочет восхищаться красотой, но у него нет на это денег. Деньги – это средство восхищения красотой. Мысли «убратого» человека сменяются быстро, и вот он уже снова здесь, он восхищается здесь, он живет здесь – в Спальном Районе. Он ссыт здесь и сейчас.

Он смотрит на собак. Собачья стая у ларька состоит из особей десяти, наверное, и крепких, и достаточно больных, он смотрит на них и видит Истину.

Четыре собаки, с каждой стороны по две, несутся за проезжающим автомобилем, облавивают его, пытаются остановить. Одна бежит непосредственно перед машиной, отступает, но и наступает тоже, хотя ей все равно приходится отступить. Две мелких шавки пробегают вдоль дороги, мимо лирического нашего героя и его непутевого друга, одна бежит далеко впереди и временами оглядывается назад, чтобы если какая х**ня впереди, дать знать своим, а если фигня со своими — бежать им на помощь. И одна — дозорная, остается там, где их «штаб», там, где их «база», чтобы фигни не случилось там.

Какой там к черту Солженицын! Какой Варлам Шаламов! Посмотри, посмотри же, как эти суки живут! Самая крутая — бежит перед машиной, она же кидает предъявы, бойцы атакуют ее по бокам и злобно матерятся. Те, что бегут вдоль — на всякий случай, чтоб враги — люди, которые в машине, знали, что их много, и оценивали силы свои здраво. Лоховская, на хрен ни к чему не годная старая лайка, сторожит притон, и еще одна дрянь бежит и смотрит, что впереди, чтобы тоже быть при деле, если че.

Гребаный мир! Сучий гребаный мир! Друг ржет, глядя на них, он тоже «просек всю тему», но он не «просек» в ней главного — ее трагичности, ее ужаса. «Где я живу? Почему я живу здесь? Для чего? Неужели все так устроено, неужели все это ТАК? Это же те, что нас вчера отметелили, это гопники, настоящие гопники, только собаки. Собаки, люди, всякая другая фигня — все живет так, все только так и умеет жить. Спальный Район — это просто такой организм, он охватывает все, здесь все живет одинаково, и ты — лишь его часть».

«Я ненавижу собак!» Это на всю жизнь. Это никогда не забудется. Он бы взял сейчас «ствол», и выстрелил бы в башку каждой из них, каждой мрази, каждой сволочи. Но только что это изменит? Это сделает Спальный Район твоими руками

ми, и сделает то же и с тобой. И это тоже не изменит ничего. «Да и ствала у меня нет», — устало подумал лирический герой.

Вот так у него начались «загоны». Дальнейшее время он провел в грустном аристократическом молчании, успокоившись тем, что он все ж таки интеллигент. Хоть и в прошлом. Хоть и люмпен. «Аристократия помойки», — вспомнилось ему.

«Да ты посмотри на них, всех вокруг, — возвращал его к жизни друг — Они же все развлекаются так. Бухают пиво у ларьков, наруливают «спид» полночи, нюхают его вот здесь же, в этих же парадках и стоят, курят, в окно смотрят.

Так что все это ерунда, успокаивал себя лирический герой. Все так живут. Мутят, рулят, решают. Рулят, решают, мутят.

— Зайдем к Хакеру, а? Делать-то не фиг.

Собаки.

Дарья Звездная называла сок сокик. Она называла цветы — цветочки. Она шептала ему во мраке ночи, что он красивый, она действительно думала так. При свете маленькой лампы она раздевалась догола в его комнатке, залезала на стул и танцевала — нет, так нельзя сказать даже, ритмично двигалась, медленно и возбуждающе, перед окном. Он наклонялся за ней, обнимал ее ноги, она слегка раздвигала их, и он устремлялся тотчас меж ними, и целовал ее. А потом становился с ней рядом, и они вместе смотрели на звезды, и слушали «Мумий Тролля», пока проклятые буржуи со своей программой уплотнительной застройки не построили прямо напротив грязный, уродливый дом, заслонивший собой все небо. И кажется, что вот они и стояли так, понимая друг друга, прикасаясь друг к другу чуть заметно, торжественно и легко, а этот дом все строился и строился. И ее вкус, едва ощущимый, еще таял, прекатывался на языке. А потом звезд не стало. И она не стояла уже у окна, словно плыла куда-то, медленно и трагично, как

в кокаине вся. И он уже не целовал ее так. Она ведь Звездная, она — оттуда, там ее звездная хижина. Там ее сердце, в звездном хрустальном ларце.

Она называла его «Монечка», и это не было вовсе от имени, она всегда была нелогичной, ей просто понравилось так. Она очень красивая, Дарья Звездная. Вы поверьте, пацаны, моему лирическому герою. Здесь не найти такую. Такая красота случается не часто. Еще реже, чем пришествие Христа.

— В сущности, мы все уже мертвецы. Мы давно уже умерли и ходим вот так, шалтаемся—болтаемся, мертвые, и от нас воняет, — его друг затронул любимую свою и их общую тему, когда говорить им становилось уже совсем не о чем.

— Ну да, наверное — лирическому герою уже не хотелось всего этого, на сегодня он пресытился «мертвой темой», да и клонило в сон. Времени было полтретьего, а они сидели на ступеньках, в подъезде и можно было б добавить еще — смотрели на звезды, если б это так было. Но только не было так.

«Мы все какие-то Маленькие принцы. Я, и он, и каждый из нас», — внезапно подумалось лирическому герою, и от этой мысли он зевнул. Друг же пьяный, но живучий, хотя и мертвец давно. Он вещает о Людях Огня, которые прыгают через огонь в каком-то африканском племени

— Я вообще Дисковери часто смотрю. Там бывают интересные программки, — подытоживает он

Лирического же героя одолевают другие мысли: разговоры о людях огня, как ему кажется — верный признак конца тусовки. Тем более такой, которая бы лучше не начиналась. «Героин, кокаин, кокаин, героин» — вертятся в башке героя странные и лишние слова.

— Ладно, пойду я, — решается он высказать свою гражданскую позицию.

Для друга этот расклад неприемлем, он сидит на ступеньке с тупым взглядом уже третий час, но уходить домой по снегу

и морозу ему совсем не улыбается, нажратору к тому же. Идти и думать о своей неудавшейся... хмм... неудающейся, сохраним оптимизм, жизни. Лирический герой же в этот момент вспоминает, что ему 23 года, эта мысль подбрасывает его вверх со ступеньки и заставляет суетиться по направлению к лифтам. Он резко осознает, что с куда большим удовольствием провел бы эти бесполезные часы в компании милой девушки, или хотя бы кого-нибудь, с кем можно поговорить о стихах, музыке, неразделенной любви и человеческой боли. А здесь он уже с полчаса молчит. Бывает такое – сидят они и молчат. Минут по 10 молчат, плюются, скучают, а не расходятся. Потому что одному совсем хреново. Но в данном случае – хочется спать.

– Ну не уходи, пожалуйста, давай потусуемся еще минут 10 – тоном маленького нытика уговаривает друг.

– Ну хотя бы покурим по сигаретке, а?

Ладно, покурим. Помолчим, разойдемся, подумаем. Что-бы встретиться завтра вновь.

С некоторых пор в их жизни появилась Златовласка. Возможно, завтра придет и она. Она затрагивает сердце лирического героя, но он с первого дня запретил себе думать о ней так. И более не парится по этому поводу. А вот друг парится, и это очень видно. Он гладит ей жопу и ржет, потому что в момент, когда девушке гладишь жопу, нельзя, нелогично молчать. Ей нравится это все, она добрая и красивая. Про нее нельзя сказать телка и тем более что покрепче. Почему-то нельзя. У друга не было девушки, никогда. Если они будут вместе – это будет неплохо, думает лирический герой сквозь плотный табачный дым и улыбается чему-то своему. Вот только он тогда останется один.

«Ну не уходи, пожалуйста, не оставляй меня одного!!», – слышит он сквозь закрывающиеся двери.

Знает ли мой с некоторой натяжкой уважаемый читатель, что же такое одиночество? Будем полагать, что знает, ибо су-

масштабнее время, в которое выпало всем нам считать свои годы, наделяет этим знанием всех нормальных людей. Одиночество – это когда идешь в сортир не оттого, что очень хочется, а оттого, что заняться-то больше и нечем. Вот так и наш лирический герой, не обладая средствами, чтобы убить время с помощью хотя бы алкоголя, оставался с очередного утра перед выбором – продолжить ли валяться на диване в надежде на какое-то событие, которое, возможно, озарит его своей слепящей перспективой спустя час, а может два, а то и день..., посетить ли туалет – есть все же радость в самом акте избавления от гнетущей тяжести в организме, благо в ней недостатка не бывает, или помыться в ванной, заодно и подроочить. Лирический герой не мог определиться уже час, все это время он ковырял в носу зубочисткой, взывая к чувствительности собственного носа (он вспоминал прочитанное где-то: “Чиханье – это маленький оргазм”), но вот и нос уже чувствительность утратил, и злое солнце было прям через стекло, и перспективы никакой не появлялось. А сперма в ванной так похожа на какого-то жука, она, паршивой кляксой опускается в горячие, медлительные воды, и эта клейкая, плотная, белая клякса – нате пожалуйста, меняет формы, кружится в вальсе каком-то своем, все ближе к воронке и ближе, она все меняет формы, вот у нее будто щупальца отросли, или ноги уродливые такие, некие ноги—лапы, как у паука с огромным брюхом, или иного какого тараканья; и вот эта сущность, эта плотность, эта лирического нашего героя очередная упущенная возможность, еще один холостой выстрел – вот она скрывается в воронке, унося с собой пять минут жизни, потраченные на ее рождение, и еще одну – убитую за разглядыванием ее.

Собственно, об этом он сейчас мучительно раздумывал. Процесс онанизма давно утратил в его голове какую-то привязку к сексу, свойственную таковому в принципе. Голую бабу или еще какую ситуацию, степень примитивности которой всегда в прямой зависимости от степени примитивности мышления самого лирического героя в соответствующий действию период времени, было необходимо представить для

того лишь, чтобы член изволил встать – и только. Сам же член воспринимался как отросток, и не более – отросток лишний, в повседневной жизни иногда мешающий, но раз уж он есть и подобно носу способен посыпать организму импульсы удовольствия – почему бы его временами и не потеребить. Сам же выброс – момент, который и считается кульминационным во всем этом нехитром развлечении – стоял в сознании лирического героя в одном ряду с эйфорией, вызываемой столь любимыми им и его другом «камнем», диском и порошком – то есть классифицировался как «приход». Как trip. И соответственно, он мог быть bad или good. В момент этот сакральный, выше упомянутый, сознанье его было напрочь недоступно ни образам теток, ни всяким развратным фантазиям, оно было занято или воспоминанием любимой песни, момента фильма, гола футболиста, или же просто красивым и сильным воспоминанием о когда-то увиденном и произошедшем. Да, онанизм – это такой вот недолгий приход, когда недоступен какой-то другой. Иной раз, дрожа и моргая глазами, он думал внезапно – а что же я делаю? А зачем? В чем же смысл? – и резко, с неприязнью, переставал. Зевал сидел, за зубочистку принимался.

Он помнил Дарью Звездную во всех подробностях ее, но никогда – ни разу – на нее, как это говорится. То есть, думая о ней. Те воспоминанья рождали стихи, терзания, слезы, они наполняли бокалы, стаканы, лились из горла, делились пластиковыми карточками на «дорожки», стремились в самое сердце, по венам, по венам, по венам. И летели года, как качались вагоны – месяца и минуты, секунды и дни – с тех пор, как они стали равнозначными, как камни – какой-то больше, или меньше – ну и что? «Добро пожаловать, добро пожаловать!» – кричали механические голоса на крымской площади, они зазывали проверить вес, проверить рост, и Дарья смеялась, передразнивая, вспоминая их потом, в огромном городе, в своем Квартале. И затем волны, красивые, черные волны, ночные огни едва различимой бухты, и холод на пристани, обятья, обятья, обятья, истории, кошки, мурчащие где-то

в ногах (у них была рыба. У них было пиво) – у них была Любовь. Добро пожаловать, добро пожаловать. И во дворе с охраной, где не было страшно ночью болтать о любви, впервые на свете – посреди Космоса, на стыке двух маленьких, неподеленных миров, глядя в глаза – признаваясь себе, она «сохранила игру»:

– Это лучшее лето в моей жизни.

Фонтаны взрывались из—под самой земли, разноцветные, во все стороны били, и прорезались цветы из безжизненных тысячи лет валунов. И наутро было солнце – не такое, как сегодня, не такое, как сейчас.

– Я красивая? – вопрошала, слегка надув щеки, Дарья утренняя. Он смеясь называл хомячком ее. Или грушкой. Они познакомились первого января (Вы разве не верите в Деда Мороза?) И были вместе, пока она не предпочла его обществу – общество потребления. Оставил ему Район, бросив ему Районом в лицо, отвернувшись от него, уверенно шагая в ночь, и когда он, лишившись ощущения ее ног в своих объятьях, открыл глаза и посмотрел наверх – он не ее лицо уже увидел, пускай кричащее «Ты больше мне не нужен» (в оригинале – «Ты же больной на всю голову, дорогой мой, это же полная ложа, ну да, расстаемся, делов-то, смотри на меня и делай, как я») – а девяти —, двенадцати—этажки, заборы, краны, и магазины, магазины, магазины, и вываливающихся из подъездов людей, во двор, прямо во двор, на скамейку, и ночь – беспространственную ночь – над всем этим, над всеми головами и домами. И он уже не видел, как она уходила, он лежал на асфальте. «Пацан, че с тобой?» – орали ему. Добро пожаловать. Добро пожаловать.

– Ну и до каких пор это все будет продолжаться?

Конечно, не для литературы, не для искусства описание таких семейных сцен, а для какого-нибудь сериала, для теле-

визора, но важность этой сцены велика, — И сколько ты намерен так вот жить?

Мать опустила голову и закурила сигарету, крепкий «Честерфильд». Литература здесь советует взять отступление, и описать всю обстановку в доме, какую-нибудь мысль или воспоминание, и после описаново ругни включить уже на полную катушку. Однако ж, примем сторону лирического героя, вот кто уж жаждет о скорейшем окончании этой сцены, да и какая обстановка, смилуйтесь: в описании ее не может быть никакого интереса. Только грязь, да серость, да пустоты, да тлеющие искорки в сердцах. Какая обстановка? Панельный дом на окраине, вот мать и сын, две разных жизни, две внезапных тишины.

— Я не знаю, мам. Я не хочу, как они.

— А как ты хочешь?

— Я хочу как Высоцкий. Или как Эдик Лимонов. Как великие люди.

Механическая тишина. Вспомните угол комнаты — далекие кадры из детства.

— А если тебе не дано? Не всем же дано? Кто ты такой? Никто.

— Я хочу, как они.

— Да и кто они такие? Один наркоман, алкоголик, другой фашист, идиот.

— Кто по—твоему лучшие? Твои соседи по даче? Марина Аркадьевна, Антон Владиславович? Кто? Тетя Света, ее дочка Люда? Газпром—сити, мечты сбываются? [и не сбываются]

— Девочке столько же лет, как и тебе, а она машину покупает за 80 тысяч баксов, [а все хорошее] Квартира в Москве, работа в крупной компании [и есть Газпром] — все есть у человека. А у тебя что?

— Это не работа, это рабство. Как она может воспринимать людей — только как клиентов, или наемных рабочих, или официантов, быстрых и улыбчивых. Ее несчастные дети (Ну, скучавил — Прим. Автора), несчастные купленные мужья?

— А это все твое дело.

— Не мое. Я и не хочу знать всю эту грязь. Ради этого стоит жить? Ради этого ты рекомендуешь?

— Ради этого, ради этого, конечно (срываясь на крик). Ради чего же еще?

— Дожил до 25—ти, накопил на тачку, дожил до 30—ти, накопил на два квадратных метра, ипотека, старость, смерть, да?

— Все люди так живут, — мать так же внезапно успокоилась, как и завелась, и теперь лишь устало разводила руками. — Ты понимаешь, все люди так живут! Все. И потому они счастливы, и потому ты несчастен. И потому у тебя никого нет. Одни друзья — наркоманы, одни алкоголики, одни шатания по району, по улицам. Ты приходишь домой в 5 утра и потом целый день не спишь! Разве такого мы хотели сына, разве об этом мечтали, когда рожали тебя? Мы думали, сейчас у тебя будет нормальная работа.

— Не знаю... Я никогда не буду таким, как вы. Наверное. — он задумался. — А может быть, и буду. Но не сейчас.

— Тебе нужно только понять это, и тогда ты будешь счастлив. Сын, ты же пойми, я твоя единственная мать, единственная. Я желаю тебе только счастья, я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я знаю, мам. Я не хочу быть счастлив.

— Чего же ты хочешь?

— Посмотри на себя. Ты находишься дома с утра до вечера, целый день, каждый день. Тебя не интересует ничего, кроме стирки и мытья, мытья и стирки. Грязно, чисто — вот все понятия, которыми ты оперируешь. Сегодня было чисто, а завтра стало грязно. Когда вы ходили в театр в последний раз, когда ты читала книжку какую-нибудь?

— Кто будет трусы стирать, кто будет полы драить, если все по театрам будут ходить, книжки читать будут, скажи мне, а? — мать опять начала заводиться.

— Я против трусов, — твердо сказал лирический герой. — Я всегда буду против трусов за театры. Я хочу, чтобы мир изменился. Чтобы он стал другим. Чтобы в нем не было людей, живущих бытом. Чтобы в нем не было таких условий.

– Что ж ты для этого сделаешь, дорогой мой? – насмешливо сказала мать. – И, кстати, сам-то когда был в театре?

Лирический герой глубоко вдохнул и выпалил:

– Мам, дай сто рублей на вечер. Сегодня пойду.

И вечер заиграл за окном троллейбуса, и дули ветра, и где-то там Дарья Звездная со своим новым бойфрендом, красивым и статным, плыла, а он сел в это транспортное средство, чтобы погреться, лирический наш герой. Какой-то пьяный ублюдок в залитых чем-то штанах, качаясь на поручнях, орал кондукторше, женщине с большим животом, в ухо:

– Твою ж мать (далее неразборчиво) нах (неразборчиво) на—нах. Нету.

– Меня не волнует, оплачиваем проезд, оплачиваем. У нас тут все, и пенсионеры платят, и дети малые. Алкашам и идиотам льгот не полагается.

– В рот.

– Что в рот? Проезд давай оплачивай, пьянь!

Уставшая кондукторша в унынии повернула голову к пенсионерке, что сидела рядом:

– Что за люди?

– Молодой человек, ну оплатите вы этот билетик, —ласково шепнула бабушка, — Не пререкайтесь вы, ей рожать завтра.

Но молодой человек уже стремительно падал, засыпая, видимо, в самом процессе. Здоровый детина с задней площадки, преодолев шага за два все расстояние до водителя, что было мочи заорал тому в окно:

– А до травмпункта едете? – и, услышав ответ – Придется поехать. Сейчас туда кому-то очень надо станет.

На следующей остановке пьяница был выкинут из салона, герой же наш лирический копался в книжке записной и думал, можно ли кому-то позвонить. Он как всегда не хотел видеть никого, но вот нажрался, положенье изменилось. «А в сущности, — размышлял он — Это как-то все омерзи-

тельно, люди рождаются, играют, дружат, тусуются в школе, а потом... как-то так получается, что кто-то становится кондуктором в троллейбусе, а остальные там едут. И такой же несчастный человек, он целый день лает на них, лает и лает, по поводу, который для него самого ничего не значит. Который ему самому до фени просто, все эти билеты, все эти карточки, кто-то зайцем едет – что это значит все перед лицом Космоса? Что это значит в пространстве и времени? Что это значит в истории? Ничего».

Но чему быть – того не миновать, и из красивого троллейбуса придется выходить, чтобы купить бутылочку чего-нибудь, и пересесть на метро. А бывает, что стоит он так, на перекрестке, и все глядят на светофор, и не идет – просто куда идти не знает. Везде уже бывал, и никуда не надо, и никуда не хочется. Возможно, завтра он отправится в свой «Хоккей», на работу. Потому что совсем событий нет, ну разве дождь идет. В театр он, как вы догадываетесь, не пошел. Там нет билетов за сто рублей.

Да и что с того? Ведь вся жизнь – театр.

Не вышло на сей раз прямого попадания. Едва–едва стоящий на ногах, он резко весь согнулся пополам и зашелся в приступе кашля. Приятели понимающие притихли, ведь такое с ним случалось не впервые – вот они, справа и слева, приятели его – кому-то по 16, кому-то 18, одному, как и ему – все 23, они все здесь, на ступеньках. И рядом с иллюстрацией к приему ЛСД, над надписью *Slipknot* на издыhanыи самом лампочка, в пыли и паутине, несет свое добро – свой тусклый свет.

Его выворачивало на этот мир, рвало непостижимо и стремительно, какой-то красной дрянью, влитой полчаса назад. Устав, он присел над этим всем и смотрел мокрыми от слез глазами, и еле понимал, что к чему – лирический герой наш, это он.

— Ты варишь плохо, — он хрипел и отплевывался, сбираясь с мыслями. — Один же сигаретный дым, мать твою. Где там «камень»?

Возможно, это и так, возможно, у него чувствительное горло, или же вообще измученный организм вырабатывает иммунитет к тому, что его так мучает. А ведь вполне возможно, и какая другая фигня, заострять на этом внимание не стоит. Он отлично знал, что сейчас все это пройдет, проходит уже, то еще один час сомнительного качества безделья укутает плечи и забальзамирует сердце. Хотя, в последнее время уже и расширенное сознание не приносит ему особой радости — сознание расширяется, но как-то не так вовсе, как раньше. Его расширение напоминало расширение сектора «Dooma» (была такая компьютерная стрелялка) после очередного взрыва — было все нормально, только скучно, но вот открылся портал, и полезли монстры — изо всех щелей, из всех едва открытых территорий.

— Ну, как ты? — Наркоманчики всегда солидарны, когда беда имеет отношение к наркотикам. «Что ты можешь рассказать об этой малолетке?» — неслось из чьего-то мобильника.

Друзья мои, союз наш не прекрасен. Они не были злыми, они не были плохими, они были, конечно, прикольными. Но они никогда ничего не хотели. И не захотят. Лирический герой отличался от них только этим — он ХОТЕЛ. Он безумно хотел захотеть что-то. Ну и возрастом по паспорту. От большинства из них.

Он увидел Дарью Звездную внезапно, столь же внезапно, как она и появилась. Открылась дверь, ведущая с балкона, и все притихли — новый человек. Она была такая, как и прежде — во времена, где они были вместе — совсем не изменилась, все те же черные волосы до плеч, все те же джинсы, та же торба за плечами, все та же прочая, как в этом обществе сказали бы, фигня. Какая-то слизь все еще капала изо рта, и он машинально отер рукавом рот. Могучий русский язык позволит так описать его чувства в этот момент, что не хватит и целой книги, но ведь сами понимаете их, точно? Положим,

что здесь был абзац, трагичный и красивый, что вы его, конечно же, прочли.

– Пойдем со мной, Монечка. Пойдем со мной, а? – Она видела только его, она говорила с ним.

– Лапушка.. Дашенка моя.. – он почти шептал, сглатывая, внезапно понял – сблевано не все.

– Там радуга. Пойдем со мной?

Трещала лампочка, мерцали огоньки. Сгущался дым. Неторопливо начинался разговор, который он не слышал и не знал.

– Там радуга, слышишь, Монька? Ты видел радугу?

Бледное как мел, его лицо слегка качнулось вправо—влево. Он нервно отхлебнул, поморщился и сплюнул

– Ты? Как?

– Я знаю. Потому что я оттуда. Там радуга, пойдем, я покажу.

Ее рука, вот если смотреть сверху, преодолела три ступени до него. Он вытер свою о джинсы.

– Сейчас... Да, конечно, сейчас. Дашенка, это же ты. Ты надолго?

Он схватил ее за руку, крепко—крепко, он сделал один шаг

– У тебя получится, — она обняла его – Здесь всего три ступеньки. Ты сможешь.

Он качал, изо всех сил качал головой.

– Помнишь, в Крыму? Там такие лестницы были, помнишь, как ты догонял меня?

Она приоткрыла дверь, и он вышел первым. Не отпуская ее теплой руки.

– Смотри, — она прислонилась к его плечу, она не плакала, она улыбалась – Смотри, милый. Красный, оранжевый, желтый, ты видишь? Здесь все цвета. Смотри – Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан.

Он осоловело смотрел на нее

– Что?

– Ну, это чтобы тебе запомнить было легче. Так запоминают ее цвета.

Он смотрел на радугу, смотрел на небо. И на нее. Тошнило. «Радуга очень красивая», — думал он.

— Слышишь? Слышишь меня, Монечка? Я пришла за тобой. Пойдем отсюда, пожалуйста.

— У вас часто такое?

— Всегда. У нас всегда радуга. А знаешь почему?

— У?

— Просто у нас есть небо.

— А я оттуда, — он махнул в сторону двери, — Я видел ее раньше. Когда была ты. Просто я забыл.

Он улыбнулся.

— Нет. Я была всегда. Я была всегда, как эта радуга. Пока ты смотрел на меня.

— Я всегда смотрел на тебя. Я ВСЕГДА СМОТРЕЛ НА ТЕБЯ, СЛЫШИШЬ?

— Я не могу быть здесь долго. Я пришла за тобой, я хочу, чтобы ты ушел со мной вместе. Я больше не с Ним.

— С ним?

— Я бросила Его. Его, как ты называл, с большой буквы. Я больше не с Ним.

— А с кем?

— С тобой, солнышко. Я только с тобой. Я же говорила, помнишь, что мы будем вместе. Я всегда это знала.

— Будь рядом

— Я рядом. Я люблю тебя, милый.

С неба закапало, он подставил ладонь.

— Это маленький дождик, любимый. Маленький дождик. Никаких больше слов, пойдем, — она потянула его за руку к выходу. В другую дверь, к лифту, — Пойдем.

— Подожди. Мой бэг. Я оставил там свой бэг. Там все.

Она остановилась.

— Я только возьму его и приду. Мигом, солнышко.

Он ворвался на лестницу, в клубах дыма не сразу понял, кого неосторожно толкнул.

— Ну, ты глаза свои видел? Ты посмотри на свои глаза!! Ну, ты укурок!

Они и вправду были бешеными, его глаза.

– Где бэг? Дай мне мой бэг, — рывок вниз, туда, так, куча блевотины, кто-то еще блевал, кто-то ссал, не я, не я, где бэг,

— Где бэг?

– Какой бэг? Ты что? Какой бэг?

– Где мой бэг?

– Какой нахрен бэг?

– Там плейер, там книжки, там отчеты.

– Какой бэг?

– Где бэг?

– Слыши, ты присядь, ты посмотри на себя, успокойся.

Разошелся тут.

– Где бэг?

– Накурился, разошелся.

– Давай сюда бэг, сволочь.

– Ты долбанулся? У тебя не было никакого бэга.

– Был, гандон, давай его сюда, куда вы его спрятали?

– Да мать твою, сядь ты, слыши?

– Давай, давай.

– Утырок, успокойся.

– Похрен, я так пойду. Чуваки, чуваки.

– Да присядь ты.

– Чуваки, я ухожу.

– На, глотни.

– Я ухожу.

– Куда ты уходишь?

– Где дверь?

– Какая дверь?

– Здесь была дверь, я только что выходил.

– Здесь нет никакой двери.

– Чуваки, я ухожу, серьезно, увидимся.

– Куда ты уходишь? В стену?

– На, глотни.

– Капец, он долбанулся.

– С ним часто такое?

– Я ж его знаю, первый раз.

- Хреново пацану.
- Дверь! Здесь была дверь! Я ухожу туда, слышите, я ухожу!
- Куда ты уходишь?
- Там радуга
- Херадуга. Присядь, я тебе серьезно говорю, легче станет.
- Здесь была дверь, она что, замурована?
- А ты не знал?
- Здесь только что была дверь, что, внизу ее тоже нет?
- Куда ты побежал?
- Держи его.
- Где дверь? На каком этаже есть дверь?
- В жопе у тебя есть дверь. Присядь ты
- На первом? На первом-то есть?
- Чего разорался? Ну, расплачаться еще, не, ну капец.
- Дверь, дверь! Как отсюда выйти? Она ждет, ждет меня там.

- Никак не выйти. Отсюда нет выхода.
 - Мне надо. Мне надо.
 - Ты долбанулся? Говорят же тебе, отсюда нет выхода.
- Нет. Не колоти ты в стену, палево.
- Слышишь, ты заварил?
 - Да какой там. Тут такое.
 - Ты давай вари, он щас придет сам.
 - У нас «спидуха» есть, слышишь, поднимайся? Будем гулять по этажам.
 - Дверь, дверь!!!

- Ты что орешь? Эй, ты что орешь? Случилось что?
 - Что?
 - Ты что орешь, говорю?
 - Нет, так ничего, не знаю.
 - Ужас какой-то, так орешь, в соседней комнате слышно.
 - Да я.. это.. Сколько времяя?
 - Так посмотри, будильник уже разрывается.
- Там, та—да—дам, та—да—дам, там, там, та—да—дам.
- Что ты себе за музыку вечно ставишь?

- Да это Portishead, у меня на будильник стоит.
 - Порти.. что? И под это просыпаться? Повеситься, наверное, можно.
 - Уфф...
 - Приснилось что? Тебе на работу сегодня надо?
 - Что? Мам.. мам.. я потом скажу.
 - Вставай. Вставай, тебе друг твой звонил.
 - Че он хотел-то?
 - Перезвони.
 - Привет, привет, да так, спал
 - Будешь сегодня? Давай, приезжай в центр.
 - Че? Зачем? А кто будет?
 - Да, есть тут одна маза. У тебя будет сотня?
 - Не знаю. Будет.
 - Или две? Лучше две?
 - Не знаю, говорю же. Наверное, будет.
 - Кстати, почему у нас у всех нет имен в этой повести?
 - Не знаю. У меня у самого нет. А что, надо?
- Он плюхнулся на подушку, стирая пот. Время над ним.
Часы. 12:15. Время над ним. Не властно.
- Сон стирался, как магнитная лента, стиралось все, он лежал и пытался думать. «Надо подумать» – думал он.

«Актуально», «Это не актуально», «В этом сезоне будет актуально...», «Это было актуально года два назад»... Его всегда безумно удивляло использование слова актуально в нынешних контекстах. Чего уж там, порой просто бесило. Что-то совсем пустое, пошлое, и не наигранное – переигранное даже, кусало его в этих «актуальностях». Но куда денешься, его вечерняя беседа со своим другом незабвенным в деткосадовской скамеечной тиши, была вот именно что актуальной – что для него, и что для друга, а также для их вечера вообще. Здесь обсуждалось кое–что интересненькое.

– Вороны вообще птицы круче, чем голуби, ты посмотри,
— передавая «полтораху» пива, говорил друг, — Они куда про-
качаннее, я это давно заметил, я за ними наблюдал.

– Вороны туфта.

– А что не туфта?

– Не знаю, — лирический герой взглянул на телефон. Про-
читал sms: «На вашем счете...», — Утки, лебеди не туфта.

– Лебеди... Ухаха, ну ты как всегда, — отозвался друг

– Не туфта чайки. Ты видел чаек, особенно над морем, ле-
том, кричат, кружатся... — подумал — А вообще чайки туфта.

– А вороны могут набрасываться и выклевывать глаза, ты
в курсе? Я только вот не знаю, правда это или нет. Но слышал.

– Мне все равно. Я в очках.

Огромная ворона с криком взлетела с земли и устреми-
лась ввысь, на какую-то ветку.

– Кэрр, кэрр, — вскочил друг, передразнивая ворону, —
карр!

– А голубь, тыц—тыц, ты посмотри, как двигается голубь,
— переключился он, — смотри, как он надулся.

– Голубь самая полная туфта. Голубь отвратительная пти-
ца.

– Чем тебе голубь не нравится?

– От них никакой пользы ни природе, ни людям. Они бес-
полезны и только раздражают. Даже эстетически они ничего
из себя не представляют. Не кидай им сухари, сейчас слетится
их до черта.

– А воробей вон, смотри — прилетел, хлоп, выхватил су-
харь и на ветку, вон какой. А от него какая польза?

– Они насекомых ловят там всяких, воробей в песке купа-
ется — смотреть приятно.

– Ты нацист какой-то. Птичий нацист.

Переводить разговоры в подобное русло ему не хотелось,
лирическому герою.

– Знаешь, у меня в детстве насекомых было всяких разных
полным—полно... Я наблюдал за муравьями, выходит такая
дорога муравьев сплошная, отложенная, из дырки в земле их-

ней куда-то идет. Вот долбанешь одного муравья чем-нибудь, они не станут его сразу тащить, а муравьи – они же, знаешь, усиками переговариваются. И вот так по цепочке передают они информацию друг дружке, мол, завалили товарища. И спустя некоторое время выходят двое такие, маленькие совсем, меньше обычного, что важно, и тащат дохлого в нору себе. Это гробовщики у них.

– А я черных муравьев с красными стравливал, наблюдал потом за ними. У них территория двора была поделена между красными и черными. Были домашние еще, рыжие такие, мелкие, они по ведру ползали мусорному. Но это лоховские были, их вообще никто не уважал.

– Я собирал муравьиных львов.

– Львов? Что это такое?

– Ну, что—что, ты не видел их никогда что ли?

– Ну может, видел, фиг знает.

– Они сидят в земле, в глубине, и проделывают такую воронку, чтобы муравей туда мог упасть, а когда он падает, лев чувствует вибрацию и высовывает клешни, ну и тащит его внутрь, под землю.

– Хо—хо, ни фига себе, такая тема! – оживился друг.

– А я их выкапывал и приносил домой к себе, выращивал их у себя дома, они огромные такие становились, жирные, я их мухами уже кормил. А их воронки потом самые огромные были, я им туда уже других муравьиных львов кидал.

– Хрена тебе, чем ты занимался

– А знаешь, честно, я бы и сейчас этим занялся, да только муравьиных львов в этом городе нет. Помнишь эпизод на планете у Джаббы из «Звездных войн», с воронкой огромной. Туда принцессу Лею хотели сбросить, скормить этой... — он не смог подобрать слова. — Это ведь по модели муравьиного льва снято.

– Принцессу Лею?

– Ты «Звездные войны», что ли, не смотрел?

После столь оживленной дискуссии логично было и немножко помолчать. Хотя, конечно, где-то в глубине своей он

чувствовал, лирический герой мой, что это следовало сделать ВМЕСТО, а не ПОСЛЕ подобного рода дискуссии, но эти мысли от себя он гнал. Порою вечером ему бывало так кошмарно. И денег не было, и ничего не сделать с этим временем, господи Иисусе, сыне Божий, ничего.

Он порылся в кармане, достал пачку сигарет, нашлось четыре штуки, извлек одну, положил на скамейку пачку, поискал зажигалку в одном кармане джинсов, в другом, встал, поискал в задних, сначала в одном, во втором после, расстегнул куртку, пошарил во внутреннем кармане, другу задал вопрос, есть ли, друг порылся в кармане, достал пачку сигарет, зажигалки внутри не было, положил на скамейку пачку, поискал зажигалку в одном кармане джинсов, в другом, встал, поискал в задних, сначала в одном, во втором после, расстегнул куртку, пошарил во внутреннем кармане, не—а, нету, пропала куда-то, ответил он, они окликнули мимо кого-то идущего, он порылся в кармане, он достал искомое, благодарю, благодарю, благодаря Бога, они закурили, он вздохнул, он вдохнул, он глотнул, он выдохнул, он присел на скамейку, закашлялся, лирический мой герой.

А где-то в большом историческом центре, в темном дворе, на последнем, четвертом, в тесной квартирке, в с—видом—на—полнолуние комнатке, рядом с большим пианино, при свете мерцающей лампы, стыдящейся перегореть, с чашкой красивого чая и шоколадной конфетой, вдохновленная юная девушка, лет, скажем так, двадцати, стройная и сероглазая, без подруг в университете и собственного жилья в городе, вдыхала жадными и влажными глазами какую-нибудь книгу. Ну, предположим, Самюэля Беккета. Ну, предположим, «Мерфи».

Он нервно затянулся и резко направил взгляд в небо; дымные колечки, друг за дружкой, направились стройным рядом будто бы прямо к луне, как в сказке для самых маленьких, солнышек и зайчиков рода людского, баюкаемых в кроватках своих будущих менеджеров по логистике и продавцов—консультантов в ближайших точках к метро. Он скривился в улыбке, и вытянул ее до конца, чертову сигарету, и встал —

друг моего лирического героя, того, который все это описанное время неподвижно смотрел на пыль.

В этом городе были огни,
В этом городе были туманы,
В этом городе жили они –
Наркоманы.
В этом городе плыли дни
Как весенние льдины.
В этом городе были они
Едины.
А за городом лился свет,
Тихий, нежный –
Там, где не было их и нет
Быть надежды

Имев обыкновение с утра принять пивчаги (см. начало повести), едва прорав глаза, первое прочих дел он распахнул балкона дверь, вдыхая влажный воздух, в надежде на бутылку, мой лирический герой. Однако день сурка, хотя и предстоял по прочим признакам, немного изменился в этот раз. И это изменение коснулось самым главным образом бутылки. Она была там, но трагически пуста. Присев на корточки и взглянув в небо, он вспомнил, что распил ее вчера.

А между тем, четверг, день важного события: сегодня назначалось собеседование, он назначал его еще три дня назад. Он раз в неделю ходил на собеседования — примерно раз в неделю, конечно, но старался. На сегодняшний день было назначено интересное, но крайне рискованное и сложное. Абсурд... абсурдно — бормотал его внутренний голос — абсурдно было не побеспокоиться заранее о том, чтоб поднажраться перед ним.

— Мгмммм, мгммм — отвечал его голос внешний.

– Да еще и проспать так, что теперь и не успеть это толком сделать – припечатывал внутренний.

– А сколько же щас? – встрепенулся внешний, и снова, успокоенно – Нормально, успеем. Классическая русская литературная традиция поддержана в этом эпизоде тем, что внутри героя как бы борются два начала, две противоположности, а стало быть, он мыслящий и сомневающийся дух, персонаж серьезный и трагический, продолжающий линию...

– Хватит! – обрывают меня они оба, в едином порыве души, — Мы же не успеем!

Простите, опять я о наболевшем.

К ларьку он бежал через квартал, за любимым бухлом (называть здесь не стану его, ибо прямая реклама (в случае нашей повести – антиреклама)) недопустима, а фантазии, чтобы исковеркать название смешно и оригинально, нет), крепким и позволяющим при относительно небольшом количестве и сжатых временных затратах получить максимальный эффект.

Употреблять крепкий алкоголь пришлось уже в метрополитене, на раскачку легким времени не оставалось совсем. Само же собеседование требовало мастерства недюжинного – необходимости балансировать между состоянием алкогольного опьянения и внешней его незаметностью. Всю дорогу лирический герой искал этот баланс, с каждым глотком он нарушался, в каждом перерыве между глотками судорожно выискивался вновь. Собеседование – удивительно волнительная вещь, и главной для лирического героя задачей была сохранить лицо независимо от результата. А это, ежу понятно, невозможно было сделать в трезвом виде.

Его встретила девушка лет 19, впрочем, что там – именно 19 лет, он же знал, к кому ехал – непосредственно возле станции подземки, в строго оговоренное время, если не считать двухминутного опоздания, совершенного лирическим героем. Он улыбнулся и первым завел разговор, как и подобает нормальному пацану... тьфу ты, успешному кандидату на замещение.

– Добрый день, видимо вы Марина? Мы договаривались с вами о собеседовании в это время.

– Очень приятно, это я. А вы – именно тот самый лирический герой?

– Да, — он замялся, — Мне тоже очень приятно. Приношу свои извинения за задержку, проблемы с транспортом, прощите, что заставил ждать.

– Вы знаете, я и сама подошла только что, так что и вы, в свою очередь, извините. Где нам будет удобнее пообщаться?

– Меня вполне устроит вариант, удобный вам.

– Отлично, тогда я предлагаю парк, где мы могли бы обсудить все вопросы, просто сидя у воды.

– Я знаю хороший летний парк здесь недалеко, — напряженно улыбнулся лирический герой.

– Неуместные возражения не в принципах нашей корпоративной этики, — слегка улыбнулась собеседница

Он нашел ее вакансию среди подобных, кажется, на странице за номером 127. Серьезное, слегка улыбающееся лицо, чуть наклонилась, чуть прищурилась, черные волосы до плеч — в общем, милое, симпатичное, юное личико смотрело на него с этой страницы 127. Информации было немного — 3 года на рынке, динамичная, развивающаяся. Зарекомендовавшая себя. Стабильная. Требования — опыт, знание рынка. Активная жизненная позиция, коммуникабельность. Стремление к развитию. Собственно, самое основное — остальная информация на собеседовании, плюс пара цитат: «сотрудники — главная ценность» и проч., и проч... Дальневосточный квартал. Он знал этот квартал не понаслышке, хотя заносило его туда редко, и рад был, что собеседование она предложила провести в центре.

– Присаживайтесь, — выдохнула она как-то устало, что ли, так ему показалось. Красивое озеро, бабушки, детишки, кормящие уток, сформировавшиеся компании, уже нашедшие сотрудников и сотрудниц, неподалеку, алкоголь, не прекративший еще легкое свое воздействие — все настраивало на не-

спешную и конструктивную беседу. Марина секунд пять пред-
почла провести в молчании. Он поддержал.

– Вы принесли с собой резюме?

– Вы же не просили. Тем более, я переслал его вам по элек-
тронной почте.

– К сожалению, видимо, не дошло.

– Я могу переслать еще раз.

– Что ж, это не будет лишним. Для начала расскажите не-
много о себе, сколько вам лет, опыт — любую информацию,
которую посчитаете нужным.

Она была в классических, самых обыкновенных кедах, голубых джинсах, потрепанных немного, но аккуратных, бежевой футболке с несколькими надписями на английском языке, которых он не понял, да и смущался останавливать на них пристальный взгляд — ведь они аккурат на груди, «без лифчика» — промелькнуло, грудь размера второго, мобильник... ах, не заметил, какой у нее мобильник, это важно, но.. «Попробовать можно. Хотя после Звездной? Неплохой старт, я бы сказал. Но не повышение, да».

– 23 года, образование высшее, оканчиваю как раз Университет, который через дорогу от этого парка, — следовало название специальности, — опыт мой не огромен, но в то же время существенен, как в нашем городе, так и на территории братских славянских государств. В настоящий момент не устроен.

– Вероятно, эта неустроенность и привела вас на собеседование со мной?

– Я не склонен назвать неустроенность основной причиной, скорее стремление к получению новых навыков и знаний, плюс желание реализации своего опыта на практике — вот что послужило определяющими факторами, — он улыбнулся

– Пусть так. Расскажите о последнем своем опыте

– Последний не такой уж и значительный, произошел он в прошлом месяце, и длился где-то около недели, но предыдущие бывали интересней.

– В чем причина столь быстрого разрыва?

— Она свернула свою деятельность в нашей стране. За границу уехала.

Врал. Надоело. Задрала до коликов в жопе, Аня из квартила Капучино. Да и не хотел Звездной с ней на глаза попасться — позор. Но нельзя же так отвечать, право.

— Удачно вы устроились. И что, вы при устройстве об этом не знали?

— Увы, она оказалась ненадежной.

— А в каком возрасте вы вообще задумались об устройстве? Вы как-то планировали дальнейшую деятельность?

— Мой опыт начинается с 14 лет. Как и все разумные люди в этом возрасте, я уже начал задумываться об устройстве, со-вмешал с учебой, времени было мало. Но это неоценимый опыт, конечно. Хотя сами понимаете, каким он мог быть в таком возрасте. Это длилось три месяца, пришлось вплотную заняться учебой, а впоследствии искать другие предложения.

Врал. Опять—таки врал. Та, первая, сама его уволила, нашелся более опытный и с личным авто. Какой там заняться учебой. Резал вены, приходя домой блевал на стены.

— И как вы их искали?

— На ярмарках вакансий, разумеется. Вечерних. Как и все в том возрасте. У нас и в школе проводились, и в Квартале было несколько. Газеты соответствующие, телефонные беседы. Советы друзей.

«Последнее зря сказал» — промелькнуло тут же, однако ж, она улыбнулась.

— И как ее звали?

— Анастасия. Ее звали Анастасия. Она тоже едва появлялась на горизонте тогда, но до меня еще были сотрудники. Тогда еще девяностые шли, не знаю, что с ней сейчас.

— Ну а более трех месяцев вы где-нибудь задерживались?

Подобному вопросу он не удивился, отвечать на него умел

— Ну что вы, конечно же. Три года с небольшим. Вы на рынке столько, — улыбнулся он

— Расскажите, — только и ответила она

– Дарья Звездная, Квартал Капучино, на данный момент сотрудничает с лидером в производстве суши по нашему городу, начинающим модным фотографом, лауреатом разных наград, не моя область – не скажу точнее. Возможно, с некоторыми музыкантами из альтернативной тусовки – по не-подтвержденной информации.

– Что-то слышала...

– Вы с ней знакомы?

– Нет, я о Нем. Про Него сейчас много говорят. А в каких годах это было?

– Собственно, год назад и закончилось. Завершение проекта.

Врал. Идиотская формулировка скрывала за собой тысячи страниц, исписанных словами отчаянья. Врал, чтобы устроиться. Не сидеть же без дела.

– Интересно, это как – завершение проекта?

– Смена сферы деятельности. Ее сфера деятельности сменилась, остался только брэнд, его менять глупо. А моя должность просто была ликвидирована. Так что я был на ней последним, – он растянул эту фразу многозначительно, – И, что немаловажно – единственным.

– Возможно, это лишь ваша точка зрения, – сухой ответ собеседницы ему не понравился.

– Я хотел указать лишь на то, что до упразднения должности не было необходимости заменять занимающего ее.

Эти слова не произвели на нее особого впечатления.

– И каковы были ваши обязанности?

– Цветы. Поцелуи. Объятья. Встречи из мест обучения. Проводы к месту жительства. Проведение телефонных переговоров. Посещение культурных мероприятий. Совместное употребление алкогольных напитков. Сочинение стихов. Обсуждение современных тенденций в музыке, литературе, кинематографе. Совместные путешествия к побережьям Крыма. Работа по созданию позитивного отношения к ней, в том числе со стороны основного ее нынешнего сотрудника. Участие в пробуждении и отправлении ко сну. Выполнение имидже-

вых задач на ранних стадиях сотрудничества. Разработка концепции поведения в некоторых спорных ситуациях на рынке. Интимные функции описывать?

Врать – так уж врать по полной.

– Интимные – в случае утверждения вашей кандидатуры. Что-нибудь еще?

– Вознесение до небес. Я бы назвал это так.

– А на новой должности у нее что-то по—другому?

– На новой должности все по—другому. А вот оплата там выше – несоизмеримо выше. Она успела себя зарекомендовать. Теперь она стабильность, статус и престиж.

– Она могла бы рекомендовать вас?

– Я и телефона уже не помню. Попробуйте поискать в Интернете?

– Почему вас заинтересовала именно моя вакансия?

– Я рассматриваю различные варианты, но у вас мне понравились внешние данные и правильное самопозиционирование. Насколько мне известно из информации о вас, размещенной в Интернете, у нас есть определенные сходства в направлении деятельности, общность некоторых интересов и задач, что является несомненным стимулом к сотрудничеству как на постоянной, так и на временной основе.

– И какая для вас предпочтительней?

– Разумеется, я ищу постоянную.

– Стаж вождения какой?

– Что, простите?

– У вас личный автомобиль есть?

– Нет.. Собственно. Это обязательное условие? У вас не было указано, — он смущился

Она рассмеялась:

– Просто это являлось бы преимуществом.

Девушка замолчала. Дабы разрядить обстановку, наверное, требовалось что-то произнести, — так думал он.

– Что ж. Мне было бы интересно узнать немного о ваших условиях. Если ко мне больше нет вопросов...

– Да какие уж тут вопросы. Основные требования совпада-

ют с теми, которые вы сами озвучили. Впрочем, вы же специалист, сами все знаете, объяснять вам не нужно. Ко мне устраивались, разные люди... За все эти 3 года сложности были, конечно, но освоиться можно. У вас есть вредные привычки?

– Ну.. Иногда курю.

– У нас это не приветствуется.

– У нас?

– На данный момент у меня 3 сотрудника.

Тут уж пришла пора и ему выразить удивление.

– Как это? Я думал, вам требуется единственный.

– Нет, что вы... У меня на данный момент расширение..

А вы не знали? Вы не готовы к такому режиму?

– И как они у вас.. хмм – совмещаются?

– Один основной, еще двое по совмещению, свободный график.. Что касается результатов – здесь все зависит от вас. Как вы себя проявите. Коллектив дружный, — тут уж она совсем рассмеялась.

– Это преимущество, — только и смог выдавить он

– Отличные перспективы – если вы себя зарекомендуете, вполне сможете стать и основным.

– Что ж.. Есть к чему стремиться, — больше ему добавить было нечего.

– Думаю, что если у вас нет ко мне вопросов, нам стоит некоторое время подумать и созвониться, чтобы сказать друг другу о своих решениях. Да, кстати, чем вы интересуетесь в свободное время?

– Я люблю литературу. Читаю, пишу. Я, знаете ли, поэт. Да—да, поэт, пишу стихи. Люблю кино, театры. Очень люблю футбол, — об остальном он решил не упоминать.

– Хмм. Поэт, как мило. У вас найдется, о чем поговорить в коллективе.

– Было бы здорово, — он улыбнулся максимально искренне.

– Тогда спасибо вам большое за беседу, очень приятно было познакомиться. Я буду рассматривать кандидатов где-то еще неделю, и позвоню вам в пятницу. Звонок будет означать

либо отказ, либо предложение новой встрече, где и обсудим подробности.

Одарив его прощальным взглядом, она встала и поспешно удалилась в направлении выхода. Впервые за все это время он закурил. Мыслей не было.

Помнится, он не проходил множество собеседований – после Дарьи Звездной это стало нормой, да он и не особо старался, так – было бы чем заняться. Он плонул и затянулся, подумав, что и на этот результат ему, в сущности, положить. Он встал и побрел к магазину.

Помимо любви, что еще у них было?

Щеколда на двери в его квартире, чтобы мать не заходила невовремя, да сама дверь, кровать полутора(придумают же)спальная, по модели Прокрустова ложа, советская. Компьютер, компьютерный стол. Любимая музыка, тысячи раз просмотренные flash–мультифильмы. Тарелка пельменей, ароматных, дышащих паром, столько-то пива, салатов плюс сухарей. Теплый радиатор у кровати.

Пасть бедности лизала своим синим языком и редкие минуты единеня, когда она встречала его в трусиках, надетых спешно лишь к тому, чтоб он их снял, вернувшись из сортира после пива, и обжигающе шептала ему в ухо: «Моня! Облей меня “Ягуаром”». Он – похрен, стирает мать – выливал на нее полбанки, на груди, живот, на «другие места», по меткому выражению самой Звездной, и слизывал их с нее жадно, пыхтел и немного стонал, порой говоря еще что-то, но разве в такие моменты бывают слова непошлые? – большей частью молчал. Ее красота просила жестокости, но в рамках полутораспальной кровати и матери за стеной – помилуйте, как?

О книгах они говорили мало, Дарья Звездная предпочитала не читать, вторым развлечением, в особенности вечерами зимними, их были ссоры, тягучие, натужные, бесцельные, бессильные что-либо изменить. Она в застывших сферах

не жила, сторонница прогресса и успеха, она как лангольер сжирала прошлое, и он, застрявший там, был обречен. Но понимал – еще немного времени, еще немного сил в запасе, пусть этот, третий год – все ясно – и последний – он будет еще с ней. Он не хотел, лирический герой.

Среди имен и прозвищ ласковых всех прочих, он ее печкой часто называл – это такое, что понятно лишь влюбленным, она была не против, ну а че. И по утрам, когда нежнейшими, тончайшими, как провода и нити, как вафельные пошлые торты, он поцелуями будил ее, «Ты моя печка» – так и говорил. Она действительно имела это свойство – едва заснув, как печка нагреваться, и поутру, заслышиав голос сонный лирического героя, она, подобно – впрочем, как и подобает – аристократке из Квартала Капучино, едва приподнималась над подушкой и мутно вопрошала “Че сказал?”. Он объяснял ей, обнимал ее, лежали, и засыпало снегом времени, тяжелыми часами и неделями покой и тишину объятий их, крутились стрелки бешено, подобно вентилятору, и она уезжала все чаще и не возвращалась все дольше. Она уезжала в торговые центры, в карьерные росты, в успех, который она создает сама, в кофе и суши, полезные связи, активные жизненные позиции, в улыбки клиентам, в улыбки клиентов, в улыбчивый, радостный, сказочный, солнечный мир, в индийские палочки, в ароматические свечи. Он все чаще не дожидался за день ни одного sms, все чаще такие дни шли подряд, медлительной, безутешительной чредой, как похоронной процессией, как автоколонной, как лагерным хмурым конвоем. Он пережидал на балконах, в подъездах, троллейбусах, с людьми неслучайными, такими чужими. Затягивался и шмыгал носом. Ложился, вставал, ложился, вставал, падал. Пытался встать. Писал ей. «Умираю без тебя», – писал ей. В лучшие моменты. Она привыкла, когда-то ей нравились все эти литературные обороты, преувеличения, метафоры – она полагала, что это называется так. «Умираю без тебя», – писал он ей и прятал телефон, и ехал со стеклянными глазами в маршрутке, до метро. «И другого рэпа нет», – неслось из его наушников, по-

тому что ничто другое не перло. Оригинальная, провокационная находка. Я знаю, что вас гложет. Я знаю, что вас парит.

Ее подруги смотрели на их фотки и не понимали. Его друзья, второй и первый, недоумевали тоже. Они все опускались на лифте вниз. Ждали только его.

«Не дождется», — он не брал трубку за несколько дней до ее приезда. Она приходила, морозная, озоновая, черная, озорная. Она кидала шарф на кровать и смотрела поверх него, может — ему в глаза, нет, выходило одинаково. Она приходила к нему, как в палату. Доктор уже сказал ей все, и она все знает. Через десять часов она уедет. Через час она ляжет спать. Может, крикнет он ей — «Бездушная», «Бессердечная». Первое слово вызывает у нее смешные ассоциации, само звучание его, пусть посмеется. Значение второго ей неясно. Он пожалеет, что сказал, и извинится, они возьмутся за руки, еще каких-то пару месяцев, каких-то пару месяцев. Успеют ли увидеться еще — четыре, может три раза? Кто знает? Она живет сегодняшним днем, это все они так. Это так надо. Она не знает, приедет ли. Она уходит, и он сидит. Он долго сидит на кровати, может быть два часа, может быть час.

«Разве может она так поступать со мной?», — думал сейчас он — «Она же другая, она совершенно другая. Мы вместе с ней три года. Мы будем вместе всегда».

— Я красивая? — спросила она перед выходом. Это была их последняя встреча перед Началом. Веяло холодом, жутко слепило глаза.

— Да, ты красивая, — отвечал он ей: тот мир, с другой стороны, тебя примет.

«Для тех, кто ценит время и предпочитает комфорт», «Для тех, кто знает себе цену», «Для тех, кто уверенно смотрит в завтра», — утреннее радио привычно завалило его рекламами. Тошнота подступала к горлу, настоящая, жан—поль—сартровская тошнота. Для кого эти формулировки, с какими целями,

откуда и зачем они? Почему нельзя просто – для тех, у кого есть бабки? Для тех, кто ценит бабло и предпочитает бабло. Для тех, кто знает свое бабло. Для тех, кто уверенно смотрит в свое бабло. Когда, на каком случайном этапе истории люди разучились называть вещи своими именами? Все эти символы, коды, ключевые фразы. Избранность. Принадлежность. Задумайся. Лирический герой не ценит время. Он не предпочитает комфорт. Я знаю более того, и ты, читатель, не ценишь время, ты не предпочитаешь комфорт. Я знаю о тебе это точно, читатель моей книги. Ты не смотришь уверенно в завтра. Ты сосешь.

К чему реклама в подземке, на самой конечной станции элитного нового комплекса на Антихристовском острове? Хрустального замка, на четыре квартиры? Лирическому герою, ежели он не врет, один знакомый отвечал примерно так:

– Для того, чтобы не расслаблялись. Чтобы менеджеры больше продавали своих чипсов, окон и реклам. Известно, что им никогда не перешагнуть через порог этого дома. Однако..., — этот знакомый прищурился — Однако подсознательная, неконтролируемая, неразумная, что здесь важнее всего, мечта мигнет в их сердцах аварийной лампочкой. А дальше что? Мечта предполагает к ней стремление, это факт, иначе не бывает. И пусть энергии такой вот неосознаваемой мечты хватит ну максимум до обеда или чуть больше, но она подтолкнет его к действиям – не к абстрактным каким-то, а к непосредственно связанным с его деятельностью. И за вот это время до обеда он точно превысит план.

Это был отдаленный знакомый лирического героя, виделась в университете на экзаменах и зачетах, потому что ни на что другое лирический герой туда не ходил. Был он тренинг-менеджером, возвращался с ди-джая Грува в тот вечер.

– Так вот, тебе на первый взгляд и видится вопиющее несоответствие целевой аудитории, но на самом деле целевая аудитория именно та. Те четыре квартиры давно уже куплены, и те, кем они куплены, тем лучше заживут в них, чем эф-

фективней загорятся аварийные лампы. Вот смысл, истинный и единственный. Это не реклама, это – мотивация.

«А бабы? – задумался лирический герой, – Бабы в вагонах метро, с рекламных плакатов, которые никогда не дадут никому из тех, кто на них смотрит. Это ведь тоже, наверное...». – Чтоб стремился, – ответил бы тот знакомый – чтобы чипсы продавал. И когда-нибудь дадут.

И улыбнулся белозубо. Мол, он-то точно ценит время и предпочитает комфорт.

– Что мы имеем? – увлеченный эти вопросом, лирический герой завернул к другу, уже с утра, прихватив пива. – Живут на этом свете процентов 10 от общей массы человекорыл. Возможно, я это сильно загнул, возможно, гораздо меньше. Остальные существуют для того, чтобы их жизнь обеспечивать. Для этого построены все спальные районы, для этого в районах установлены кинотеатры, торговые центры возле метро, залы игровых автоматов, спортбары, бильярдные, сауны. Для того, чтобы батарейки подпитывались. Если одна или тысяча, хрен с ней, погаснет, то и не беда вовсе. Но на этих батарейках – их жизни, они не могут допустить такого, что батарейки начнут разряжаться массово. Если не будет реклам, если не будет кино про зверюшек, торговых залов с выбором брэндов, каких–никаких, для иллюзии – что они тоже живут. Эта иллюзия, друг мой, – он чиркнул спичкой, друг полез в карман за сигаретой, – и есть энергия, питающая батарейки. И эти рекламы – ты тоже можешь, тебе тоже доступно, или будет доступно, ты только поднапрягись. Чтобы тележки завозились в супермаркет обратно, понимаешь, друг мой?

Друг затянулся и переключил канал.

– Тынюхаешь, куришь, глотаешь, жрешь... – продолжил лирический герой.

– Ну а ты этим всем будто не занимаешься?

– Речь не о тебе. И не обо мне. Но назовем обобщенно – мы. Мы употребляем наркотики. Практически весь район. Все спальные районы употребляют наркотики, друг мой, тебе это заведомо известно. Телевидение и кинотеатры безо вся-

ких проблем показывают фильмы, в которых затронута тема наркотиков и наркоманского образа жизни, причем вовсе не с позиции осуждения. Клипы по ТВ, песни на радио, книги – в конце концов, даже в литературу пробрались наркоманы, сверх того – они ее и определяют. Наркоманов печатают спокойно и с удовольствием, продают огромными тиражами. А Интернет? Все эти ролики типа «Мент и чел в бутирате»...

Друг оживился:

– Аа! А ты помнишь глаза этого чела? Я вообще охреневал, такие глаза. Я смотрел и реально охреневал. Он стопудово все—таки был в бутирате.

– Так вот, продолжим. В контакте том же уйма фоток обдолбосов до, после и в процессе и всего, чего на свете, а ведь наркотики у нас в стране запрещены. И наше государство могло и может – и может в каждый момент – растоптать наркоманию в обществе, истребить ее просто под корень. Государство гораздо сильнее барыг вообще всех уровней.

– Это несвобода, – оживился друг. – Наркотики потому что отрывают от этого общества, от его процессов, понимаешь? Людей зажимают в рамках, их держат на цепи. Ты должен быть таким-то и таким-то, ты должен жить так, выполнять то. Потому у нас не—ле—га—ли—зэ, – друг откинулся на спинку кресла.

– А вот и ошибаешься. Наркотики действительно расширяют сознание, но во—первых, пойми – далеко не каждому есть что расширять, большинству – нечего расширять. Наркотики были удовольствием избранных, изысканным, утонченным, сейчас – это кость, брошенная собакам. Они не делают тебя выше общества, они делают тебя просто беззащитным перед ним. Наркоман неопасен для общества. А потому государство изо всех сил делает вид, что борется с наркоманией, все эти ночные менты, проверки в метро, закрытие мелких барыг – все это пыль в глаза, и не нам даже с тобой вовсе, на деле же государство поощряет наркотики. По—о—щряет. И знаешь почему? Те же самые батарейки. Они работают на них. Погаснет меньшинство – подсядут на тяжелые, забьют на работу,

автостопом поедут в Голландию, кто-то Буддой станет или хрен еще знает что. Но погаснет вполне допустимое меньшинство. Остальные потупеют, но будут твердо выполнять все свои функции, работать, а по пятницам уябываться, скачивать «мента и бутират», стареть, воспитывать таких же, умирать. Наркоман нужен государству. Нужен как батарейка.

— Твою мать, ты...

— Только не путай государство с обществом. Государство в нынешнем виде не работает на общество, оно ориентировано на тех, кто Живет. И в этом контексте, наркоман и остальное общество — одно и то же, просто заряжаются разными методами. Чтобы тех, кто Живет — питать. Не понимать это — быть дебилом, — лирический герой решил поставить жирную точку.

— Ты чокнутый. Что у тебя в голове?

— Мне кажется, все слишком убедительно. Нам снизу ничего не видно, и мы никогда не узнаем, что там, в мире тех, кто Живет. Мы не увидим из этих окон, там точно такое же, там километры, тысячи километров одного и того же — трамвайных путей, пустырей, проводов. Все это лишь один высотный дом, все спальные районы мира. И к нему подключены провода, огромные, толстые кабели, и эта энергия идет, течет, бежит — к ним.

Друг помолчал и, не зная, что добавить, спросил:

— А почему ты тогда употребляешь наркотики?

— От нехрен делать, ты прекрасно знаешь ответ. Человек появился на эту землю с двумя вопросами — где че, и че делать? Без всяких миссий, все это ложа, он появился низачем и просто так, — рассуждал лирический герой, дохлебывая последнее пивко из стакана. — И сколько жил он, двигало всеми его действиями только одно — жажда приключений, пойти позырить, че там за фигня, вот там я еще не был, а вот там? И жажда действия — хоть паука раздавить, хоть каменюку об стену швырнуть, и то прикольно, и то нормально. Думаешь, с первобытных времен что изменилось? Только карта мира открыта, но тебя уже непускают гулять и шататься, для тебя

ничего неизведанного уже совершенно нет – уже с 15 лет ты знаешь, в каком отделе гипермаркета «Хоккей» тебе работать. Если любишь литературу – станешь продавать книги: Донцовой и Марининой, Робски и Аршавина, занимаешься спортом – устраивайся в «спорт», любишь готовить – тебе прямая дорога в пекарню, с детства увлекался географией, зачитывался Робинзоном Крузо – очень приятно, продавай горящие туры, любил отрывать муравьям лапки – иди в охрану. И как ты думаешь, – тут он приблизился к другу почти что вплотную, глаза его блестели – Я в детстве верил в эльфов и мушкетеров, в святую, негасимую любовь. Так в какой отдел «Хоккея» устраиваться мне?

– В алкогольный, – отрезал друг. – Слушай, сходи за пивом. А вообще, лучше «Яги» возьми.

– My devil is red devil. Вот мой девиз по жизни. – Пошатываясь, лирический герой приподнялся, – Его и беру.

– Уважаю твой выбор, – рассмеялся друг.

Сунув в карман смятую сотню, стал натягивать кофту.

– Слушай, почему это о чем бы мы ни заводили разговор, все равно в итоге говорим о наркоте?

– А вообще я тебе вот что скажу, – лирический герой натянуто, пьяно ухмыльнулся – Пососи–ка ты у меня.

И, хлопнув дверью, выбежал в холод. В ураганный ветер в лицо.

Он был недостаточно пьян, чтобы мыслить трезво. В голове шумело, переключались какие-то каналы, возникали сквозь треск непонятные голоса и проваливались напрочь. Его пошатывало от внезапно напавшей слабости. Некоторое время неподвижно уставившись в какую-то малопонятную точку на карте алкогольных напитков, услышал вдруг резкое:

– Что вам?

Он встрепенулсь. Продавщица смотрела злобно. В магазинчике они находились одни. «Стоп. Стоп. Надо срочно что-то предпринимать», – взвился рой мыслей в голове лирического героя. «Я еще ничего не выбрал. Надо выбрать. Срочно. Надо что-то выбирать».

– Ну?

– Щас, щас, секунду, — он очертил руками непонятную фигуру. «Быстрее выбирай, быстро, быстро, скорее. Ты же видишь, она ненавидит тебя. Ну, какие тебе еще доказательства. А лучше беги отсюда. Прямо сейчас направляйся к двери, и беги, беги скорее. Беги от своего позора».

Он судорожно пробегал ряды глазами.

«Но зачем бежать? Я сейчас выберу и спокойно уйду. Ты не видишь, все внимание на тебе? Ты не выдержишь, скопре, быстрее увинчивай. Заклинаю тебя, повторяю как мантру — увинчивай, уматывай. Нет, я выберу. Но что выбирать? Что? Здесь же нет ничего, что я хотел бы. Бери другое. Срочно. Срочно. Мысли начали спорить между собой, это край. Не спорьте, заткнитесь, дайте мне подумать, я так ничего не выберу, пожалуйста, заткнитесь», — он обхватил голову руками.

— Так вам что, молодой человек?

«Слышишь, эхо ее голоса течет по твоей крови, скоро будет у сердца, сердца, сердца»

— Банку джин-тоника, — выпалил он

— Все?

Все? Все?

— Все.

Все.

— Тридцать четыре рубля.

Бля. Бля.

«Пожалуйста, быстрее. Она же видит тебя насквозь, она знает о тебе все. Посмотри, как она тебя рассматривает. Без сдачи, пожалуйста, только найдись без сдачи».

— Нашлось.

У двери он вспомнил про друга. Забыл взять банку ему. «Что делать? Что делать?» «Вернись» «Это ты, здравый смысл?» «Это я, я» «Помоги мне»

Продавщица наблюдала за его смятением. Она смотрела на него все это время.

— Вали отсюда, — вполголоса произнесла она.

- Что? — прошептал он от двери
- Ничего, — казалось, она была удивлена.
- Мне бы...
- Вали отсюда, я же тебе сказала. Купил — вали. В магазинах всегда так, разве тебе не известно?
- Куда вали? Что вы такое говорите? — он начал возвращаться, осторожно, медленно.
- Что я вам говорю? Я ничего вам не говорю. Молодой человек, вы еще что-то будете брать? Не задерживайте людей тогда.

Он только заметил, что в магазине появился мужичок, тот уж готов был расплатиться.

- Вы сказали вали отсюда? Так ведь?
- С вами все в порядке вообще? Уходите уже отсюда. Я вам ничего не говорила.

— Точно?

— Я ничего вам не говорила, — она подняла уже голос. Мужичок смотрел косо — Хватит уже. Не задерживайте людей.

Он хлопнул дверью, снова обдало холодом. Нервно открыл джин-тоник. «Сейчас, сейчас»

Друг открыл двери сразу.

— На двоих выпьем, — лирический герой рванул в комнату — Не знаю, что со мной, но лучше было вернуться. Паранойя какая-то охватила. Не знаю.

Закутался в одеяло. Залил в себя треть бутылки, передал другу. Дрожал.

— Успокойся. Со мной не такое бывало, — он говорил как-то ласково, что ли, произносил все это — Я вены резал недавно. Ко мне приходили духи.

— Ты много лупашишь. А я-то что? — внезапно он обомлел, так и застыл в полусловии, оборвался:

— Ты... ты зачем это открыл?

С монитора на них смотрело лицо Дарьи Звездной, мрачное, космическое.

— Так это прокрутка. Эйси—диси, программа просмотра

фото. Я фотки смотрел, пока тебя не было.

Действительно, картинка сменилась на самого друга лирического героя, сжимающего в руке дымящуюся пластико-вую бутылку и показывающего в кадр «фак».

– А... откуда такое фото? Это когда?

– Они заходили недавно.

– Кто они?

– Она... и Он. Ну, ты же понимаешь. С Ним она приходила, на днях вот.

– Ты с ними еще общаешься?

– Редко.

Шипение смол сигареты. Вспышка. Боль. Голос

– Два года прошло, ты понимаешь, два года? Ты все еще ее любишь?

– Два года не прошло. И никогда не пройдет.

Друг затянулся сигаретой и начал искать музыку на компьютере. Лирический герой опять замолчал и погрузился в воспоминания. И долго молчал. А после время пришло в движение, что-то происходило, куда-то шли, с кем-то встречались, менялись симками, звонили, ловили тачку, снова шли, с кем-то встречались, о чем-то спорили, куда-то заходили, летели хлопья, небо нависало огромным шатром, под которым все мы лишь зайцы, которых умелый фокусник вытягивает из—под черного цилиндра, взмахивает палочкой – и мы исчезаем. Моталась пленка, и ее жевало нещадно, звук и вовсе весь пропал, и видик выплюнул ее с урчаньем горьким и выключился – пленка порвалась.

И вот оно уже, утро другое, утро завтрашнее. Он, вспомнив, что скоро получка, отправился в гипермаркет «Хоккей», получить печать в отделах, что он заходил, мол, работал у них какие-то дни, а не получить – так спереть, и самому поставить, там уж как Бог пошлет. Спотыкаясь, он преодолел два двора, мост через речку и небольшой пустырь. Ко входу для чернорабочих, лишенных счастья людей, путь пролегал через подземелье, огромный, нескончаемый подземный коридор. Брошен-

ные тележки, серые стены, мрачные колонны с указателями, летящие утренние газеты, фары первых авто. «Requiem for A Dream» в наушниках:

«Даша. Даша—Даша. Даша—Даша Даша—Даша Даша—Даша .Даша. Даша—Даша. Даша—Даша Даша—Даша Даша—Даша».

Даша.

«Мама, роди меня обратно», — этой мыслью лирический герой привычно встречал полдень. Его тряслось, какое-то чувство тревоги, всеобъемлющей, всепроникающей, разъедающей все нутро, въелось в самое сердце его, и только страх, неизведанный и неизбытвый — непонятно чего, неизвестно перед чем — вот все, что он чувствовал, сидя на грязном диване, на скомканном постельном белье.

Телефон молчал. Картины из «Хоккея», который пришлось покинуть с позором — хозяева отделов заявили, что «в первый раз видят этого человека» — больше не тревожили его. Осознав, что столь долгожданная выплата более не светит, он спешно удалил из телефонной книжки все номера вновьющего агентства, на которое работал, и, обхватив руками голову, сидел.

— Теперь заняться чем? — шептал он в тишину своей комнаты и сам же себе отвечал — Чем—чем, ничем; еще месяц без бабок теперь, месяц как минимум. Надо искать работу, черт бы ее... Надо искать работу.

Посидев минут пять так в полном молчании, он повстречал глазами пыльную коробку возле стены. Точнее, коробок там было несколько, а еще точнее — полкомнаты напротив него было завалено коробками с нажитым родителями добром, от которого те никак не могли отказаться — какими-то битыми чашками, советскими киножурналами, музыкальными самоучителями, елочными игрушками, бутылками из—под каких-то диковинных вин, выпитых десятки лет назад, коробками

из—под заграничных конфет и тряпками, тряпками — большей частью все бесчисленным множеством тряпок. И все же внимание его было привлечено одной — особенной коробкой, куда, по настоянию матери разгребая в комнате свой хлам (бутылки с дырками, бутылки с дырками, бутылки с дырками...), вложил он все подарки Дарьи Звездной, полученные от нее за все эти волшебные три года, за исключением тех, что были с нею же и выпиты, и потому уместившиеся в одной маленькой коробке. Намереваясь выкинуть, да все никак не трезвея, он избегал заглядывать в эту коробку. И так отлично помнил, что в ней, и что связано с тем или иным ее содержимым. Вот грамота «лучшему молодому человеку», купленная, очевидно в переходе метрополитена, вот красное сердечко в кедах, умеющее издавать три главных слова, вот зажигалка в форме писающего мальчика, открытки, диск Radiohead, еще предметы не совсем уже подарочные, просто памятные, вроде двух сигарет LD с написанным на них признанием в любви и его самого лучшим из лучших (скурить их было бы символично, подумывал лирический герой, но нужен символичный день. К примеру, годовщина расставанья. Она была недавно, только он забыл), синие трусики Дарьи, изъятые в день ее рождения, ну и помимо этого еще куча всего.

Всматриваясь в коробку, он ощутил внезапное желание передвинуть ее силой мысли. Оставил свои горькие размышления, лирический герой всецело сконцентрировался на коробке и смотрел на нее непрерывно в течение десяти минут. Поняв, что дело с места не сдвигается, он начал водить глазами из стороны в сторону и нашептывать:

— Ну! Двигайся же! Я передвигаю коробку усилием воли, силой мысли. Я хочу, чтобы ты сдвинулась с места. Слушай меня, ты! Двигайся!

На мгновение ему показалось, что коробка действительно начала какое-то медленное движение, но, проведя сравнительный анализ ее изначального положения и теперешнего, к собственному разочарованию, он убедился в самообмане.

— Ну ничего, — продолжил лирический герой уже во весь

голос – Ничего. Я не оставлю своих попыток. Я знаю точно, что человек может все, если захочет и приложит усилия. Человек есть мера всех вещей. Человек – венец творенья. Я знаю точно, невозможное возможно. Просто сделай это!

Он присел на пол поближе к коробке.

– Я не оставляю своих попыток, — бормотал он — Я поставил себе цель и твердо, уверенно иду к ней. А это залог успеха. Кто меня остановит? Я все равно достигну того, чего желаю — упорством и трудом. Сдвигайся! Сдвигайся же ты, сука!

За этим занятием застала его добрая, разочарованная мама.

– Ты бы хоть рассказал, как у тебя дела с дипломом, сын. Я уж не спрашиваю про все остальное, все остальное я и так вижу.

– Мам, закрой дверь, а?

– Сын, зачем ты такой жестокий ко мне, я ж тебя люблю, я так переживаю за тебя, я вижу, как рушится твоя жизнь.

– Моя жизнь великолепна, мам. Чего тебе не спится?

– Душа болит за тебя, не могу я больше так. Можно я присяду?

«Ща будет либо орать, либо рыдать. И так, твою мать, покоя нет», — подумав эту гадость, лирический герой ответил вежливо:

– Пожалуйста.

«Уматывать надобно. Что там друг-то, не звонит?»

– Пишется он, пишется, диплом, — пробормотал он матери.

– На какую тему он хоть?

– Формулировка ее, темы этой, настолько обтекаема, что ты ровным счетом ничего из нее не поймешь.

– Тебе осталось только диплом защитить. И все. Ну что ты, зря учился все эти годы?

– Защищу, мам.

– С работы-то тебя выгнали, да?

– Нет, я просто пораньше вернулся. Мам, ты что, думаешь, с этим дипломом жизнь как-то сразу изменится? Кому я с ним

нужен буду, с этим дипломом, а?

— Ну это хоть что-то. Хоть какая-то надежда, сын.

— Мам, — ему отчего-то стало так тоскливо, до тошноты, всего вдруг передернуло. — Мам, поживи хоть чуть—чуть для себя. Хоть немного.

— Сыночка, ты — это и есть я. Что я могу еще сделать, чем я могу помочь тебе? — она зарыдала, уронив в бессилии голову.

Лирический герой подошел и обнял ее.

«Трезвость, — неслись в голове его тревожные мысли, — Как это отвратительно — трезвость».

Спальный район сотрет тебя. Кем бы ты ни был, чего бы ни ждал от жизни.

Алкогольное окрыление несло его по каким-то улицам, по дворам, мимо ларьков и детских садиков. Озверение одиночества, столь ненавистного и столь желанного в сравнении с остальными вариантами, копилось, переливалось в нем, готовое вот уже выплеснуть. Он уже не хотел даже видеть Звездную — о чём так часто мечтал после расставанья, потому что любит ее, а может и не любит — значение этих слов уже ускользало от него, становилось размытым и вроде бы совсем безразличным. То тут, то там, в уголках вечера, попадались ему молодые люди в нелепых цветастых одеждах, с какими-то огромными дырами в ушах, с пирсингами, с крашенными волосами, в разнообразных кедах с разноцветными шнурками. Как еще нужно вырядиться, какие предметы вставить в носы, губы, брови, живот и жопу, какие слова придумать, как разговаривать, что употреблять, какие еще шнурки вставить, лишь только бы быть не такими, как все, не такими, как все, не такими, как все, лишь бы быть, лишь бы чувствовать, что живешь — не зря, не так, как все, не так, как они, не так, не так, — только ты, только ты, только ты???

Внезапно замолчал плейер, он резко выхватил его из кармана и — ужасные опасения подтвердились. Плейер выключ-

чился. Добежав до ближайшей скамейки, лирический герой рукой дрожащей извлек из кармана паспорт, а в нем – набор тонких игл. Судорожно достав иглу, он стал засовывать ее в дырку с надписью Reset – в иных случаях это помогало. Тем не менее, все яростнее ковыряясь в нутре чертова прибора этой иглой, он убеждался, что сейчас, увы и ах, случай не тот. Будучи хмельным уже изрядно, он завыл. Тихонько так, покачиваясь на скамеечке, завыл. Был вариант, что плейер просто сел, но тогда бы он включился хоть на миг и предупредил, что батарея разряжена. Когда он заряжал его? Ночью? Нет. Дай бог вспомнить. У этого варианта одно преимущество – придя домой или к другу, он сможет его зарядить, и назавтра все будет окей. Другой же вариант обдавал его ледяным ветром безысходности – плейер мог и окончательно сломаться, а новый стоит добрую тысячу рублей – это минимум, но он же непрятзателен, лирический герой, буржуйские навороты ему ни к чему – однако где взять такую сумму? Где, Господи, ее взять? Было у возможных этих вариантов и нечто общее, характерное для каждого из них и в отдельности – сегодня, прямо сейчас, плейер уже не послушать, что делает дальнейшие бухие штания совершенно уж бесмысленными. Осознав глубину трагедии, лирический герой чуть не разрыдался, и молодые люди в кедах с разными шнурками обходили его дальней стороной.

– Дарья Звездная, – взвыл лирический герой, – Зачем, зачем ты бросила меня? Посмотри, как изменилась моя жизнь. Что же делать, долбаный ты в рот, что же теперь делать?

– Я, верно, проклят, – продолжал лирический герой уже не вслух. – Чертова техника постоянно ломается, я не знаю даже, как она устроена, я могу лишь уговаривать, просить ее. Компьютер тот же, вот недавно... что ему? А денег... денег-то совершенно нет, и где их взять, эти чертовы сраные деньги? Хоть бы одна радость оставалась, этот плейер да бухло, хоть это, только хотеть это...

– Я проклят... Я проклят, – закрыв глаза, повторял он, – я проклят. За что я ни возьмусь – все ломается, что я ни при-

думаю – ничего не выходит.

Он почему-то вспомнил о попытке передвинуть коробку.

– Уснуть бы... Прийти бы домой, да уснуть, что еще делать? Но не выйдет – там мать.

Встав со скамейки, принял в рот сигарету и прикурил. Пьяный, он любил шататься по улицам и под музыку размышлять о своем величии, его скорой реализации и о том, что все не так уж плохо, он освоит музыкальные программы и станет в будущем великим музыкантом, надо только подождать. От мыслей этих ему становилось тепло и ничего больше не надо. Однако же без плейера он оставался просто пьяным шатуном, кому некуда деть в поздний час вонючее тело свое, – и не более. Какие тут мысли? Одна лишь тоска.

Спасительная подсказка – звонок другу – напрашивалась сама собой.

– Черт, сука, – бормотал он, ковыряясь в телефоне, – Ну хоть ты-то у меня у есть. Все ли слупил ты там?

– Давай, подходи, – оглушил его «уштыренный» голос из трубки – Будем блядей снимать, подходи на мою улицу. Ты где сейчас?

– Каких еще блядей, Господи?

– Блядей снимать будем, говорю. Подходи.

В следующий миг лирический герой уже являлся свидетелем следующей картины: к стоящим на сверкающем проспекте, где посчастливилось проживать его другу, двум барышням не коротких юбках, остановив направившегося туда друга, подкатили милиционеры; барышни заглянули к дяденькам в окошко, и, обсудив, по всей видимости, что-то невероятно интересное, запрыгнули в машину. Служители порядка не спешили уезжать, лирический герой и друг его, неспешно закурив, стояли, очарованные сценой.

– Наверное, сейчас им скажут «Больше так не делайте», – высказал предположение лирический герой.

– Ага, как и тебе, когда посмотрят, что там у тебя в кармане.

– Черт, я же думал, все у тебя. На кой хрен ты мне это

отдал-то?

Стоит заметить, что описываемой ситуации предшествовала небольшая сцена в подъезде, о которой лирическому герою все еще напоминал неслабым жженьем нос. Насчет ощущений друга доподлинно неизвестно, но в целом его настроение можно было охарактеризовать как приподнятое.

— Стой! Стой! — замахал руками друг лирического героя, увидев еще одну барышню, неспешно выходившую из ночного магазина.

— Триста минет, пятьсотекс, — приветствовала его барышня.

— А вдвоем если? По минетику? — смутив лирического (же) героя, поинтересовался друг.

— А вы как думаете?

— Ну, пивком так угостим. Балтика—тройка пойдет? — и друг надолго засмеялся.

— Вы меня не за ту принимаете, — барышня резко развернулась.

— Стой, стой, подожди, — заволновался друг, — Вот что. Пять сотен, и — обоим. Вот в том подъезде? — он указал на дом напротив.

— У вас полчаса, мальчики, — она повернулась к лирическому герою, впервые за прошедший разговор и долго всматривалась в его очки, и почему-то добавила: — Да не волнуйся ты. Все будет хорошо.

— Героинщица, — шепнул лирический герой. Машина милиционеров тарахтела и коптила божий свет.

Спустя мгновенье чудное они уже были в подъезде, и на правах оплатившего удовольствие друг резонно решил первым и получить его, о чем и известил лирического героя, попросив того удалиться на балкон. Присев спиной к батарее, барышня выпростала наружу молодецкий член друга и принялась неистово сосать. Под воздействием недавно принятых другом веществ, его член проявлял мало интереса к создавшейся ситуации, несмотря даже на то, что именно ему в ней

отводилась главная роль.

– Встань на колени, а? Тебя как зовут-то? – услышал лирический герой с балкона.

– Маша.

– Маша, встань на колени, а? Как в порнухе.

Лирический герой открыл банку припасенного алкоголя и устремил свой взгляд вдаль. Там, через широкий проспект, за двумя дворами, за школой и раздолбаным футбольным полем, струился мягкий свет Ее новой квартиры, новой хижины Дарьи Звездной, все ближе и ближе к небу – на девятом, последнем этаже. Теперь она живет там, переместившись из Квартала Капучино – к Нему, в Пионерский микрополис. Нет, не к нему – лирическому моему герою, глотающему судорожно коктейль, здесь и сейчас на балконе, нет, не к нему – к Нему. Он прекрасен, как Огонь, Он восхитителен, Он воспламеняющ. Он идет по Земле, и цветы склоняются перед ним, и умолкают птицы, благословляя Его путь, и хвостатые кометы летят за Его спиной, озаряют прощальным светом – и уходят в небытие. Он гордо взирает на Солнце, и краснеет то от Его взгляда, и прячется за облаками, не в силах его стерпеть. Он шагает вперед, к горизонту, и расступаются волны, и в пустынях взвиваются к небу фонтаны живой воды, и тают на горных вершинах вековые седые снега, под орлиным взором Его. Преклоняют колено нации, племена, народы и расы, ожидая Его слова, взмаха Его руки. Он читает журнал «Здоровье мужчины», и блестит на Его подмышках, отражая все радуги мира, ослепительная капля, будто чистый горный хрусталь. И сильнее страстей всех возможных, искушений, известных миру, она тянет слизать себя, горькую, терпкую, с миндаля и жасмина привкусом, растворить себя на языке и на всю жизнь, даже ту – после смерти, во всех кругах Сан-сары или ада, что там будет, остаться единственным воспоминанием, одной секундой Истины и Тайны, перед которым остальное пыль, прикосновеньем к Совершенству, к источнику истинной Силы, всесокрушающей, непобедимой в своей

красоте. Это Его мир, в котором мы все случайны – и друг лирического героя, и сам лирический герой, и я, и ты, любезный мой читатель. Мы все приходящи, Он вечен.

Мы тленны, слабы и рабы, Он – Бог, Он владеет Звездной, а в прошлом – друг лирическому герою, но это поколения младые, следующие узнают лишь по битым письменам.

– Кончай в меня, – стонет Дарья, – О Ты, мой самурурр–рай!!!

И рвет в неистовстве когтями Его спину, но Он стальной, в Его очах пожары всех цивилизаций. И хищной птицей рвется обернуться Звездная, та девочка из воспаленных воспоминаний лирического героя – там все, как в фильме «Филадельфийский эксперимент», в воспоминаниях этих. Но этой птице никогда не дано взлететь, удел ее – стон и трепет, в железных тисках Скорпиона, стального Бога Любви. О Дарья Звездная, черное Солнце, твой взгляд исподлобья, тепло ладоней твоих, ошейник с шипами, дыхание мятое – где? Ау, Дарья Звездная, шепчет лирический герой, и смотрит на пар изо рта, и вслушивается – аууу....

– Кончай в меня, – стонет Дарья, – Мой самурурр–рай!!!

– Я не могу кончить, не могу кончить, – доносится до него вновь, врываясь в глубины сознанья и возвращая в водоворот событий, – Сделай же что-нибудь!

Однако ж, действительно, отведенное барышней время подходило уже к концу. По правде говоря, лирический герой не имел никакого желания сменять своего друга, эта мысль сама по себе казалась ему крайне отвратительной, как и сама барышня, как и сама жизнь, а дополненная уточнением, что необходимо будет кончить в оставшиеся пять минут, теряла даже теоретическую, обязанную наличествовать у правильно-го пацана привлекательность.

– Я задолбалась уже, честно, – вроде как сказала барышня, но утверждать не будем – слова ее лирический герой расслушал плохо.

– Иди сюда—а—а!! Иди сюда!! – это уже было явно обращено к нему, распахнув дверь, лирический герой увидел то,

что и ожидал – не более.

– Вруби мне плейер, — заорал друг.

– Какой плейер? – спокойно спросил лирический герой. – У меня он сдох.

– Вон, в рюкзаке! Мой. Достань и врубы.

Лирический герой подошел к дверям лифта, возле которых и покоился упомянутый рюкзак друга, дернул молнию и вытащил старенький плейер, который он же когда-то ему и дарил. Возникла мысль: а что, если – как подарил, так и отдал – забрать плейер обратно и бежать отсюда, бежать, бежать. Вот только зачем? Ведь все, совершенно все бессмысленно, все беспечно.

– Вставь мне в уши, — нетерпеливо крикнул друг, бесполезно ворочая членом во рту утомленной барышни.

Проделав необходимую процедуру с наушниками, лирический герой вдавил кнопку идерживал ее несколько секунд. «Парап—папара—пам, дорога в ад, папара—пам, – взревел плейер в тишине этажа – Пой, ветер нам, гори, душа!»

– Охренительно!! – перекрикивал саунд друг. Лирический герой закурил и уже с интересом наблюдал за происходящим, постепенно возвращаясь в реальность. В конце песни барышня поднялась и с безразличием в голосе произнесла:

– Бесполезно.

Наблюдая закрывающиеся двери лифта, теребя в руке окончательно опустившийся член, друг попросил отстраненно:

– Дай сигарету.

Лирический герой достал пачку и отчего-то усмехнулся. Он был рад, что проститутка ушла, да и воспоминание о Звездной – отступило, и они остались одни. Впереди было столько времени – целая жизнь, и столько пространства – целый огромный район. И сигареты еще были в пачке, и несколько сотен рублей – на двоих.

А что такое дружба? Дружба – это простые и приятные мелочи, подчас незаметные, но столь необходимые нам, жителям большого города, огромного метафизического поля, име-

нuemого Спальным Районом. Дружба – это когда есть рядом кто-то. Хоть кто-то есть рядом. И пусть она временна, и пусть обманчива, и пусть она в сущности – туфта. Ведь каждый рождается одиноким, и одиноким же – умирает.

В огромный бассейн, освещенный четырьмя прожекторами, с белыми кафельными буквами на самом дне, под слоем чистейшей, прозрачной воды – НЕ ПАРЬСЯ, с высоты падает мяч, и вот уже брызги разлетаются во все стороны, вода волнуется, и надпись расплывается, буквы пляшут, но секунды проходят, и волнение все меньше, гладь воды спокойней и спокойней, прожекторы гаснут, и в кромешной черноте лишь яркие белые буквы еще некоторое время видны.

Степан Ратников
г. Санкт-Петербург

Гоша Синичкин вещает. Откровения охранника

Ему уже за тридцать, а он лишь охранник со стажем и даже не помышляет о другой работе. В своё время целенаправленно предпочёл службу в армии высшему образованию, хотя ча-стенько почитывает прессу и даже книжки. Любит душевно выпить, причём исключительно благородные напитки. Ещё и не курит. При всей своей любви к женской красоте наотрез отказывается вступать в брак, предпочитая жить в собствен-ной квартире только с котом. Это далеко не полный пере-чень странностей выбивающегося из ряда вон охранника. Он не привык лезть за словом в карман и имеет собственную точку зрения на всё происходящее вокруг. Его колкие фра-зы бьют не в бровь, а прямиком в глаз. Да и кулак не промах. Свяжешься с Гошей Синичкиным – будь готов услышать всю правду. И не совсем правду – тоже.

Все книжные персонажи вымыслены, любые совпадения с реальными людь-ми чистейшей воды случайность. Автор далеко не всегда разделяет жизненные взгляды Гоши Синичкина, не считает его личность образцом для подражания, но и в конченые идиоты не записывает.

Гоша Синичкин вещает о себе

Привет, но не всем. Кто плохо обо мне думает, знайте: я ду-маю о вас в тысячу раз хуже. Хотя оставим в сторонке лирику и познакомимся поближе. На словах, разумеется. Совсем уж близко, нос к носу, я никого из незнакомцев подпускать не на-мерен.

Меня зовут Гоша Синичкин. Прямо вот так, без отчества. Безотцовщина я, говоря по-русски. С отчимом мы недолго

жили вместе. А тот, кто однажды с моей мамашей по пьяни развлёкся, тем более не достоин того, чтобы быть упомянутым в моём паспорте.

Там, в документе, у меня вообще левая запись стоит. Когда в двадцать лет паспорт менял, то и отчество изменил. На первое попавшееся.

Каким оно было, а каким стало, не скажу. От этого вы меня лучше знать не станете. А к чему перегружать мозг ненужной информацией? Вдруг взорвётся.

Лет мне сейчас тридцать. С гаком. С небольшим таким. С гачком. Замечательный возраст. В самом расцвете я. День ото дня цвету. Цвету, но не пахну. Бывает, что попахиваю или, как вам угодно, воняю. Работа в охране – дело, знаете ли, такое. В охране, прошу заметить, элитной, как её начальство наше называет. Абы кого туда не берут, потому что груз ответственности наисерьёзнейший. Вот и приходится впахивать, а заодно и попахивать. Но лучше так, чем пахнуть.

Я за естественность, какой бы она ни была. Девки не всегда от этого в восторге, возмущаются порой, носы воротят. От них-то, кукол вечно размалёванных, естественности ждать не приходится. В конце концов, я себя нюхать никого не заставляю. Ну не по мне все эти пшикания, брызгания!.. Что я, насекомое или овощ какой, что ли?

Хотя раньше, ещё в студенческие годы, очень любил одеколоны. Вовнутрь. Нормально так заходили. Выходили, конечно, похоже, но всё равно употреблял. А вот теперь я с ними не дружу. Совсем. Ни на капельку. Благородные напитки с недавних пор предпочитаю.

Как выгляжу, спросите? Ну, как обычно мужики выглядят? Так же само и я. Косолапый, толстый, лысый.

Шутка. Нормальный я. Брутальный «бронэт» с карими глазами, с лёгкой щетинкой, с родинкой на левом ухе. Все двадцать шесть зубов на месте. Рост средний. Телосложение тоже среднее.

У меня вообще всё среднее, куда ни глянь. Даже обреза... тыфу ты!.. образование – и то среднетехническое. Высшее

я легко мог получить, но не захотел. Что оно даёт? Прибавку к зарплате в пару тысячонок? Смешно. А что отнимает? Несколько лет жизни. Разницу ощущаете?

Вместо того чтобы за партой безвылазно торчать, я в армию сходил. О чём нисколько не жалею. И там, в армии, тоже не жалел никого. Благодаря этому руку и набил. Как раз для охранного ремесла. Нет пропуска – в морду!

Чем по жизни увлекаюсь? Ну, больше всего работу свою люблю, какой бы скотской она ни была. Нигде столько времени не провожу, как на работе. Поэтому и любить ничего другого больше не остаётся.

Начальство, правда, давно уже в печёнках... нет, глубже – в кишке прямой сидит. Но чем оно, начальство, глубже, тем мы, работяги, крепче.

Главное, что платят вовремя. На жратву, на платежи коммунальные хватает, ещё и на мелочи всякие – на телевидение спутниковое да на коньячок – остаётся.

Книжонки и газетёнки тоже иногда почтываю, чтобы в быдло не превращаться и умными словами иногда орудовать. Только прессу я не выписываю, а в киосках беру. Или у соседей вытаскиваю из почтовых ящиков – пускай не расслабляются.

Как говорится, живи и радуйся. Вот и радуюсь. Тихонечко так. В глубине души. Где-то очень глубоко. По соседству с начальством.

Курить, кстати, не курю. Мать у меня дымила по-чёрному. Переболела всеми возможными болезнями, а лечиться не на что было. Сама себя в могилу отправила раньше положенного. Идти по мамкинному пути я не захотел. Покурил года три в студенчестве и бросил. С седьмого раза.

А ещё я закоренелый холостяк. Нет, совсем не потому, что неудачник или с отклонениями. Не судите по себе. С головой у меня всё в норме, не сомневайтесь. В детстве, впрочем, было три лёгких сотрясения, но без последствий. И не уродец я, как уже сказал, не безработный. И тем более не бомж.

Да-да, граждане, как бы туго мы в России ни жили, а квартиркой я обеспечен. У меня, знаете ли, солидненькая однушка. Сталинка. В самом центре страны – в Сибири.

Ремонт, не буду скрывать, требуется: обойки там подклеить, окошки подкрасить, мебелишку подправить... Бабуля, царствие ей небесное, физически не могла этим заниматься, а мне, наследничкуциальному, всё некогда. Но не жалуюсь.

У многих ведь и такого нет. Живут по съёмным хатам или, чего вообще не понимаю, родичам мозг выносят, от титыки мамкиной оторваться никак не могут. А я уж третий год собственной жилплощадью располагаю.

Потому-то ко мне и липнет всякая шваль. Навязчивые до ужаса! Наивно полагают, что если разок-другой передо мной разденутся, то я их, змеюк подколодных, на шее пригрею, кров предоставлю, пропишу у себя. Ага, разбежались! На шею посадишь – задушат. Холостым был и буду. Вечно. Не надо мне нахлебников. Сам как-нибудь со своим имуществом и денежками разберусь.

Впрочем, я не так уж и одинок. Друзей в расчёт не беру. Сегодня они есть, а назавтра испарились – вместе с твоей же зарплатой. Непостоянна сия категория людышек. Поэтому стараюсь пореже их к себе водить. Для таких, как я, домашняя животина придумана.

В общем, кот у меня есть. Дымчатый. Мордастый. Почти три года ему. Я его Дауном величаю.

Попервости с ним, с малым, разговаривал частенько, всю душу ему изливал, особенно когда перебарщивал с жидкостями благородными. А он мне в ответ всякий раз только: «Мяу!» Глазищами своими бестолковыми таращится в упор, будто бы перед ним недоразвитый кто-то сидит. Вот я его в отместку и наградил кликушечкой. И ведь отзывается, дурья башка, не догадывается ни о чём.

Зато краси-ивый он!.. На всём свете никого краше нет. Ну, в городе нашем точно нет. Даже на выставках кошачьих не сыщешь такого.

Даун мне и за друга, и за брата, и за всех остальных. Пускай тупой, но свой. Даже жрём из одной тарелки иногда: бывает, налью себе баландочки, выйду в зал на пару минут, а когда вернусь, он уже на столе, лакает, гадёныш.

Прямо как сейчас. А ну брысь! У тебя вон, в углу, «Кискаса» пакет стоит. Открывай и ешь. И не мяукай, что не умеешь. Воровать горазд – значит, и пачку сам откроешь.

Так, о чём я вещал? Не помню уже. Да и не важно. Довольно о себе любимом балаболить. Вы и так уже чересчур много обо мне знаете. Осталось только адресок озвучить и ждать гостей непрошеных. Нетушки, братцы-сестрицы, не на допросе в ФСБ находимся. Всё, баста!

Лучше поудобнее устраивайтесь в своих креслах и вникайте в то, что вам грамотный человек о житухе реальной поведает. А я знаю, о чём говорю, уж поверьте. Жизненная школа у меня даже без высших образований весьма богатая. И мировоззрение широченное. Скоро сами в этом убедитесь. Ещё и цитировать Гошу Синичкина будете.

Начинаем!

Гоша Синичкин вещает о женах

Вот удивляется народ, мол, почему я до сих пор женой не обзавёлся. А на кой чёрт она мне? Жрать сам готовлю, по магазинам – тоже сам, даже постирать могу. С микроволновкой и стиралкой всё это легче лёгкого. Особенно с такими навороченными, как у меня.

Уборка – уже сложнее. С детства ненавижу мыть полы. С детства, потому что мать меня часто заставляла швабру в руки брать, а я постоянно кочевряжился, ни в какую не соглашался и подсрачники за это получал. Так вот и выработалась антипатия к поломойным делам. Подоконники, шкафчики ещё могу протереть тряпкой разок-другой в месяц. Но полы – извините меня! Ни при каких обстоятельствах.

А пылесос я себе хоть и модный купил, но Даун его боится до невозможного, так что пореже стараюсь включать. Чаще –

веничком, как в старые добрые, когда в студенческой общаге жил и каждой копейкой дорожил. Порядка выходит поменьше: сами понимаете, крошки всякие остаются на коврах, шерсть Дауновская. Зато тишины в достатке.

Мы с Дауном тишину обожаем. Поэтому я и сам не женюсь, и кота своего решил к кошкам не подпускать. Ничего хорошего из этого всё равно не выйдет.

Ну а когда совсем уж в грязи зарастаем, тогда и пылесос можно включить. Кота на кухне запираю минут на пять, и он там военные действия пережидает. Ни разу ещё не умер в ссылках. По крайней мере, не замечал я пока за ним ничего такого.

Тишина, между прочим, неспроста была упомянута. Какая может быть тишина, если рядом вечно недовольная жёнушка мельтешит? Довольными они никогда не бывают, по друзьям знаю. То ты на бабу чужую глазами жадными посмотрел, то носки свои дырявые по всему дому разбросал, то пьяный с работы пришёл... Никакой свободы! А значит, и жизни никакой. Что ни сделаешь – скандал. Крики, визги, писки. Кошмар!

Беруши в уши вообще не вариант. Отсутствие штампика в паспорте – вот это уже другой разговор. Носки, видите ли, дырявые... Так зашей их, истеричка, а не верещи.

От моего кота, если уж на то пошло, куда больше пользы. Молчаливый. Послушный. Жрёт мало. А как хозяину плохо становится, так Даун и полизать не гнушается. Он это дело любит. Футболки языкком своим шершавым так наяривает, что зенки от удовольствия закатывает. И сам тащится, и я заодно успокаиваюсь.

К туалету бы его ещё приучить, чтобы по углам не моросил. Но это совсем уж в идеале. Ни к чему кота в такие жёсткие рамки загонять. Ему тоже свобода нужна, как и мне. Пускай отливает, где ему захочется. Всё равно потом его же мордой ссанки вытираю.

Да, кстати, ещё немного о делишках туалетных. Мне Серёга Войновский однажды рассказал, как он утром подорвался с кровати, рванул в туалет по нужде, о собственные ноги за-

пинаясь. А там, на троне белом, дверь не закрывши, жёнушка его восседает, тужится, бедненькая, так, что аж жилка на лбу подёргивается. И вдруг как заорёт, увидев его сонное чузырло пред собой.

Серёга, ясен пень, сразу же перехотел и по большой, и по малой нужде. Всё в трусы махом и оформил. Как представлю, что самому придётся когда-нибудь такую картину лицезреть, так ни пить, ни есть не захочется никогда. Чтобы туалет в принципе не нужен был.

Я знаю, вы сейчас спросите, мол, как можно жить без женской ласки и тепла? А кто сказал, что я обделён женской лаской? Есть, между прочим, один телефончик, который меня частенько выручает.

Какую захочу, такая и приезжает. Сама. Без всяких вызовов такси. И ни цветов ей не надо, ни конфет. Аспирином тоже не балуется – всегда к бою готова. Прибыла в обозначенное время, коньячку со мной накатила, по душам поболтала, одёжки с себя скинула, все мои прихоти, не важно, какие конкретно, исполнила и обратно к себе умотала. И ей хорошо, и мне неплохо. Ласки как в сказке.

А с теплом вообще фигня вопрос. Дома у меня батареи так кочегарят, что хоть форточки не закрывай. Пот со лба вытират не успеваю.

Да и спать я люблю один. Для меня важно, чтобы в кровати простор был. Руки-ноги раскидал по сторонам – благодать. Никто тебя в бок не толкает, в ухо не храпит. И туалет, самое главное, по утрам всегда свободен.

Уверен, вы меня снова попытаетесь подтрунить, мол, телефончик тот спасительный мне якобы в копеечку влетает. Смешные такие. Да ни одна приходящая барышня столько средств денежных и соков жизненных из меня не высасывает, как это делала бы жена.

Я специально прикидывал финансовые расходы на обслуживание лиц симпатичной наружности. Так прикинул, что прикрикнул. От ужаса. Катастрофически невыгодно жить рядом с одной и той же физиономией. И это только если о со-

вместном проживании говорить. А ведь чтобы ввязаться во все эти совместные никчёмности, надо ещё и процесс бракосочетания выдюжить, что никак не сочетается с моими жизненными планами. Такое вот несочетающееся сочетание.

Одни только кольца обручальные... Сколько эти кольца стоят, вы видели? Мамулечка моя красотуличка!

Заходил я на той неделе в ювелирный. Рядом с салоном топтался, человечка ждал, вот и решил время скоротать, поглазеть хоть на что-нибудь. Лучше бы не заходил. Мне на одни кольца почти год батрачить придётся. Дешёвку же не купишь – суженая потом до конца жизни будет мозг возбуждать, щедрость твою невероятную вспоминать. Хотя сама только при мне этот аксессуар носить станет, а при выходе из дома – в сумочку швырять.

А ещё ведь нужно, не забывайте, платье свадебное – обёртка на сутки по цене пахоты за полгода. Куда это годится? Плюс лимузин арендуй, тамаду с фотографом найми, гостей прожорливых накорми... Наиглупейшее вложение средств получается. Притом что через год, если не раньше, всё равно развестись придётся.

Выгоднее, знаете ли, застрелиться, чем жениться. И хоть женщин я люблю, в загс меня никакой силой не затащить. А дети и вне брака легко рождаются. Сам тому наглядное подтверждение.

Правильно Гаврилыч, напарник мой по работе, говорит: обручённый – значит, обречённый, а женился – значит, опустился. Пока ты один, у тебя всё срастается: деньжата уходят куда надо, времени свободного навалом, настроение всегда преотличное. А как брак себе устроил, так и жизнь вся стала, мягко выражаясь, один сплошной брак: средства маxом испаряются, на себя и на друзей ни минутки не остаётся, сам на взводе из-за любого пустяка.

Какой тут может быть карьерный или жизненный рост? Только бухать. Безбожно бухать. Назло этим тиранкамшибко умным. Чтобы жить нас не учили. И пить, если уж такое дело, тоже – этому ремеслу мы сами кого хочешь научим.

Как видите, из всего мною сказанного напрашивается один-единственный вывод. Простецкий такой, как образ жизни моего Дауна. Не стоит, братцы! Не сто-ит!

На какой слог ударение?.. Стоп! Это вы сейчас о чём?!

Гоша Синичкин вещает о врачах

Спешу развеять все ваши сомнения относительно моих кроватных способностей. Уж поверьте, ни одна барышня пока что не жаловалась. Да и как тут жаловаться, когда тебе за сущие пустяки столько деньжат отстёгивают. Успевай только грамотно шевелить тем, чем Боженька наградил. И у врачей регулярно проверяйся, чтобы в принципе было чем шевелить. Товар-то скоропортящийся.

Я тоже недавно проверялся. У уролога. Посреди минувшей зимы в туалет зачастил по струйным делам. Но с фонтаном ничего общего не имел. Куда больше на старый смеситель был похож: кап-кап, кап-кап... Подождал месячишко – особо ничего не изменилось. Решил тогда в больничку наведаться. Впервые за пять лет. Если не за десять.

Кажись, со времён призывающей комиссии докторам так и не показывался. Помню их тогдашние упрёки в мой адрес: веса маловато, на левое ухо глуховат, с различием цветов проблемка, даже плоскостопие диагностировали. А в итоге – годен! Башка ведь на месте, хоть и сотрясённая в детстве, руки-ноги тоже целы...

Ну, пришёл я, значит, зимой к урологу. Всю ситуацию ему обрисовал. В ответ, будто прямым в челюсть, раздалось: «Простатит, молодой человек!»

У меня самого кулаки зачесались сразу же, потому что за такой гнилой базар наказывать надо. Сдержался кое-как. И потребовал чёткого подтверждения дерзкого диагноза.

Эх, лучше бы сразу в морду дал. Тогда бы никто на мою простату не покусился и в заднем проходе ковыряться не стал. Позор! Сразу девчонок по вызову вспомнил. Но они

хотя бы деньжата за такие унижения получают. А я... Позор! Позорище!

После нескольких анализов, включая один жутчайший, не буду о нём рассказывать, уролог навыписывал мне всяких дорогущих лекарств. Я не стал выяснять, почему их следовало приобретать в конкретной аптеке, а не в любой другой, где цены ниже. Просто уже всерьёз боялся провоцировать этого мутного дядьку. Он женщинами, похоже, вообще не интересовался. А чего ожидать от таких, даже представить страшно. Поэтому я покорно согласился на огромные затраты и на глотание всякой гадости, лишь бы только самому было что выписывать в туалете.

Сработало! Уже через недельку поливал, как пожарные из шланга. А в плане стойкости мой агрегат вообще никогда сбоев не давал. Поэтому, видать, не так страшен простатит, как его малюют в рекламе. Помощница уролога примерно тоже самое и сказала.

Эта рыжая бестия ещё тогда, при первом моём визите, когда я предмет медицинского наблюдения наглядно демонстрировал, поглядывала на меня жадновато. С ней мы окончание лечения и отпраздновали. Так сказать, на практике убедились, что всё в норме. Она даже денег не стала просить. Лишь иногда встречаться предложила.

Я в те дни всерьёз подумывал вычеркнуть из памяти волшебный телефончик. С врачихами-то и дешевле, и страстнее, и липовый больничный для работы всегда соорудить можно.

Вот только не всегда они к тебе приехать могут: чуть ли не живут в своих больничках, труженицы неуёмные. А я, как мне приспичит, долго ждать не могу. Поэтому пришлось откаться от идеи окончательного перехода на эконом-вариант.

Девушки в белых халатах – вообще единственная радость для пациентов. Для мужиков, по крайней мере. Потому что в самих кабинетах и коридорах больницы, прямо скажем, тоска зелёная. Чаще даже серая. Ещё и воняет – то лекарствами, то анализами чьими-нибудь. Пока очереди своей дождёшься, уже в другой кабинет надо будет. Туда, где откачивают.

А сидеть и ждать, пока тебя примут, в любом случае придётся. Даже если специалист узкий. У них вечно – что ни обед с планёркой, то пенсионер какой без очереди. Хаос полнейший!

Талончиком перед их носом махать бессмысленно. Можешь сразу подтереться. Это куда проще и приятнее, чем спустя пару часов, если повезёт, попасть-таки к врачу и услышать нелепый или, чего хуже, страшный диагноз.

Я года три назад подкашливать стал после нагрузок физических. Спал нормально, грудь не болела. Соответственно, бронхит с туберкулёзом отпадали. Пошарился в Интернете и по симптомам понял, что у меня фарингит. Уже хронический.

Как раз сильно простывал за месяц до этого, а долечиться до конца не удосужился. Не хотелось долго в койке полёживать и коллег своих вынуждать пахать сверх нормы.

И вот пришлось мне на работе смельчака одного задерживать, который чёрт-те знает как на территорию базы проник. Пока бежал за ним – ничего. Как повязал – раскашлялся, что аж морда покраснела.

Мужики дикий кашель услыхали и скорую вызвали без моего ведома. Врачи прибыли, с опаской на меня посмотрели, давление измерили и заявили, мол, точно, сердце – в больничку ехать надо.

Я им про фарингит давай втирать, а они своё заладили. Уверяли, что если не поеду с ними, то могу загнуться прямо на работе.

Да только наш род не из пугливых! Отправил я врачей обратно. Причём в грубоватой форме. Они лишь руками развели, но всё-таки заставили напоследок какую-то пастилку рассосать. А она мятынька оказалась – в горле сразу свежо стало. Ну и подкашивание вместе с тем исчезло, как после таблетки от фарингита.

Врачи, ясен пень, умничать стали. Дескать, нечего было с ними, учёными, спорить. Сердце – значит, сердце! Но я-то знаю, что у них частенько нестыковки случаются: сперва человека от краснухи лечат, а потом выясняется – индеец.

В общем, попросил их давление мне измерить ещё раз. Ну, измерили. Показатели те же самые оказались. Ничего, говорю им с ухмылкой, что у меня с детства вегето-сосудистая дистония? Они на меня уставились, как на шизика, и попросили больше по пустякам не вызывать. Первое апреля зачем-то упомянули. Сказали, что до него ещё несколько месяцев. Юмористы вшивые!

Кстати, о вшах тоже есть что рассказать. Но буду предельно краток. Они у меня на черепушке вдоволь пожили, когда я шпендиком был.

По сей день с содроганием вспоминаю тот безжалостный докторский приговор: «Обрить наголо!» Других моих одноклассников мазями какими-то лечили, вычёсывали, как болонок. Был, значит, способ. А меня без всяких размышлений – обрить!

Перед глазами сразу всплывает конопатая морда Павлуши Девяткина, который у нас в классе на задней парте сидел, прямо за мной. Он тогда за «лысую синичку» несколько раз зубы выплёывал. До сих пор, наверное, манную кашку через трубочку посасывает.

Зубы – отдельная тема. Стоматологов я больше всего не навидел. Не за то, что они больно делали. А за то, что уверяли: «Неправда, совсем даже не больно». Ещё с такой нахальной рожей всё это произносили, что хотелось у них бур выхватить из рук и самому в сверлении поупражняться, клад внутри зубов поискать.

Чего я боялся, так это сдачи крови. Когда врачи хватает тебя за палец, а ты беспомощно глядишь на приближающееся к фаланге лезвие и, в ужасе сглатывая, чуть ли не давишься слюной, в голову начинают лезть всякие мрачные мысли. На кладбищенскую тематику, например.

Отчётливо представляешь себе, как эта тётка красуется в гробу, сполна получив за все свои кровавые злодеяния. А она, словно поняв, о чём ты думаешь, как можно больнее тычет остриём в кончик пальца и, почти смакуя, лишает тебя нескольких граммов крови.

Мечтал даже, когда вырасту, стать главврачом и упразднить к чертям эту бесчеловечную процедуру. Свыкся с ней только ближе к старшим классам. Ещё и пользу научился извлекать. Прикидывался, будто сознание начинаю терять. Зачем? Да чтобы нашатырного спирта нюхнуть. Меня с него, не поверите, торкало не по-детски. Но на вкус пробовать не отваживался – одеколончиками ограничивался.

И вообще меня больше не кололи с тех пор. Хотя нет, вру. На призывной в военкомате один из самых старых врачей положил глаз на мой позвоночник. Я, дурачина, сам перед этим на боли в пояснице пожаловался. Пришлось делать снимок. Взглянув на него, дедуля смещение позвонков узрел и почти сотню уколов мне назначил. По четыре штуки в день, потому как препараты разные.

Поначалу терпимо было. Так, пощиплет чуток, и всего делов-то. Но через неделю – новокаин мне в задницу! – на стены готов был лезть.

Врачиха все уколы ставила в одно и то же место. Я несколько раз её просил, так сказать, разнообразие внести. А она просто одну булку на другую сменила и продолжила бомбардировку. Твердила, что иначе толку не будет.

Толку, сразу скажу, не было в принципе. Поясница по-прежнему ныла, срака гудела от уколов, и врач решил, что ошибся с выбором препаратов.

Я жаждал объяснить этому старому маразматику, что он с выбором жертвы ошибся, и на секунду даже представил себе отчётливо, как мой кулак впечатывается в его разухабистый шнобель. Но всё-таки не стал рисковать, чтобы не лишить себя возможности сходить в армейку. Как раз на последнем курсе техана учился. Поэтому соврал, что продолжу лечение, и со спокойной душой на всё болт положил.

Поясница пришла в норму чуть позже. Уже в армии. Сама по себе. Без всяких уколов. Просто надо было, как оказалось, меньше сидеть за партой. Движение – лучший доктор. Ну и коньячок с вискариком тоже неплохо лечат. Главное, чтобы без передозировок.

Как вы, наверное, уже поняли, почти всё из рассказанного происходило со мной либо в детстве, либо в студенчестве. Теперь же я к врачам ни ногой. Решил, что если помру, то исключительно своей смертью. Пускай жизнь сама меня колет, режет, пилит, сверлит. А людям в белых халатах с их халатностью давно уже никакой веры нет.

Даже Маринка – санитарочка молоденькая, недавно в нашу районную больницу устроилась, – и та мне наврала. Я с худышкой этой пару недель назад в автобусе познакомился. Ближе к конечной стрельнул у неё номерок телефона, свой тоже оставил. Ну а на выходе уже к себе в гости пригласил, потому что искренне хотел накормить и обогреть бедствующую натуру.

Она согласилась, а сама не пришла. Эсэмэску потом прислала, мол, не готова к первому встречному сразу же домой являться. Про свидания какие-то залепетала, глупенькая. Вот и пришлось мне по привычке звонить тем, кто всегда к бою готов. Пускай даже и за денежку.

В общем, граждане, зря вы подумали, будто я в свои тридцать с гачком уже ни на что не способен. Надо быть абсолютно отчаянным, чтобы ради нескольких чмоков приглашать к себе красоток, за час получающих больше, чем ты за целую смену. Пускай отрабатывают хавчик по полной программе. У меня дома не служба знакомств для лузеров. Держаться за ручки, глазками хлопать да минералочку попивать как-то не впечатляет. В школе я давно уже не учусь.

Гоша Синичкин вещает о маршрутках

Зациклился я чего-то на порнушке. Поговорим лучше о другой её разновидности. За которую тоже надо платить – пускай меньше, зато чаще. Удовольствия от неё, увы, не получаешь. Но отказаться – себе дороже. Такой вот садомазохизм получается.

Не зря говорят: тише едешь – дальше будешь. Жаль только, что водители маршрутных автобусов никогда об этом

не слышали. Они предпочитают ехать быстрее и до конечного пункта в итоге не доехать. Проезжать тоже любят, особенно нужные людям остановки. И переезжать не забывают – наши ноги, например, или двойную сплошную.

Мне даже начинает казаться, что они как раз за это зарплату и получают. И чем сумасброднее водитель, тем выше его оклад. По крайней мере, когда звонишь их руководству и выражаясь своё недовольство, на другом конце провода твои речи воспринимают удивлённо, дескать, какие могут быть претензии к такому-то асу...

А на следующий день ты заходишь в салон того же автобуса и видишь за рулём всё ту же морду, вновь замышляющую что-то недоброе. Становится даже немного стыдно за то, что вчера ты позволил себе усомниться в квалифицированности этого лютого шоферюги. И, внезапно врубаясь головой в по ручень, понимаешь: дело не в чьей-то манере вождения – держаться надо было лучше, обезьяна беспалая.

С кондукторами уже не так всё очевидно. На первый взгляд, они только деньги с нас драть горазды, а объявлять остановки не обязаны. Я одному такому, молчаливому, явно из бывших узников, предъявил однажды. Ну, как предъявил – в плечо пихнул со злости. Так он монтировку из-под сиденья своего достал и по голове мне заехать собрался. Благо удалось наклониться – по двери входной удар пришёлся. И это ж при всём честном народе!

Однако никто тогда и слова не сказал. Будто не было в салоне ни меня, ни того упыря. А кто не за меня, тот априори против меня.

Короче, я быстренько уловил моральный климат в пассажирских кругах. Каждый сам за себя. Поэтому с тех пор ни в разборки чужие не встреваю, ни на вопросы не отвечаю, ни плату с задней площадки ни за кого не передаю, ни форточки по просьбам не открываю. И даже если ноги кому-то оттолчу, то извинений, ясен пень, никто не услышит.

Тщедушные старики – исключение. Им и место всегда уступлю, и сумки поднять помогу. Такой уж я.

С кондукторами, между прочим, тоже перестал спорить. Каюсь. Осознал, что с собой надо таскать путеводитель по городу, а не посторонних людей вопросами заваливать. Ежели чего и спрашиваешь, так заплати, как в справочном бюро. И от монтировки не уворачивайся, иначе сам будешь стоимость разбитой двери возмещать.

Я тогда, правда, всё же не рассчитался. Даже за проезд ни копейки не стал отдавать – в знак протesta. Напротив, в довесок к материальному ущербу ещё и физический нанёс. Кондуктору. Его паяльник после четырёх прямых ударов конкретно так разбарабанило.

Последствий я не боялся, потому что уже понимал всеобщее отношение к происходящему. Всем было по барабану, если кто не догнал. Эта биомасса только билетики свои разглядывала в надежде на внезапное счастье да освобождающиеся сиденья подкарауливала, чтобы побыстрее их занять.

Почему же с кондукторами не так всё очевидно, спросите вы? Дело в том, что их потихоньку начинают электроникой заменять: турникеты ставят на входе в салон, карточки всякие приобретать заставляют для оплаты проезда.

Казалось бы, теперь уже никто тебя не обсчитает, не обматерит, не угостит кусочком железа по зубам. Но и сам ты копеечку не сбережёшь, пар не выпустишь, кулачишки не разомнёшь. Романтика уходит в прошлое. Окончательно и бесповоротно.

Скоро, глядишь, и водителей в расход пустят – на автопилоте гарцевать будем. Придётся тогда на пассажирах отрываться. А что здесь такого? Им ведь по барабану всё. Так отчего же не устроить себе моральный разогрев перед дежурством? В маршрутках всегда полно желающих отовариться.

Сами, между прочим, и провоцируют. Причём не обязательно на драку. Это я о девчонках в коротеньких юбочонках. Серьёзно так обстановку накаляют, развратницы. А потом угадать пытаются, кто их за филейную часть ушипнул.

Вы только про меня ничего не подумайте. Я всего-то четыре раза щипал. Душу себе согревал. Одну из грелок, кстати,

Машуткой звали. Она единственная мою шутку в маршрутке по достоинству оценила. Иначе не вышла бы со мной на кочечной и не стала бы напрашиваться к незнакомцу в гости.

И ещё немного о климате. Но уже не о моральном. В автобусах, особенно в пазиках, он вполне себе гуманный. Я бы даже сказал, специально для нас устроенный.

Вы думаете, почему там печки летом на всю катушку спарят? Да потому что пассажиры перебарщивают с открыванием форточек. Вот перевозчики и делают всё возможное, чтобы никого в салоне не продуло, и долгожданные отпуска не были омрачены. А люди этого не ценят.

Но главное, чтобы в столь жуткой парилке никто окончательно воздух не испортил. Иначе вообще до отпуска не доживёшь – задохнёшься прямо там же, в салоне.

Я, кстати, и сам люблю втихаря газку поддать, особенно при выходе из автобуса. Пускай биомасса наслаждается. Мне не жалко.

Ну а зимой в маршрутках, наоборот, весь салон промерзает. Это уже чтобы никого из пассажиров не разморило случайно. Иначе остановку свою проспишь, на работу опоздаешь и будешь, что не исключено, уволен.

Трудоустроиться посреди зимы ой как сложно: весь народ в городе торчит, мест вакантных нигде нет. Поэтому боже упаси закемарить в маршрутке, особенно с утра. Лучше уж помёрзнуть немного.

Уверен, вам не терпится узнать, почему я гундошу и при этом не покупаю машину. Дело совсем не в деньгах. Хотя бы потому, что нет их, денег этих самых. Лиших, по крайней мере. А если б даже и были, то всё равно не стал бы автовладельцем. Техосмотры, починки, покраски, мойки, заправки, стоянки с гаражами – зачем мне все эти заморочки?

Вдобавок ещё, чего хуже, собьёшь кого-нибудь. Или в тебя самого лихач какой-нибудь врежется. Боюсь представить, что потом будет. Возможно, придётся этому гонщику машину спалить. Не удержусь ведь от такого соблазна. И по этапу почём зря пойду. А оно мне, уважаемому человеку и ценному

рабочему кадру, надо примерно так же, как водителю маршрутки – светофор.

Поэтому возитесь-ка вы сами со своими четырёхколёсными красотками. А я двуногих предпочитаю. Без всяких обязательств.

В маршрутках тоже ни за что не отвечаешь, и в этом их прелесть. Не надо ни за дорогой следить, ни за сохранность транспортного средства беспокоиться. А попадёшь в аварию – козёл отпущения за рулём сидит. Хочешь – дыню ему расколоти, чтобы водить научился; хочешь – спокойненько пересядь в другой автобус и дальше езжай, куда путь держал. Лепота! Особенно если первый вариант рассматривать, с мордобоем. Он у меня всегда в приоритете. Ну, если повод, конечно, стоящий.

Гоша Синичкин вещает о футболе

Кто сказал, что футбол в России спорт номер один? Пускай отзовётся – я не обижу. Просто жуть как интересно, что конкретно он имел в виду: уровень зарплат футболистов, степень отмороженности фанатов или нечто иное? В чём лидерство заключается?

Вот смотрю на результаты национальной сборной за последние лет пятнадцать и совершенно теряюсь в догадках. То ли живу среди кротов, то ли самому пора до ближайшего отдела оптики прогуляться.

Футбол и раньше-то не у всех россиян в почёте был, чего лукавить. А совсем недавно в стране нашей, как я слышал, какой-то вундеркинд приказал систему проведения соревнований изменить.

Командам теперь даже в минусовую погоду играть приходится, и газончики, сами понимаете, далеко не всегда свежестью отдают. Превратили и без того унылое кинишко в откровенную порнуху, чтобы современным тенденциям соответствовать и жить как в бреду. Только здоровые игроков и фанатов губят.

Друзья всё порываются позвать меня на ночь в бар, который в соседнем доме открыли с полгода назад. Говорят, экран там здоровенный на стене, каждый день футбольные матчи в прямом эфире. Предлагают пивка взять и поболеть.

Исключено! Я с пивка так сильно болею, что вряд ли кто из друзей потом нянкаться со мной захочет. К тому же это чревато для них сломанными носами.

Я как переберу всякой гадости, так сразу с чьим-нибудь лициком в «раскраску» поиграть хочу, как фанат заправский. Могу и по голени пнуть, как футболист. А нет пивка – нет и пинка, всё тихо, все целы. Поэтому лучше без пенной дряни обойтись. И без футбола.

Вот волейбол, баскетбол и хоккей, да, люблю! Они гораздо динамичнее. Атака туда, атака сюда... Уследить не успеваешь.

А футбол? Ждёшь по пять минут, пока эти инвалиды до ворот доползут. Ладно бы хоть в створ попадали. Так ведь по фонарям же лупят! И ради чего, спрашивается, болельщики по полутора часа собственного времени тратят? Чтобы увидеть с десяток ударов по воротам, из которых порой ни один и голом-то не обернётся?

Никогда не забуду, как мы с Коваленыхем и Слонярой, одногруппниками моими, ходили в студенческие годы на игру местной команды. Я тогда, смеха ради, прямо с трибун в темнокожего защитника гостей бананом зашвырнул. Так и то в ворота попал! Это было единственное их взятие за весь матч, потому что он всухую завершился – по нулям.

Мне потом за меткость даже награда досталась – халявная поездка в участок на уазике. Вполне мог за решёткой несколько суток прокуковать. Хорошо, что менты попались порядочные, понимающие. Как услышали, что я бананометателем стал со злости, якобы не мог на жалкую игру родного клуба спокойно смотреть, так сразу же и отпустили. Их тоже бесит, что наши налоговые отчисления уходят на содержание таких вот бездарей, которые в здоровенные ворота малюсеньким мячиком попасть не могут.

А как они лёжа на газонах корчатся? Это ж целого «Оскара» достойно! Нет у них принципа: получил по правой щеке – отвечай ударом в левую. В футболе всё иначе: задел тебя кто-то ненароком – имитируй пулевое ранение, загибайся, задыхайся и не оживай, пока врага с поля боя не попросят.

Потому-то у меня ещё с детских лет с футболом не заладилось. Мы когда с соседними школами играли, наш физрук приказывал валиться на землю после каждого столкновения. А я упорно не желал тренерскую установку выполнять. Мне – по ноге вместо мячика, я – по наглой морде в ответ. В итоге с седьмого класса перестал вызываться в школьную сборную.

Оно, между прочим, и к лучшему. В техникуме у нас всё равно не развивали футбол. Как и в армии. Получается, что пришлось бы выделяться из толпы. Ни к чему это. Лучше своим человеком быть, а не врагом народа.

Как представляю, что продолжил бы футболом заниматься, до профессионала, глядишь, дорос бы, и в меня кто-то с трибун в гневе бананом или ещё чем кинул, как я тогда, в студенчестве, – ох, долго бы пинал, только не в ворота.

Лучше уж в охране порядок блюсти. Миллионов, ясен пень, не получаю. Зато никто меня там не трогает. Это, наоборот, моя прерогатива. Пускай боятся.

А в последние года три я совсем от футбола отвык. Для меня слово «пасуй», скорее, призыв к тому, чтобы слабую карточную комбинацию сбросить. А слово «навешивай» – чтобы парочкой апперкотов кого-нибудь наградить. Я в этом специалист опытный, могу и «на головку», если кому захочется. Лишь бы только «забивай» никто не выкрикнул случайно, когда возьмусь навешивать. А то я привык всё делать до победного.

Ладно, вы уж меня извините, но про футбол, пожалуй, хватит. Тошно мне от этой темы. Устал я. Пойду отдохну, телевизор немножко посмотрю. Там хоккей уже начался. Чемпионат России. Моя любимая команда с заклятым соперником играет. Праздник для любого болельщика.

Так-с, где у нас спортивный канал? Это не то. Тоже не то. Ага, вот он.

Стоп!.. Не понял. Какой ещё футбол?! Какая такая национальная лига?! Вы уже достали этих запинашек показывать!

Куда ни переключишь – сплошные сериалы, концерты, развлечаловка и футбол, футбол, футбол. Хоккей где, я вас спрашиваю?

Нет, вы это видели? Произвол! Откровенное навязывание чуждых мне интересов. Почти зомбирование. И как прикажете после такого к футболу нормально относиться?

Гоша Синичкин вещает о еде

Ещё немного о пиве. Это ведь я сейчас его не уважаю. А в студенчестве-то литрами хлебал. Вперемешку с прочей дрянью. С теми же одеколончиками, в частности. И закусывал чем придётся: то засохшими корками с майонезом, то огурцами-семенниками, то колбасой ливерной, то шкварками.

Ядерная смесь, скажете? Так потому и перестал дурью маяться. Надоело каждые выходные возле унитаза просыпаться, ещё и в субстанции сомнительного происхождения.

Хотя вот не понимаю, почему другие чёрт-те что жрут и не превращаются после этого в вулканы. У меня одногруппник борщ всегда компотом запивал. И ничего. Только улыбался да облизывался, падла. Всегда ему хотелось в пятачину дать, чтобы нос как сухофрукт стал, а из него свекольного цвета жидкость сочились.

Мой лучший друг детства, Вовка Хугорков, вообще бутерброды адские делал. Хлеб вареньем намазывал, чаще малиновым или смородиновым, а сверху всё кетчупом заливал. Ел – не морщился. За один присест по три-четыре куска уминал. И хоть бы хны. А я от одного только вида этих бутеров мог извержение устроить. Где логика, спрашивается?

В общем, перехотелось мне после армейки всякую дешёвку квасить и хавчик сомнительный потреблять. Перешёл на коньячок с вискариком, иногда могу побаловаться кофей-

ком, чайком или холодным молочишком. К еде тоже строго относиться начал. Ведь в наше время всё, что не своими руками приготовлено, опасно не только для здоровья, но и для жизни. Не враг я самому себе. Поэтому старался абы что в рот не засыпать. Лишь иногда, когда не было другого выбора, фастфудом давился.

Года полтора назад зачастил у каких-то азиатов пирожки покупать. Не то чтобы вкусные, зато дешёвые. Эти узкоглазые тогда повадились торговать рядом с нашей базой, все окрестные общаги горячей продукцией обеспечивали. Мы с коллегами-охранниками нарадоваться не могли, ведь поблизости ни одного магазина не было, и на работу еду из дома приходилось таскать.

Я недели две ни о чём не беспокоился. До тех пор пока не отравился прямо на смене. Раз, потом ещё раз, ещё... За считанные дни несколько жидкых посыпочек в рабочий туалет доставил. Чуть не окочурился.

Поначалу даже не подумал на тех торговцев. А потом заметил, что собак в нашей округе гораздо меньше стало. Вот тогда-то картина и прояснилась.

Кстати, у азиатов торговля весьма бойко шла. Они к тому моменту уже морозильной камерой разжились. Помимо пирожков, стали ещё и пельмени ручной лепки продавать. В обычных полиэтиленовых пакетиках, на которых было от руки написано маркером – «домашние». Я не рискнул пробовать. Даже по полтиннику за кило. Нечего у обитателей общаг доступные полуфабрикаты отбирать.

Брезгливость стала моим верным спутником надолго. Теперь стараюсь готовить самостоятельно. В микроволновке легко сварганиТЬ кашку, картошечку, вермишельку или ещё что-нибудь нехитрое. Даже курицу-гриль можно.

Уважаю и салатики. Летом – из огурцов и помидоров. Зимой – оливье. По виду они, конечно, далеки от ресторанных. Больше на беспорядок в детской комнате смахивают, когда повсюду здоровенные кубики разбросаны. Зато на вкус – пальчики оближешь, ещё и из-под ногтей остатки высосешь.

По крайней мере, никто ещё из друзей на мои салаты не жаловался. Пускай рискнут!..

Впрочем, больше всего я люблю супчики. Всегда их варю. Каждую неделю. Это ж проще простого. Накупил пакетиков со всякими там рассольниками, щами, гороховыми и грибными супами, закинул в ящик про запас, а потом только успевай воду кипятить да содержимое упаковок туда высыпать. Не всех сразу, разумеется. А то нехилое слабительное получится.

Даун мои кулинарные шедевры просто обожает. Ему дорогущий «Кискас» постоянно покупаешь, а он морду тряпочную воротит, не признаёт все эти изыски. Вечно из моей посуды норовит полакать, стоит только отвлечься.

Я ему поначалу подсрачники давал, чтобы в дальнейшем избежать крысиных замашек с его стороны. Но потом осознал, что котяра-то у меня не совсем тупой и в хавчикелично разбирается. Мне даже лестно стало. Отменно, значит, готовлю.

А чтобы убедиться в этом, сам отведал «Кискаса». Буквально чуточку. Только чтобы сравнить. И вот тогда-то понял, почему Даун именно моё варево предпочитает. Невозможно ведь эту кошачью дрянь жрать. Не перчёная вообще!

Для себя уяснил: уж если котяра мой не жалует какую-либо еду, я к ней тем более не прикоснусь. Напитки – исключение. Здесь сугубо на свои вкусы ориентируюсь. Одной водичкой из-под крана, как Даун, точно не напьёшься.

Кстати, теперь вы наверняка и сами понимаете, почему я не захотел прошлым летом за границу смотаться с Люськой Гумеровой, одной из моих воздыхательниц. За её счёт, между прочим! Боялся там помереть с голодухи. С какой стати? А вы почаше телевизор смотрите и газетёнки почитывайте.

Разве может впечатлить меню, в котором упомянуты, например, жареные скорпионы, тушёные лягушачьи лапки, суп из акульих плавников, запеканка из крокодильих яиц или – срочно дайте мне ведро! – бычий анус?

Многие девки и сами не отваживаются всё это пробовать. Отговорки – одни и те же. Люська, например, про диету твердила перед отлётом. Я её даже подкалывал: «А вдруг эти блюда низкокалорийные?» Но она продолжала увиливать, мол, даже не догадывается об энергетической ценности той или иной порции, поэтому боится поправиться.

Действительно, негоже улетать за рубеж стокилограммовой стройняшкой, а возвращаться домой с лишней пятёркой на боках, что кардинально меняет всю картину.

Между прочим, вернулась Люська точно такой же. Ну, внешне, по пропорциям. Зато ра-адостная была! Уверяла, что благодаря диете и активному – ага, как же! – отдыху сумела потерять за границей три с половиной килограмма.

Правда, не слишком долго радовалась. Уже через пару недель мрачнее тучи была. Признаваться не хотела. А потом как-то среди ночи сама мне позвонила и давай реветь в трубку, мол, не сдержалась, соскучилась по вкусняшкам и за неделю набрала вдвое больше кило, чем в поездке сбросила. Бедненькая.

Не умеем мы себя контролировать. Не у-ме-ем! Сила воли – на нуле. Готовы жрать что угодно. Даже без повода.

Я в позапрошлом месяце заходил в ближайший к дому отдел ксерокопий, нужно было пару страничек паспорта размножить. Открыл дверь офиса, а там мужик какой-то, стоявший ко мне спиной, внезапно схватил со стола бумажки и начал их рвать и глотать, почти не разжёывая!

Обернулся он только секунд через двадцать. Недоумённо на меня посмотрел – и давай отплёвываться. Оказалось, мужик кое-что перепутал. Думал, что это его начальник с важной встречи вернулся.

Я, кстати, тоже перепутал. Зашёл сдуру в какую-то «Копилку». А нужная мне «Копирка» вообще в другом крыле здания была...

Что уж тут поделаешь? Привычка у людей такая. Ведь мы ёщё с младенчества начинаем тянуть в рот всё подряд. Просто за кем-то родители почти не следят, и такие дети вырастают

закалёнными, привыкшими к пыли, грязи, микробам. А за кем-то постоянный контроль ведётся, не дай бог хоть одна соринка чаду в ротик попадёт. О каком тогда внутреннем иммунитете можно говорить? Только коньячок и выручит.

Гоша Синичкин вещает о собаках

Если б я не любил тишину всем своим существом, то, вероятно, и против гавкающих созданий не был бы так ожесточённо настроен. Но когда ежедневно у тебя за стеной кто-то воет, скулит, тявкает, ещё и с улицы по ночам безостановочный лай дворняг доносится, тогда покой может только сниться.

А уснуть в подобных условиях ничуть не легче, чем бокал кипятка залпом выпить. Поэтому остаётся лишь сокрушаться из-за того, что в мире существуют такие вот наимилейшие твари, и ножики на всякий случай точить. Дело-то фаршем пахнет.

Могу ещё понять, когда у соседей дети орут. Конечно, тоже выводит из себя порой, но это хотя бы вполне естественный жизненный процесс. Продолжение рода, семейная ячейка и всё такое.

Шавки в этот процесс ну никак не вписываются. Если уж в дом их притаскиваете, то и успокаивать будьте любезны. Даун мой почему-то никому из соседей спать не мешает. И жизни ни чьей не угрожает.

А собаки? Вы задумывались, какую опасность они из себя представляют? Не только бродячие. Домашние – тоже. Всё бы им на кого-нибудь броситься да хавчик свой отработать. Причём напоказ.

Нет, за Дауна я как раз ничуточки не беспокоюсь. Он у меня хотяра домашний. Как колокольчиков своих лишился, так и на улицу рваться перестал.

Больше за безопасность друзей ратую. Некоторые из них чересчур уж пугливые. Особенно Коваленыч и Васька Потылицын.

Васька в школьные годы, когда с уроков окольными путями возвращался, на собачью свадьбу попал. Эти зверюги ему левую ногу прокусили, правую тоже зацепили, портфель чуть в ключья не изодрали. Если бы сучка тогда через дорогу внезапно не рванула, не видать бы Ваське спасения. Полёг бы пряником на безлюдном тротуаре. И никто бы не хватился парня. Немудрено, что его с тех самых пор воротит от песни «Сука-любовь».

С Коваленычём всё по-другому было. Он, когда в техникуме ещё учился, побежал за угол покурить. А там чей-то питбуль дела неотложныеправлял. И явно не рад был случайным свидетелям. Настолько угрожающе рыкнул, что одногруппник мой в ужасе на землю шмякнулся и пошевелился не мог. Благо хозяин вовремя подоспел – обошлось без крови, без мяса. Но Коваленыч по сей день заикается. И курить боится: всё ему питбули какие-то в сигаретном дыму мерещатся.

Вот так у бедняг и выработалась жутчайшая неприязнь к этим тварям. Как услышат лай – вздрогивают. Немудрено, что они ко мне в гости всего по разу пришли и больше не хотят: соседи по этажу дома псин держат, а про намордники с поводками и ведать не ведают.

С год назад на меня овчарка соседская тоже попыталась броситься, пускай и на улице. Так я просто за булыжником здоровенным наклонился и... Да и всё, собственно. Сразу смирененькая стала. И гавкало своё позорное захлопнула ментально. В отличие от хозяйки, которая со всеми без разбору грызётся.

Мне даже иногда кажется, что она вовсе не хозяйка, а ма-маша той овчарки. Больно уж морды похожи.

Эта клуша пятидесятилетняя начала меня уму-разуму тогда учить. Но демагогия быстренько на нет сошла. Я сразу предупредил, что подолгу дискутировать не умею, и всех, кто на меня просто так кидается, без лишних разговоров отправляю на свидание с ангелами.

Для пущего эффекта полез во внутренний карман и ключами звякнул. Соседка заскулила: «Помогите! Убивают!»

Прохожие, ясен пень, притормозили, на меня уставились. А я лишь пальцем у виска покрутил, усмехнулся и домой пошёл.

Не поверите, но с тех пор эта дурында всегда держит псину на поводке. И как только меня увидит, особенно в униформе охранника, так сразу же фукаль начинает, чтобы зубастая питомица почём зря не надрывалась. Боится, собака плешивая.

Зато потом она на других отыгрывается. На тех, кто попроще да послабее. Обязательно к кому-нибудь прицепится, мол, не кури, не мусори, не целуйся на людях... А если её в ответ посылают куда подальше, то соседка грозится овчарку с поводка спустить.

Одного наркомана, действительно, проучила: помогла ему старые следы от уколов свеженькими укусами разбить. Потом неделю довольная ходила, дева старая. Сияла так, словно её замуж кто-то позвал.

Она и ей подобные лучше бы говнецо за своими хвостатыми убирали с таким же рвением. Тогда, глядишь, и душонки бы свои очистили – вместе с газонами. Но пока от них, что от хозяев, что от шавок, ничего полезного ожидать не приходится. Только срач. Словесный в том числе.

Удивительно даже, что никто не борется с этой гавкающей-гадящей проблемой. Вот если я, например, на улице кучу навалю или палец кому-нибудь откусу, меня как минимум оштрафуют, а то и посадят на годик-другой. Зато псинам почему-то всё позволено!

Каких только новостей об этих созданиях я в последнее время ни читал. Они, значит, и имущество чужое портить могут, и людей до припадков эпилептических доводить, и котов беззащитных до смерти загрызать. И – никакого наказания!

Разве что для профилактики кто-нибудь погрозит их хозяевам, если вообще отыщет. А то ведь собаководы любят внезапно испаряться и забывать о тех, кого приручили.

Безусловно, можно взяться за истребление четвероногой угрозы лично. Я готов, не сомневайтесь. Даже денег просить не стану. Но это уже, видите ли, негуманное отношение к жи-

вотным. Выходит, что нас истреблять можно, а тех, кто истребляет нас, – ни в коем случае!

Где же здравый смысл, товарищи? Да нет его! Нас самих, как загнанных животных, вынуждают расползтись по будкам и не гавкать лишний раз.

Инициатива такая, я уверен, от власть предержащих исходит. Они там почти все собачники. И точно так же с нами обходятся: слушаешься – по головке гладят и косточкой угощают, а брыкаешься – на цепь садят.

Вот только шавки куда покорнее людей. Потому им и позволено больше, чем нам.

Для себя я давно уже уяснил: кто заводит собаку – жаждет власти и чёрств душонкой, а кто предпочитает кошек – сам готов служить и никогда в помощи не откажет. Знаю это не только по себе и по своим соседям. Это, считайте, результат многолетних наблюдений за людьми вообще. Кто бы там чего ни тявкал.

Гоша Синичкин вещает о соседях

Более странных существ в жизни не встречал. Они, казалось бы, где-то недалеко от тебя, но на самом деле между тобой и соседями пропасть. Вроде бы и видишь их почти каждый день, слышишь ещё чаще, а как что случись – надейся только на себя, словно в частном доме живёшь.

Ещё со времён общажной жизни я уяснил: с соседом дружбу не водить – унылой невидимкой быть. Никто тебя в упор не замечает и ничем не помогает. Но если всё-таки заметят, то обязательно помогут – огrestись, например, или хотя бы настроение испоганить.

Сами понимаете, надолго таких отщепенцев не хватало. Уже через месяц-другой съезжали – кто с катушек, кто на съёмные хаты. Иначе никак. У нас там, в целой веренице студенческих комнатушек, всё по-мушкетёрски было. Одна под всех и все на одну. Или как там у Сантёра в оригиналe зву-

чало? В общем, приходилось общаться, интересоваться, делиться, заступаться. Ну и раздеваться, ясен пень.

А что теперь? Жилищные условия улучшились, соседские отношения – наоборот. Тебя среди бела дня обворуют – никто ничего не видел. Среди ночи воплями или долбежами замукают – никто ничего не слышал. Венок под дверь положат – никто ничего не знает. Что бы ни случилось, хоть умри прямо в подъезде, а нарушителей потом, как это ни парадоксально, гораздо легче отыскать, чем свидетелей.

Соседей видишь только тогда, когда они к тебе заходят, чтобы ты им денег занял или чтобы с кошечкой их посидел, или чтобы холодильник до квартиры помог дотащить, или чтобы позвонить дал, или чтобы на какой-нибудь якобы важной бумажке расписался, или... Слишком долго все эти «или» перечислять.

Поверьте, я бы закрыл на всё глаза, если бы никого не слышал. Смирился бы с тем, что рядом никого нет, и не ждал бы ни от кого помощи даже при возникновении военных действий. Виновных тоже не искал бы и при любом происшествии пенял бы на себя. Но не один ведь живу, со всех сторон ведь эти соседи.

Я их прекрасно слышу, и в этом нет ничего прекрасного. Слышу и вечером, когда телевизор смотрю; и ночью, когда тщетно заснуть пытаюсь; и утром, когда по-хорошему было бы покемарить ещё часок, но какой-то меломан вынудил тебя проснуться раньше запланированного времени.

Их счастье, что нервы у меня железные. Ну, почти железные. И что я человек законопослушный – бью только по делу.

Вот через дорогу от нас, говорят, дедуля раньше жил – у того не настолько хорошо всё было с психикой. Его соседи по площадке постоянно свою квартиру в аренду сдавали. И всякий раз – студентам, один другого борзее.

Старый им каждый вечер по стенам стучал, по батареям тоже, в дежурку называл, а веселуха по соседству не прекращалась. Не выдержал пенсионер, раздобыл где-то ружьишко охотничье и во время очередной ночной дискотеки

всю эту неоперившуюся стаю переколошматил. Хоть свежую серию «Терминатора» снимай.

Вы не подумайте, я ни к чему такому не призываю, хотя наши умопомрачительные законы порой не оставляют людям иного выбора. Лично мне и рабочий ствол не нужен – не зря же в армейку ходил. Всё привык собственными руками делать. Нет, ну, кроме того самого, разумеется.

Просто дело в том, что никто тогда даже в органы не позвонил. Выходит, соседям было наплевать и на музыку среди ночи, и на выстрелы. Все сладко спали, отстегнув уши.

Дедуля сам потом, уже спустя неделю, явился в участок с повинной. А ещё через пару дней крякнул прямо в сизо. От сердечного приступа.

Ничего б такого не случилось, будь у нас законодательство путёвое и соседи адекватные. Но ведь чинуши-то в картонных коробках не живут, соответственно, с бедами людскими не знакомы. Потому и законы принимают настолько далёкие от реальности, что быдлу совсем не страшно орать по ночам в своих квартиранках, магнитофоны с телевизорами на максимум врубать, в лифтах гадить, даже к соседям в двери ломиться и угрожать, если те вдруг осмелятся права свои отствовать и кому-то что-то запрещать.

Ко мне недавно молоденькая цыпочка из квартиры наверху зачастила. Явно студентка. Требовала, чтоб я перестал её своей музыкой доставать, дескать, к экзаменам готовиться мешаю. Мамулечка моя красотулечка! Какой своей музыкой?! У меня и аппаратуры-то нет. А по телевидению смотрю лишь новости, фильмы и спорт, причём с громкостью не перебарщаю.

Она мне целую неделю претензии предъявляла. Да только зайти в гости и лично убедиться в том, что никакой музыки нет и быть не может, отказывалась категорически.

Мне сразу стало ясно: человек жизнью не удовлетворён. Я ей даже предложил вместо зубрёжки заняться с кем-нибудь кроватным спортом. Сами понимаете, с кем. Девка-то фигу-

ристая. Прыщавенькая, правда, ещё и картавила жутко. Но я бы всё равно её отцеломуудрил!

Когда она в последний раз ко мне спускалась, то была вся зарёванная. Буквально умоляла, извините, заткнуться. Тогда-то мне и самому интересно стало, кто же в нашем подъезде настолько глухой, что музон на все деньги включает.

Оказалось, это свинья толстопузая с первого этажа. Точнее, свин. Удивившись моему визиту, он стал важно хрюкать, пытаясь доказать, будто бы в дневное время имеет полное право делать в своей квартире всё, что только захочет.

Ну, я ему сразу по пузу и зарядил, а потом пятак проверил на прочность коротышом справа. Как говорится, всё по закону. Ведь он сам захотел отовариться в своей квартире в дневное время и имел на это полное право.

С тех пор музыка с нижних этажей до меня не доносилась. Я даже решил подняться к той студенточке, успокоить её и выпросить чего-нибудь этакого в качестве благодарности. Но опоздал. Съехала она, как сказал мне таджик, открывший дверь. А может, он с ней?.. Да ну! Видимо, просто новый постоялец. Ох уж эти съёмные хаты...

Кстати, почти за год до той молодки надо мной вообще какие-то цыгане жили. Почти целый табор. Они так громко ножищами топали, что я себя постояльцем зоопарка ощущал. Где ж ещё по соседству со слонами окажешься?

Терпел до тех пор, пока они мне холодный душ на голову не устроили. Весь коридор залили. Я тогда с работы вернулся, а с потолка – ручьём. Ринулся к ним наверх – дверь открытой оказалась. Зашёл и ахнул.

В хате вонь несусветная стояла, в углу тазик со свежей слоновьей кучей красовался, по клетке чумазые слонята носились, из ванной глава стада выглядывал, волосатым хоботом потряхивая... Я даже забыл, по какому поводу явился. Замер на месте и перегородил дорогу соседям, сбежавшимся на чудный запах.

Впервые в жизни они мне помогли жилищную проблему решить. Хотя, конечно, не совсем мне... В первую-то очередь

они себе самим помогали, боясь задохнуться. Но главное – цыгане съехали, вонь исчезла, а потолок у меня больше не намокал.

Один лишь топот никуда не делся, разве что поутих слегка. Я и этому был нескованно рад. А кто именно заселился вместо тех слонов, узнавать не стал. Вдруг какие-нибудь еще более экзотические животные.

Всё равно всех соседей не запомнишь, даже если сильно этого захочешь. У нас постоянно кто-то куда-то переезжает. Пока на сменах торчу, особого внимания не обращаю. А как выходной на дворе, так новые рожи мелькают.

Из тех, кто с моей бабулей в одном подъезде жил, остались только Макаровы, Волобуевы, Фифочка с детьми, Капустяниха да Ильинична. С двумя первыми даже не здороваюсь – живём в разных мирах. С двумя последними – приходится, иначе двор вмиг наполнится обо мне невероятными слухами.

Вот Фифочка с этими клячами не здоровается. Так они из бедной матери-одиночки чуть ли не проститутку сделали. Языки-то без костей.

Зато мне Фифочка и улыбается приветливо, и доброго здоровья желает, и в гости частенько наведывается. Почти всегда за солью. Странная какая-то. Сама купить не может, что ли?

Ладно, многодетную мать осуждать – дело неблагодарное. Лучше уж такую соседку иметь, чем всяких...

Я бы продолжил тему, но вынужден откланяться. Опять кто-то в подъезде перепутал квартиру с клубом – караоке попеть решил. Так что пойду нотации читать. Правый кулак уже, кажется, зажил с прошлого раза. А более действенного закона в нашей стране ещё не придумали.

Гоша Синичкин вещает о журналистах

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы чёрным пиаром не баловалось. В последнее время, знаете ли, модно стало поливать других людей, особенно незнакомцев, испражнениями. Больше всего усердствуют телевизионщики и газетчики.

Только вот мало кто из них осознаёт, что свою мордашку тоже придётся запачкать, сколь её ни прячь под всякими псевдонимами. Деньги если и решают всё, то пахнут точно в несколько раз хуже, чем я после дежурства.

Почти год назад к нам на базу приходило двое ребят. Один щуплый – с блокнотиком и ручкой, второй куда толще – с фотоаппаратом. Заявили, что обо всём договорились с нашим начальством, поэтому мы можем смело отвечать на любые вопросы. Откровенность, мол, приветствуется.

Я сразу же неладное заподозрил. Слишком уж хитрющие морды были у тех двоих. Да и начальство никак не могло дать добро на визит журналистов, не предупредив об этом охрану. Даже птицам запрещено летать над стратегически важным объектом – можно и долетаться. Поэтому я сказал Дуремару, своему молодому напарнику по фамилии Пиявкин, чтобы не распинался перед гостями, которые уже фотосъёмку начали, и лично их за ворота выпроводил.

Через неделю меня чуть не уволили. Во всём была виновата статья в предвыборной газетёнке. Там сообщалось, что стратегически важный для региона объект распахнул свои двери для любого желающего. Журналист, подписавшийся Иваном Петровым, в мельчайших подробностях рассказал о своей экскурсии по территории базы, заострил внимание на её захламлённости и несоблюдении противопожарных норм, заодно подивился красоте юных девочек, которые там якобы разгуливали. Вот же фантазия у человека!..

Но самое смешное заключалось в том, что какой-то охранник, по описанию шибко смахивавший на меня, жаловался на маленькую зарплату и вечно пьяное руководство. Смельчак, однако! И как он только верёвку с мылом у журналиг не попросил после такой душепитательной речи?

Я, между прочим, тоже подробно описал нежданных визитёров. Но служебная проверка показала: люди с подобной внешностью в той газете никогда не трудились.

К счастью, моё начальство не повелось на чью-то грязную заказуху и не стало расставаться с одним из самых опытных

своих охранников. Всё ограничилось увольнением Дуремара и лишением меня премии на три месяца. Я аж на седьмом небе от счастья был – несколько дней потом с вискаря не слазил. Даже оброс до неприличия – никакого желания бриться не возникало.

Успокоился только через две недели. Словно по заказу, посреди выходного дня увидел в своём дворе одного из тех пришлых, который писарь худосочный. Он теперь уже с микрофоном был и что-то перед камерой бормотал. Так я его силой заставил орудие телевизионного труда прилюдно облизывать, да так, чтобы страсти побольше. Заодно оператору пинка наладил, а то он уже собирался меня снимать.

Съёмка была доверена случайным прохожим. Они-то, увидав озабоченного клоуна, с превеликой радостью свои мобильники доставали. И тем же вечером в Интернете забавные видеоролики появились. С соответствующими комментариями, дескать, журналисты начали выходить на митинги, устав девятый микрофон без соли доедать.

Ух, какая потом шумиха в медийных кругах поднялась! А я при этом – абсолютно чистенький: и выбритый, и неуязванный.

Не стыдно ли мне? Да бросьте! Должен же хоть кто-нибудь этих балаболов уму-разуму учить. У журналистов ведь что ни репортаж, то сплошное перевирание фактов. Одни гонят пургут, потому что с пургеном перебарщивают. Другие – потому что запуганы. Третья – потому что запутаны. Как понапишут ахинеи – ребусы отдыхают.

Это всё равно, что попросить меня сходить в церковь и взять интервью у попа. Он после первого же моего вопроса перекрестится в ужасе, а после выхода статьи – вовсе проклянёт.

Профессионалов таких, которые ничего не знают, но обо всём пишут, везде хватает. Возьмём хотя бы наш муниципальный вестник.

На прошлой неделе я у Ильиничны из почтового ящика свежий номер вытащил. На первой полосе – отчёт о визите

мэра в главную районную больницу. Читаешь и диву даёшься: медицинское оборудование новёхонькое, врачи сплошь и рядом кудесники, пациенты все как один в надёжных руках, да и вообще на здоровье налогоплательщиков экономить нельзя. А рядом – фотография: мэр вручает благодарственное письмо лучшему стоматологу города.

Месяца четыре назад мне довелось побывать на приёме у этого отблагодарённого. Инструменты в его кабинете старее, чем сантехника у меня в сталинке. Из врачебных чудес удалось запомнить только умение стоматолога ковыряться в моих зубах и одновременно обсуждать со своей помощницей последнюю серию «Дантристской саги». Назвать его руки надёжными можно было только из-за того, что он продемонстрировал отменную реакцию, сумев в последний момент поймать падающий на пол бур. А главное – на моём здоровье и впрямь не стали экономить: пятую часть зарплаты пришлось отдать.

На ваш взгляд, это я всё преувеличиваю или корреспондент полнейшую бредятину написал? С ответом, ясен пень, сразу не определишься. Но если добавлю, что хвалебную статейку сварганил племянник того самого стоматолога, который в свою очередь учился с мэром в параллельных классах школы, вам, надеюсь, всё станет ясно?

После такого, по-моему, не грех вручить благодарственное письмо и журналюге. За профессионализм и глубокое понимание врачебной тематики.

Иногда мне даже начинает казаться, что я ошибся с выбором профессии. Рожать такие тексты проще, чем жарить яйца. Главное – штампами умело орудовать: всё должно идти полным ходом, рассыпаться, как карточный домик, разлетаться, как горячие пирожки... Зазубрил с десяток избитых фразочек и валяй себе материал за материалом, лукаво не мудрствуя.

А с моей начитанностью – уж как-нибудь закроем глаза на неприязнь к духовной литературе – только и успевай всякие премии получать. Но я ведь нос не задираю. И перед чинушами не выслуживаюсь. В отличие от писак продажных,

которые все сплошь и рядом при высших образованиях, культишки веером, а зарабатывают почему-то меньше меня.

Не выкаблучивались бы тогда, по крайней мере, неучи дипломированные. Лучше бы для начала ещё что-нибудь, кроме букваря, прочитали. Для общего, так сказать, развития. Чтоб хотя бы пару новых словечек для себя открыть. Не говоря уже о новых сферах жизни.

Нет бы житейский сюжетец о высококвалифицированном охраннике сделать, значимость его труда отметить... Так ведь журналюгам куда сподручнее перед шишками всякими прогнуться, жижу навозную преподнести как супчик наваристый, а хороших людей, наоборот, мордой в грязь окунуть. Потому что мы этой самой мордой, видите ли, не вышли.

Благо земля круглая. Поквитаться с недругами могут не только богачи, но и простые люди. Помню, как только в башкину квартиру заехал, так сразу же с соседом по площадке поцарапался. Ко мне тогда корешки на новоселье приходили, курили в подъезде помногу. А соседу это не понравилось.

Он на площадку вышел, пару раз фотоаппаратом щёлкнул и пригрозил курильщикам, что если не прекратят дымить и хоть один бычок после себя оставят, то приедет дежурка. Доказательств того, что они смолили в общественном месте, дескать, хватит.

Я шум услышал, из-за двери выглянул и про новоселье закинулся – это ж разовая вещь, в конце-то концов. Но понимания не нашёл, и пришлось эгоистичного папарацци куда подальше послать.

Соседушка возмутился и давай распинаться, какие у него влиятельные друзья-полицаи, как нам всем будет худо, как мы раньше времени в землице сырой окажемся. Поволокло его конкретно, в общем. За это он, собственно, по мусалам и получил. А в органы так и не позвонил: услышал аудиозапись со своими угрозами и, боясь прославиться, сразу же присмирел.

Не зря мой кореш включал диктофон на мобильнике. Я потом ту запись знакомой журналистке передал. Она её в личных целях каким-то образом использовала, когда рыла

яму заместителю начальника местного ОВД, а в знак благодарности так умело меня проинтервьюировала, что даже девочкам по вызову не снилось.

Вдобавок ещё и сосед тот потерялся куда-то, причём навсегда. Не удивлюсь, если утонул, в лучах славы купаясь.

Ну а я с тех пор прессу зауважал по-настоящему. Стараюсь каждую неделю по два-три издания штудировать, чтобы от жизни не отставать и в курсе всех газетных уток быть. Теленовостями тоже не брезгую, с ними после тяжёлой рабочей смены не соскучишься.

Только вот комментариев, извините, не даю больше. Журналистская ватага и без меня во всём разберётся.

Гоша Синичкин вещает о поэтах

Признайтесь честно, хлопчики-девчата, кто из вас ни разу в жизни стишков не писал? Что, нет таких? Я ж знаю, что нет.

Сам ведь тоже писал. Давно уж дело было, ещё в школе. Из-под пёрышка моего всё какое-то корявенькое выходило, по большей части матерное или пошлое. Примерно такое:

Как увижу Нинку,
Так хочу обнять.
Но нельзя в обнимку
Голыми стоять.
Взрослые осудят
За такое нас.
И вдобавок будет
Хохотать весь класс.

Как видите, пыхтел, извилины напрягал, бумагу марал. Значит, тоже поэт? Пускай несостоявшийся, но ведь поэт же?

Да чтоб мне Данте в страшных снах снился, а я Пушкиным в них был! О какой поэзии вы говорите? Срифмовать пару строчек кособокой рифмой любой первоклассник может. Даже алкоголик.

Вон Женька, муж моей троюродной сестры, день через день квасит. Как нахлещется, так стихи супруге посвящать начинает. Что ни строфа, то шедевр:

Всю тебя облобызаю.
Ты ж моя такая зая!

Приятно слушать, согласитесь? За такое, мне кажется, и выходки пьяные простить не зазорно. А Женька нимб себе не вешает, виршами своими не кичится. И книжки, самое главное, не издаёт. Как некоторые.

Ну, как Ильинична, например, соседка моя, что двумя этажами ниже живёт. Активистка, гони её в стойло. То по библиотекам, то по музеям, то по театрам шастает постоянно. Куда ни явится, везде стишата свои свеженькие прочесть норовит.

Я её с Капустянихой застал однажды возле подъезда. Как раз во время декламации:

На дачу вечером пришла
И дело вмig себе нашла.
Водички в лейку налила
И лихо грядки полила.

Браво! Потрясающее чувство рифмы! Цветаева с Ахматовой в гробу перевернулись, наверное. Но Ильиничне этого лучше не говорить, а то гневный стишок мне посвятит – прославлюсь. Она всюду со своими подружками ходит, тоже поэтессами, как они себя величают. Так что слава обо мне вмig по району разлетится.

Мужика-то у Ильиничны нет, хотя годков ей уже за пятьдесят! Говорят, по молодости успела немного пожить с каким-то, но тот быстренько к другой убег. Попроще себе нашёл, менее интеллектуально развитую.

Ильинична и сама не отрицает, что они с ним из разных миров на Землю явились. Мол, не о чём было с этим закоренелым материалистом разговаривать. Не ценил он её поэзию,

ещё и на книжку дебютную денег зажмотил. Сказал, что куда важнее машину отремонтировать.

Хотя, знаете ли, книжка книжке рознь. Взять хотя бы «Избранное» Кирилла Петрунина, моего бывшего сокурсника по техникуму. Он мне свой сборник поэтический ещё лет пять назад дарил. С памятной надписью на обложке.

До сих пор храню. Когда ещё тебя в книге упомянут? Даже не упомянут – стихотворение целое посвятят!

Я однажды позвал Кирилла к себе на день рождения. Уже после армейки. Ну, захотелось собрать давних приятелей, вспомнить былое. А он мне в подарок набор инструментов притащил. И открытку поздравительную внутри спрятал.

В ней стишок был трогательный, почти до слёз. Увы, несколько смутно помню текст. Кажется, вот так:

На свете братана надёжней нет,
Чем Гоша. Всем открыто заявляю:
Продлится дружба наша сотню лет.
Тебя я с днём рождения поздравляю.

Позднее, уже года через два, Кирилл задумал сборник поэтический сколотить. Вот и начал по друзьям бегать, умоляя вернуть ему на месяц-другой всё, что он когда-либо наваял для нас. Мы только плечами пожимали. Но возвращали. А когда «Избранное» вышло из печати, то ситуация сразу же прояснилась.

Кирилл моментально первым парнем на районе стал. Девчонки к нему так и липли, просили вслух им что-нибудь почитать. И ведь не отказывал. Ни одной. Ни разу.

Действительно, добрейшей души был парняга. Жаль, что умер в прошлом году. Всего-то в тридцать с небольшим... У него с лёгкими непорядок был. Простывал много раз. Ну и докурился вдобавок. Так и не успели его талант в стране признать. Обидно.

Впрочем, не совсем туда я копнул. Лиц из народа трогать негоже. Меня куда больше забавляют поэты удостоверенные. Не все, конечно. Есть среди них и хорошие дядьки, войну пе-

режившие, на стройках выросшие. У них и закалка другая, и на нынешний бардак, царящий в стране, взгляд особенный.

Но молоды-ые!.. Смотрю на этих полупоэтов, ровесников своих, и яблоки глазные просятся наружу от полнейшего не-понимания. Выскочки с надменными улыбками и показной месячной небритостью. Какая польза обществу от них?

Пестрят разношёрстными одежонками да по кофейням заседают, хотя сами не батрачат нигде. Откуда деньги-то берут? Всяк у них автограф норовит взять, но процитировать хотя бы пару строк из их творчества не может. Что за известность такая?

А ещё ведь творческие вечера устраивают и всех желающих туда активно зазывают, но приходит всякий раз лишь два-три человека, тоже, кстати, поэты. Они так и наведываются друг к дружке поочерёдно, чтобы однажды, не дай бог, не сорвать собственное заседалово.

С одним из таких я лично знаком. Старики его любят, говорят, что у парня ярко выраженная гражданская позиция. Он ведь на каждом митинге, независимо от его причины, речи стихотворно-пламенные толкает, хотя жизнью не обстрелян. Университет даже окончить не смог: выперли с филфака за неуспеваемость в конце первого курса, потому что на учёбе не появлялся, полагая, будто преподаватели ему «пятаки» автоматом станут шлётать за стишата его пафосные. Всё к переворотам людей призывает, иногда даже к войне. Борец выискался!

Я борцу этому в дыню недавно заехал за то, что он дряхлой старухе с полными авоськами в руках место не уступил в автобусе. Так наш бедняжечка чуть не размагнитился с одного удара, заплакал, пулей на улицу выскочил и заявление в органы побежал писать.

Но не написал. Как мне рассказали, не захотел мотыляться по судам, время драгоценное терять. Недомерок стоя рождённый!

Эх, не стоило мне столь животрепещущую тему затрагивать. Только разозлил себя понапрасну. Ну не рождались

у нас, в Сибири-матушке, поэты в последние десятилетия. Не рож-да-лись! Так, пародия сплошная, сама себя же издающая.

Хотя нет. Попала мне в руки давечка книжонка одна. Кажись, «Помоги мне» называлась. Под авторством вполне себе молодого Антуана Нечаянного. Вот это вещь!

Автор, я вам скажу, оригинал ещё тот. И матерками орудует умело, и пошлости у него все к месту. С первых же страничек понравился мне:

Секс – это когда вместе
С другом едешь к его невесте
И не узнавая лжёшь.
Профиль её хорош,
Когда она так краснеет...
И то, что я делал с нею,
И как, и куда, и где...
А то, что она в беде,
Так я её не жалею.

Любой стишок выдёргиваешь – всё нетленка! Просто выдающаяся книга! Как, впрочем, и сам автор.

Побольше бы нам таких ребят. Настоящих, самобытных и где-то даже приземлённых. Не разлагольствующих о высших мирах или красотах невиданных, а правду-матку толкающих. Готовых не только на три советских отправить, судя по авторским стихам, но и в морду дать, ежели понадобится. Авось тогда и сознаньице бы людское изменилось, очевидные вещи замечать бы стали.

Гоша Синичкин вещает о Москве

Туда я больше ни ногой. Одной поездочки, пускай и не целиком за свой счёт, мне за глазища хватило. Навестил, называется, давнего приятеля... Отпраздновали новосельице... По сей день вспоминаю. Хотя минуло уже два года.

Прибыл я, значит, позапрошлым летом в столицу. От же-

лезнодорожного вокзала пешком потопал. И сразу нехватку кислорода ощутил. Дышится там в разы хуже, чем у нас, в Сибири.

Народу вокруг тьма, цены мрак, сам как в ночи. Не знаешь, куда податься, кому продаться, с кем подраться. Полдня прошлялся в поисках нужного адреса, а мне за это время ни дорогу никто не подсказал, ни улыбнулся хотя бы. Спешка. Всюду спешка.

А куда спешат-то? Можно не спрашивать. Сами ответа не знают. Но спешат, спешарики. Наверное, все деньги мира заработать хотят. У некоторых, пролетевших мимо меня, даже значки доллара в глазах светились. Можно сказать, горели. Померещилось? Вряд ли.

Один лишь приятель мой никуда не торопился. Видимо, спал – трубку не брал.

Пришлось мне что-то типа атласа покупать. Открыл его, полистал. И тогда в мозгу моём, окольцованном непонятными связями, пронеслось: самостоятельно дорогу точно не отыскать.

На автобусных остановках тоже все «неместные» стояли, как воды в рот набрали, ни слова проронить не могли, захлебнуться боялись. А в такси садиться – дешевле удавиться.

В общем, поплёлся я до первой встречной станции метро. Там минут двадцать петлял по подземным лабиринтам, лестницам, пытаясь сообразить, как попасть на нужный поезд; высчитывал, сколько раз придётся пересесть, сколько денег жал потратить; попутно ещё и от назойливых попрошаек отбивался.

Как выяснилось, все пересадки бесплатны – хоть на том спасибо. Но всё-таки изначально я не в ту сторону уехал. Запаниковал, стал оглядываться в поисках стоп-крана. Благо остановка какая-то за окнами замаячила. Пулей выскочил, как зэк на свободу, даже мужика в цивильном пальтишке чуть с ног не сшиб. А он и не заметил будто. Спешка – она ведь в порядке вещей там.

Можно было, наверное, и в бубен любому проходящему дать. Но не стал я свою теорию на практике применять.

Выдвинулся обратно. Потом мне ещё парочку раз пересесть пришлось. И вот тогда уже на нужной станции вышел. Но, очутившись на улице, понял, что мне – на другую сторону. А рядом – ни единого пешеходного перехода, машины безостановочно летают. Ещё и крысы отожравшиеся прямо под ногами бегают.

Снова паника, быстренько переросшая в бешенство. Я не нароком даже подумал взорвать этот минотаврополитен. А за одно – дом приятеля. Чтобы не было у него никаких новоселий. И поводов звать к себе людей в такую даль тоже не было, коли по-человечески не может встретить.

Нашёл я его пятиэтажку только ближе к четырём часам дня. Домофон не работал. Связь тоже внезапно пропала – без этого вообще никак. Пришлось под окнами стоять и кричать изо всех сил, чтобы наверху слышно было. Связки голосовые чуть не надорвал, вдобавок дряни какой-то наглотался. Лишний раз убедился: в Москве варежку почём зря не разевай.

Вдруг тётка незнакомая, фингалом сверкая, морду из окошка на верхнем этаже высунула и давай мне угрожать, мол, достали уже все приходить к ним, беспробудно квасить. Когда ж, думаю, корешок опуститься так успел? И спился меньше чем за год, и шмару страшеннюю откопал себе где-то...

Мыслишки мои скверные Борькин голос прервал. Пrijатель на балконе стоял, чуть левее. Когда мы встретились взглядами, он прокричал, что спустится через минутку и откроет мне. Но первым подъездную дверь распахнул жирный незнакомец в безразмерных семейниках, дырявой «алкашке» и с бутылкой в руке.

Эта туша сразу же прямиком на меня пошла, отчаянно давя засохший собачий кал, хрюплю матерясь и угрожая. Расслышать мне удалось только про какие-то долги и про ублюдков.

Потом толстяк замахнулся. Но приятель мой вовремя на улице оказался. Завалили мы жирдяя, пару раз ему по брюху желеобразному пнули и наверх пошли.

Оказалось, это был Борькин сосед по пятому этажу. Звать тоже Борисом. Пьянь несусветная. Достал всех. В том числе и полицаев. Они даже приезжать сюда перестали. Дескать, в таком огромном городе у них поважнее дела имеются.

К тому же, как они уверяли, хозяин алкопритона всё равно не платит штрафы, а держать его в камере нельзя, потому что никто не убит, не ранен. Так и объяснили всему подъезду: сами лучше с ним разберитесь – по хребтине двиньте разок, и тихо станет. Смельчаков, впрочем, до сих пор не находилось. Мы первые.

В Москве, как я понял, вообще никто работать не хочет. Всем бы только денежку получать за глаза свои якобы красивые. На худой конец, за работёнку непыльную. Ну, чтобы в пиджачке брендовом щеголять, словечками умными кидаться и при этом ничего своими руками не делать. А коли язык не подвешен да морда крива, тогда и ловить в столице ровным счётом нечего. Разве что водочку не просыхая кушать, как Борькин сосед.

Сидеть у приятеля дома я наотрез отказался. Хотя податься не прочь был. Особенно с жирной свиньёй, жаждущей закончить свою жизнь на шампуре. Но в родных краях тебя начальство отмажет, а здесь – некому. Поэтому грамотнее осадить себя и не дёргаться лишний раз.

Я бросил в угол сумку, отлил с дорожки, помыл руки и попросил Борьку показать мне Москву, пока не стемнело. И добавил, что новоселье отметим завтра. Тот обижаться не стал, понимающе кивнул и повёл меня гулять.

Точнее, повёз. В центр. Сказал, что я просто обязан увидеть Красную Площадь с Арбатом. Почему именно их? А, видимо, в Москве и побывать-то больше негде, раз уж свет клином сошёлся на этом площадно-арбатском участке.

По крайней мере, я ни про какие другие места в столице и не слышал. Разве что про Чистые пруды ещё. Но не припо-

минал, действительно ли они в Москве находятся. Уточнять у приятеля не стал, чтобы профаном не прослыть.

Пока плутали по столичным дорогам, дважды по невнимательности нужные повороты проезжали. А чтобы развернуться, приходилось пару лишних километров по прямой пилить. И кто ж такое придумал?! Наверное, тот самый, всем известный, с одной извилиной, такой же прямой, как его творения. Творения, надо сказать, малоприятные.

Красная Площадь тоже не впечатлила. Скопище ошалевших туристов моментально стало напрягать. Каждый норовил сфотографироваться перед всеми зданиями подряд. А я в этом смысла не видел. Чай, не пугало на грядке. В большой толпе фотоаппаратом не щёлкают.

Не по мне такая суeta. Сами задумайтесь: на дворе почти вечер, суббота, тепло, машин поблизости нет. Чего гоношиться то?.. Сброд сумасшедших! Даже куранты кремлёвские – и те спешили, судя по моим часам.

Отправились мы с Борькой на Арбат. Там как-то поспокойнее оказалось. Приятель объяснил мне, что эта улица сугубо пешеходная. Не успел я порадоваться, как нас со всех сторон взялись атаковать: то куклы ростовые, то братья чернокожие, то вообще какие-то полупокеры в полукедах.

Все они активно нас куда-то зазывали. Скорее всего, в магазины да забегаловки, которые на Арбате повсюду натыканы. Мне это тоже надоело. Сжал руку в кулак и давай им размахивать ненавязчиво – ни одна сволочь не посмела больше бумажку сунуть.

Прошагали с приятелем всего-то ничего. Смотрю: народ активно фотографируется возле памятников, даже в очередь встаёт. Приглядываюсь: Булат Окуджава и Александр, наше всё, Сергеевич. Не спорю, личности известные. Но чтобы такое столпотворение рядом с ними!..

Впрочем, стаду человеческому без разницы, где и перед кем позировать. Лишь бы домой побольше кадров привезти.

Пока я рылом своим торговал, мне иномарка в колено въехала. Ещё и больно так. Хорошо, что не на полном ходу.

Иначе бы мне до конца жизни стойким оловянным солдатиком пришлось быть.

Я сразу же дверцу открывать полез, чтобы проучить на-глеца. Нечего по пешеходным улицам разъезжать! Борька пытался меня успокоить, дескать, поперёк Арбата много пе-реулков для проезда транспорта, но мне как уши заложило. Не желал никого слушать. Двинул молокососу в подбородок и немного успокоился.

Пацан сразу за мобильником полез и, от страха трясясь, звонить кому-то начал. Вроде бы папаше своему. Требовал, чтобы тот все спецслужбы на ноги поднял. На pont меня взять хотел, щенок. А Борька, лопух, повёлся. Всполошился и рва-нул наутёк. Погуляли, мать их!

Как только мы с корешком в машину прыгнули, никем вроде бы не преследуемые, у меня вдруг Рублёвка в голове всплыла. Да-да, ещё одна столичная достопримечательность. И как я мог про неё забыть? Упрашивать Борьку не потребо-валось. Он рад был куда угодно сгинуть, лишь бы подальше от Арбата.

Поехали, в общем, до Рублёвки. Окольными путями. Ну, чтобы не светиться. Петляли часто, оглядывались – тоже. Вре-мя на глазах таяло. Едва, можно сказать, вырвались на свобо-ду и на нужной трассе оказались, как в пробке застряли. Пол-часаостояли – ни на метр не продвинулись.

Я решил выйти из машины и узнать, уснули там все, что ли. А приятель меня за руку схватил и сказал, что здесь всегда такая клоака, и посоветовал вести себя тихо. Не то, мол, и са-мим можно уснуть. Навечно.

Я не поверил. И тогда, будто по заказу, раздались выстrelы. Отчётливые такие. У меня инстинкт самосохранения сра-ботал сразу: голову к коленям поджимать начал и лбом о бар-дачок ударился.

Борька со смеху чуть не помер. Откуда ж я мог знать, что какому-то кретину пришла в голову идея снимать в такое вре-мя фильм неподалёку от кишащей машинами трассы?

Мы ещё долго там стояли, мытарились. И матерились тоже. Думал, задохнусь.

Из соседних машин иногда головы недовольных высаживались. Люди проклинали президента, его замов, звёзд шоубизнеса и прочих небожителей. Как раз в это время их нескончаемые кортежи беспрепятственно двигались по трассе, которую гаишники усердно расчищали.

Меня это вконец достало. Попросил Борьку разворачиваться. Кое-как сумели выбраться и уже затемно вернулись домой.

Помывшись и усевшись перед телевизором, разлили вискиарёк по стопкам, накатили за Борькино новоселье. Через пару минут – стук в дверь. Это Борис, который из противоположной квартирёнки, извиняться пришёл. Ему тоже налили. И давай втроём за жизнь трепаться, Москву-столицу хаять, Сибирь-матушку восхвалять.

Поразительное единомыслие зарождалось. Жаль, что сосед уже после трёх рюмок буйнить начал. Мы ему: «Тише будь!» А он только: «Шу-шу! Бульк!» Весь праздник нам испоганил.

Я лично этого гиппопотама бузящего с двух ударов уложил да на лестничную площадку выволок. Чуть спину себе не надорвал. Обошлось чудом.

Остатки вискиаря мы уже наедине с корешком распивали. И вдруг мне в телевизоре моя же морда почудилась. Будто бы нарисованная кем-то. Новостиочные шли. Ведущая говорила, что несколько часов назад на Старом Арбате неизвестный мужчина напал на отпрыска какого-то важного чиновника, выбил пацану несколько зубов, разбил ногой автомобильную фару, деньги отобрал и в сопровождении подельника скрылся с места происшествия.

Я полусонного Борьку за грудки потряс. Кое-как в чувство его привёл: один глаз открыть заставил, второй – не поддавался.

«Ты видел это?» – спросил я у приятеля, судорожно тыча пальцем в телевизор. А Борька мне равнодушно: «Ага, пой-

ло там, за ящиком. У меня его ещё много. Доставай, если хочешь». Заботливый такой.

Утром, едва проснувшись, я пожал приятелю руку, поблагодарил его за приём, успокоил, что обойдусь без Тверской, Замоскворечья, Третьяковки, Ленкома, Новодевичьего монастыря и прочей ерунды, побрился, неумело остриг несколько пучков волос на голове, переоделся, бросил вчерашние шмотки в ванную, сказав, что Борька может их постирать и носить сам, попросил его забыть, что я вообще когда-либо сюда приезжал, и отправился до метро.

Я не просто спешил, а почти бежал. Немного побаивался привлечь чужое внимание, но всем было некогда. На меня никто ни разу даже не посмотрел. Кроме двух бомжей в подземном переходе, которым я, вопреки их просьбам, не дал ни копейки и которые меня за это жидовской мордой обозвали. Прибил бы на месте обоих, если бы не... сами знаете что. Да и крыша у них там, если честно, тёрлась неподалёку.

Миновав благодаря подземке все дорожные заторы, я относительно быстро смог оказаться на вокзале. Там мне почти сразу же удалось сдать билет на поезд, который должен был отправиться до нашего города только через двое суток.

Вместо этого выцыганил квиток на более ранний рейс. Девушки, в том числе и кассирши, любят, когда им строят глазки. А шоколад любят ещё сильнее. Особенно когда он в огромных количествах. Уж на такое дело и потратиться не жалко. Свобода дороже.

Тем же вечером выдвинулся в родные пенаты, так толком и не посмотрев на Москву, но успев понять, что она из себя представляет. По пути горестно вспоминал Борьку, которому предстояло жить в этом леденящем душу городе, в атмосфере всеобщего безразличия, рядом с невменяемым тёзкой, как в самом настоящем аду.

А по мере приближения к дому всё больше убеждался в том, что в центре нашей необъятной страны гораздотише и краше, чем в её столице. И что пробки в Сибири куда чаще можно увидеть в бутылочных горлышках, нежели на трассах.

Люблю я всё-таки свой город и свой край! Ни на что на свете их не променяю. Да и менять-то, прямо скажем, не на что.

Гоша Синичкин вещает о депутатах

Больная тема. Но молчать уже невмоготу. Сколько можно выбирать этих лодырей да богачей?

Наши проблемы беспокоят их ровным счётом так же, как меня, допустим, непопадание футбольной сборной России на чемпионат мира. Дорываются, хапуги, до власти и выдыхают спокойно: теперь можно беспрерывно по загранкам мотаться да делишки свои тёмные проворачивать, никого не опасаясь. Настолько борзыми становятся, что кого хочешь законодают.

Пришёл я недавно к одному такому, из богатеньких, на приём. Поздоровался. Ответа не дождался. Ну и ладно, думаю, не до приятностей сейчас. Говорю ему, мол, проблемка имеется: коммунальщики наши воруют по-чёрному, гребут с каждой квартиры по три косаря за содержание жилого помещения, адрес такой-то. А этот пузатик на меня удивлённо пялится и, кашлянув, вопрошает: «Ты, вообще, кто?»

Я, собственно говоря, никто. Деньжищ баснословных не получаю, мамон отрастить не успел. Но для начала попросил важного дядю не «тыкать» мне. Ведь если сам тыкну, то и зубов можно не собрать.

Он, видимо, не понял и на дверь мне указал. А потом как услышал, что я, дурак этакий, голосовал за него на минувших выборах, то внезапно седалище своё от кресла оторвал, кулаком по столу зарядил и лгуном меня обозвал.

Доказывать ему что-либо не имело резона. Копией избирательного бюллетеня я не располагал. Лишь заявил напоследок, что в следующий раз этот жирдяй моего голоса уже не получит. И не только моего, но и большинства жильцов нашего дома.

Тот расхохотался, волнообразно своим пузиком тряся, и поспешил заверить, что «не вашим голосам повелевать, кому мандаты депутатские давать». Да кто бы сомневался!

Вышел я из кабинета, дверью хлопнул, но удаляться не спешил. А когда шнурки перевязывать стал, то услышал, как избранник наш, сладко спящий на каждой сессии, звонит кому-то и говорит: «Ты с расценками-то потише, друг! Народ уже ко мне лично жаловаться приходит. Долго отмазываться не смогу. Уж продержитесь как-нибудь до следующего повышения тарифов».

Не пора ли прекращать этот порочный круговорот? Даёшь людей из народа!

Каких конкретно? Да вон хотя бы Егорыча, который наш двор подметает, возьмём. Мужик хоть и в возрасте приличном, лет пять до пенсии осталось, зато с руками. И с сердцем. И с головой тоже. Работы черновой не чурается. В просьбах людям не отказывает. Зарплату себе повысить не требует – и без того немало деньжат и вещичек ценных на улице находит.

Разве что возвращать найденное хозяевам не торопится. Но это, по словам Егорыча, из сугубо благих целей делается: чтобы народ научился собственное имущество ценить. Поддерживаю. Такого в депутаты изберёшь – не только дворы от грязи очистишь. А если совсем уж не туда заметёт, так ему только налей, и он махом исправится.

Тимур Бугурусланов, сын двоюродной сестры подруги моей матери, тоже достойный кандидат. Парняге уж двадцать пять, если не больше, а он всё слесарюгой пашет. И в ус не дует – только в трубы иногда. Твердит постоянно, мол, если не я, то кто? Вообще молодчик! Его бы в депутатское кресло посадить, и все проблемы ЖКХ исчезли бы максимум через год.

Кто с чужими испражнениями дела имел, сам где попало не нагадит. Заодно и других научит убирать за собой. Достаточно будет жёсткую систему наказаний внедрить. Вплоть до прилюдного поедания своих же экскрементов.

Вы только ничего плохого не подумайте: я говорю об уличных баннерах, порочащих личность провинившегося, или о принудительных извинениях на телевидении и радио. Такая власть только порядочным людям и будет всласть.

А ещё можно Ленку Кудреватову туда, в депутаты. Она поварихой в нашей заводской столовке работает. Борщ улётный варит, ни мяска, ни сметанки не жалеет, на слова приятные не скупится, улыбкой роскошной каждого озаряет. Как говорится, всё для нас, для работяг.

Только вот на свидание со мной никак не соглашается, боится, видимо, за сохранность своих дынек четвёртого размера. Хорошо, что не прячет их совсем от чужих глаз.

Такая на заседании комиссии встанет, речь tolknёт – весь корпус депутатский, как заворожённый, «за» проголосует. Причём Кудреватова, хоть и привыкла кормить народ, с рецептом «обещаний классических» не знакома совершенно. Готовить будет исключительно реальные проекты, которые железно встанут поперёк горла нечистым на руку людышкам. Останется только поварёшкой в лоб им заехать, чтобы проглотили и переварили.

Егорыч, Тимур, Ленка... Думаете, таким экземплярам ничего не светит при народном голосовании? Ерунда! Ребятки в порядке!

У нас вон даже проститутку в региональное собрание избрали. И сколько ни говори этой выскочеке, что мандат у неё не того пошиба для депутатки, она упорно на своём стоит, мол, по праву креслице заслужила и ещё даст народу о себе знать. Только бы давала.

Уже и законопроект фантастический подготовила – о легализации древнейшей профессии. Уверен, что его быстренько примут. В первом же чтении. Даже не читая.

Председатель-то давно с этой активисткой в тесной дружбе состоит. И другим парламентариям тоже, бывало, дружить приходилось. Такая вот компанейская бабёнка.

Откуда знаю? Да всё оттуда же. Номерок телефонный, которым периодически пользуюсь, помог секреты раскрыть.

Вернее, девчонки, приезжающие по вызовам, без утайки рассказали мне, кто с кем и где.

Та депутана как раз у них свою профессиональную деятельность и начинала. В итоге до мандата дослужилась. Как говорится, чем поработаешь, на то и заработаешь. Потом только и успевай интересы свои лоббировать. А при помощи лба или лобка – каждый решает сам.

Если уж совсем откровенно, начистоту, то даже я свою кандидатуру мог бы протолкнуть. Корешки не единожды меня об этом просили. Дескать, давай, Гонич, выдвигайся, мы и сами за тебя проголосуем, и других убедим, а ты нашу жизнь к лучшему изменишь. Но я себя в роли всеобщего спасителя пока не вижу.

Почему? Да не созрел ещё. Передерусь ведь со всеми депутатами на первой же сессии. А справедливости не добьюсь. Выживут меня оттуда. Любыми путями. Не обязательно законными. Иначе никак. Либо общей массе уподобляйся и заседай сколько влезет, либо порядочным человеком оставайся, но уже вне парламента.

Таков уж мой выбор. Да простят меня те, кого я желаемого выбора лишаю...

Впрочем, если пойму, что поддержка избирателей будет не только внушительной, но и искренней, то, возможно, соглашусь во всю эту канитель ввязаться. И вот тогда уж точно дам прикурить тем, кто в депутатских креслицах без дела засиделся.

Сейчас этих лодырей некому расшевелить, сами знаете. А так хоть я раздражителем буду. И новатором заодно.

Давно уже следовало начать порядок на местах наводить. Тогда и жили бы лучше. И веселей, ясен пень. Конечно, для этого и действия нужны решительные, а не просто словечки красивые. Но я привык за свой базар отвечать. Кто знает, тот знает.

Чёрт возьми, на ровном месте себя раззадорил. В общем, плевать на всё! Решено: выдвигаюсь! И на ваши голоса в таком случае надеюсь.

Когда? Да на предстоящих выборах, чего уж тянуть. Сами приходите и друзей своих приводите. Можете и люмпенов с маргиналами привлечь – за мной не заржавеет. Как истинный охранник всегда на страже ваших интересов буду.

Осталось только костюмчик цивильный прикупить. Не в рабочей же униформе на людях показываться. А предвыборная программа уже готова. Прошу считать ею всё то, что я наговорил за предыдущее время. От души ведь вещал, никакого не кривя.

Всеми силами буду добиваться:

- чтобы врачам доплачивали за каждый успешно проведённый приём или операцию, согласно отзывам пациентов;

- чтобы стоимость проезда в общественном транспорте, особенно при таком плачевном сервисе, уменьшилась вдвое, а при предъявлении кондуктору водительских прав и автостраховки одновременно – вообще вчетверо;

- чтобы сборную страны по футболу безвозвратно разогнали, а треть эфирного времени на центральных телеканалах равномерно раскидали на все олимпийские виды спорта;

- чтобы благородные напитки были приравнены к молоку и продавались даже ночью, но не больше полулитра в одни руки;

- чтобы шумные соседи, подкупные журналисты, владельцы бешеных собак, да и сами хвостатые тоже, получали реальные наказания за свои звериные выходки;

- чтобы все поэты, не достигшие пенсионного возраста, были принудительно трудоустроены;

- чтобы все, кто по своей воле уехал в Москву и прожил там более семи лет, получали разрешение вернуться в родные края только через исправительные работы на благо своей отчизны.

Вот так!

Ежели я чего лишнего успел ляпнуть, то вы мне прямо об этом скажите – исправлюсь обязательно. Готов даже через себя переступить, удалить из памяти номер волшебного телефончика и, для соответствия статусу, жениться. На кроткой

красотке. Но пока не уверен, что в природе существует такой подвид жёнообразных.

Вы, главное, звоните, пишите, обращайтесь. Без диалога нам с вами общего языка не найти. Не нужно бояться прямизны и откровенности. Обещаю, что никого за это бить не стану. Если только вы, конечно, не собрались отдать свой голос кому-нибудь другому...

Испугались? Напрасно. Я ведь пошутил. Просто уже под коньячком сижу. Предстоящее выдвижение отмечаю. И вам – не хворать!

Послесловие Гоши Синичкина

И снова привет, но, как и прежде, не всем. Кто всё ещё плохо обо мне думает, знайте: я не думаю о вас вообще! Теперь, когда прошло уже два года с момента завершения последней предвыборной кампании, мне и думать-то больше не о чём, кроме как о сохранении депутатской неприкосновенности.

Да, я всё-таки сумел пролезть в парламентский мирок. Причём без всякой помощи со стороны.

Друзья мои, конечно, неплохо потрудились. Как и зарекались, собрали для меня кучу подписей, не взяв взамен ни копейки. Недели две бегали по окрестным дворам и упрашивали людей оставить свои автографы в поддержку меня как будущего депутата. Но всеми этими бумажонками, как в итоге оказалось, можно было смело подтереться.

Почти треть подписей в избиркоме забраковали. Я столько нового и малоприятного о себе тогда услышал, что просто затрясся в гневе. Нашли, изволите ли, алкоголика... Наивные у меня, понимаете ли, собутыльники... Плохой из меня, знаете ли, художник... Половина подписей, видите ли, подделана...

В общем, матюги с кулаками сами в ход пошли. Председателю избиркома я больше всех навалял: мой фирменный автограф потом ещё долго у него на лбу красовался. Остальным знатокам-почерковедам тоже перепало. В таких делах не до избирательности. Под горячую руку мне тогда попались и два

охранника, прибывшие по вызову, и даже действующий депутат Иванчук, заглянувший в избирком по личному вопросу.

Это была судьба. Познакомившись с моей мозолистой правой, Иванчук отскочил в сторонку и стал пристально за мной наблюдать, как болельщик за спортсменом. Остановить не пытался, к порядку не призывал, в органы не звонил. Просто подождал, когда я всех там положу и остыну, вышел со мной на улицу и попросил рассказать, что же меня так взбесило. А выговориться, действительно, ой как хотелось!

Дядька попался понимающий. Безапелляционно мою позицию занял. Даже за мордой не осудил. Ещё и в ресторанчик пригласил, за знакомство вискарика дерябнуть. Я на это – без задних мыслей. Пришли, удобненько расположились, культурно выпили, разоткровенничались.

Тут-то Иванчук конторку и спалил, дескать, моя удаль ему по душе пришла. Сказал, чтобы я бросал свою никчёмную работёнку и переходил к нему в личную охрану. От подобных предложений, ясен пень, не отказываются. Поэтому мы сразу по рукам ударили. И по бокальчику заключительному.

Как только выборы прошли, я к Иванчуку перекочевал. Дауна с собой забрал, чтобы хотя дома от тоски и голодухи не помирал. И ничуть не жалею о решении, которое принял.

Получаю у Иванчука, не стану врать, почти столько же, сколько мне платили на базе. Ну, чуть побольше. Зато теперь я, Гоша Синичкин, полноправный член депутатской тусовки, со многими вытекающими. А главное – охраняю не только Иванчука, но и его фигуристую жёнушку-красу Настасью.

Уж она-то знает, чем и как доплачивать преданному, добросовестному работнику. И меня на убой кормит, и сама ненасытная. Обоим не на что жаловаться.

Лишь бы только вечно занятый Иванчук ни о чём не догадался. А то мне страх как не хочется с креслицем депутатским расставаться. В нём, дорогущем, кожаном, у нас с Настенькой ловчее всего получается.

Так что пускай всё на своих местах остаётся. Жертвы никому не нужны. Как и сладкой женщине – диабетик. 2013 г.

Роман

Василий Ширяев

пос. Вулканный Камчатского края

Копошилоъ

неоконченный роман из великосветской жизни при
старом режиме с эпилогом

Глава первая Дядюшкин смерть

— Vous êtes un parfait cochon, Voldemar! — произнес барон Б., отворачиваясь в широкому акну, в котором падали кружащие в причудливом pas-de-deux разные снежинки и снежные хлопья.

— Baron, je ne mange pas six jour,— произнес повеса Вольдемар, дожёвывая пирожок с маком. Это был малодой человек изрядной наружности с длинными руками, ногами и головой. Он был потомок одной захудалой графской линии графов Г. несчастно играл и по уши в долгах. К тому же дважды привлекался по 121 ст. за хулиганство. В свете ходили слухи о том, как он зашел якобы на five o'clock к виконту В., и у того якобы что-то пропало из бумаг, но это в сторону. Это был высокий и несколько опухший молодой человек приятной наружности и столь же неопределенного возраста. Волосы его были аккуратно зачесаны за уши по последней моде à la Gavroche.

— Mais, eh bien, cher ami, il faut que vous épousiez vous. Un joli garçon comme tu... Vouz me comprenez, j'espèrre. Барон отвернулся от окна, в котором он любовался извилистыми pas-de-deux снежинок, сел за стол и опустил ноги барона в таз с горячей водой. Барон был тяжко болел и подвергался тяжёлым атакам подагры, сопровождавшихся ужасными приступами клептомании. Были годы когда он месецами не покидал

кровать. Кроме того он уже где-то был под судом за растрату государственных имуществ и растление в сиротских приютах. То есть он был выпущен *on bail* по протекции сановного князя К., проживавшего большую частью заграницей на водах в Baden-Badene, где белокурые *Gretchen* занимали его в твердой валюте. Это был, как говорят французы, мужчина в самом расцвете сил с бритым по последней парижской моде лицом à la *Vidocq*, и бритой по последней моде головой à la *je-hais-les-juifs*, и немного смакивающий на Полеона. Итак барон Б. был *un honnête homme très comme il faut* и на хорошем счету у государя. Взгляд его блуждал по комнате.

— Je vous vais donner une lettre de recommandance à la comtesse Prygounoff. Elle est ma vieille amie, nous faisions beaucoup de blagues et de follies ensemble dans le Paris, quand j'étais un page et officier de notre embassade. Quand on est jeune et riche, il n'y a pas rien meilleur que cette ville!

Он похрустел пальцами (*les doigts*), откинувшись в кресле и взялся за перо. Как нарочно стол был завален всякой дрянью: чернильница в форме Сусанны, совершенно новая стопка банковских билетов, неразрезанный роман *Paul de Kock*, который уже fait du bruit dans les salons,увесистый череп баронского предка подаренный Пушкиным в качестве пепельницы, несколько предметов нижнего туалета, новенький блестящий револьвер системы *Nagan*, початая чашка чаю, какие-то нужные бумаги — словом много всяческой дряни, которую парижские французы, будучи галантным *sèxe*'ом называют *les effets propres*. Просторы шикарного кабинета были драпированы шкурами, рогами и курительными трубками. В свете увесистого подсвечника поблескивал корешками «Брокгауз» и Свод Законов Российской Империи.

— C'est la vie, mon cher ami, cherchez la femme pour faire l'amour et la fortune,— благосклонно продолжал барон, наблюдая за эволюциями своего молодого друга. — J'espère que vous trouviez votre autre moitié avec un bon trousseau et feriez de la fortune, si vous ne vous précipiteriez pas dans le infâme jeu des cartes, le baccarat. Et finissez-vous donc faire l'amour avec les

petits fils des moujiks, ça n'est pas plus de vogue, mais non plus, après de l'incident malheureux du vieux comte. Je souhaite que vous ne prendriez pas de la voie torte de votre fou cousin.

Молодой шенапан делал большие шаги по кабинету, фальды его развивались.

— Mais, mon oncle, je n'aime pas tels tours de force non plus mieux que je n'aime pas les femmes. Il ne va pas comme ça. Il ne va point jamais. Je manque de l'argent. Je dois payer mes dettes à jeu. Et vous savez bien que les dettes à cartes sont les dettes sacrées.

Барон одернул фрак и впился глазами в собеседника. Половая юность молодого шенапана явно протекала в боскетах Фонтенбло. Изящным жестом он поднял своё dossier.

— Vouz êtes cruel, cher enfant! Donnez-moi un seul de vos baisers!

Молодой шенапан страдал перемежающимся сифилисом. Это был благородный и вместе пылкий молодой человек. Он не мог чтобы не потрапать за фижмы хорошенъкой горничной. Он вздымался и брюки на нем лоснились от счастья. Надменный борон презрительно выпил свою чашку чаю.

«Il faut que j'interrompe cet tête-à-tête désagréable. C'est là, cette belle grisette, qui va venir bientôt. Je l'attends donc! Comment pourrais-je oublier de ça?» Молодой человек со всем благородством опустился на колени и грыз ногти от волнения. «Quelles bêtises dit-il, cet vieil âne!»

— Ça fait de l'honneur à vos bons sentiments, mon petit. Plus de courage!

— Je ne suis pas votre joujou, cher oncle !

Барон улыбнулся своей великосветской улыбкой, которой умеют улыбаться только долго жившие во дворе дворяне и обнажил свои желтые клыки матерого волка. В глазах барона забегали огоньки.

«... мать!» вдруг пронеслось у него в голове. Вольдемар стремительно снял со стены чубук и оглушил барона ударом по затылку. Барон откинулся в кресле и рот его вспенился, как только что открытая бутылка пива писателя Стогова. Член его конечностей трепетал в преддверии агонии. Вольдемар был

вне себя. Словно одержимый он вращал глазами. Во рту у него выступила пена перед смертью его дяди. Вольдемар вложил в рот дядюшке новенький револьвер и потянул гашетку. Шкуры на стенах смягчили звук выстрела. Как это часто бывает при выстрелах с близкого расстояния пуля не успела набрать скорость. Черепная коробка дядюшки представляла собой невыразимое откровение.

«Il n'y a personne qui pourrais me nommer ‘cochon’. Voilà la vengeance, cher diadiouchka! Vous m'avez déjà payé pour le ‘cochon’ et vous paiera encore mes dettes.»

Вольдемар порывисто прикарманил хрустящую пачку билетов, отворил окно и исчез в снегу. Его тошнил пирожок с маком.

Темнело. По столу медленно растекались чернила.

Глава вторая Негели

Вольдемар прошел прямо, потом свернул направо, потом опять прямо, потом постоял перед кабаком, потом опять прямо, потом повернулся в Гороховую, опять постоял перед кабаком. Зашел в кабак, выпил рюмку водки, вышел из кабака и свернулся направо.

«Si l'on toujours se tourne à droite, on trouvera peut-être la sortie» – быстрее молнии пронеслось у него в голове. Он покраснел как первая барышня.

Дома были высокие. С неба неслось снегом. Пролетки пролетали заносясь юзом на перекрестке. Кони гадили пометом в проезжую часть. В лужах возились о чем-то мужики. Юрод демонстрировал процессы разложения.

– Помогите нахуй!

– Шутка ли!

– Батюшка-барин! Копеечку!..... – неслось со всех сторон.

«Le moujik russe est un vrai cochon» мыслил Вольдемар. Он свернул направо, потом прямо, потом опять направо, не-

ожиданно форсировал Тверскую. Люд спешил. Поминутно хлопали двери в кабаках.

В это время кавалерийским шагом по пыльному узкому коридору в кабинет барона вошли трое в черном чиновники охранного отделения в широкополой шляпе и недавно перебитым и потому методично заклеенным носом. На бароне уже царил небольшой сугроб с вмерзшими в таз нагами.

— Ach, Karlchen, Herr Baron war immer weiter eine nette Nachbarschaft! Aber diese Poltergeiste!..

— Halt dein Maul, meine Liebe, halt dein Maul, — шушукнулись понятые.

Пока с перебитым носом раздробнивал комод наполня员 воздух хлопьями документов, рыжеватый хлипкий с развратными действиями утешал безутешных горничных. Заплаченные горничные бились в углах как загнанные мыши. Они оставались безутешны.

«Придется пристрелить» — в унисон подумали рыжеватый и с перебитым носом. Прогремел гром, сверкнула молния и повалил снег, Вольдемар зашол в кабак.

«Je me suis déjà assez promené. Ma gueule est sèche comme tous les déserts d'Afrique. Je porrais mourir de la sécheresse!»

Кругом пошаливали офицеры. Студенты взахлеб нюхали из табакерки. У стойки сгущались жидкости. Стоял последний день Помпеи Брюллова. Мелькали кии. Булькало шампанское. Бесшабашность заваривалась нешуточная.

— Je viens de chercher vous, mon prince!

— Cherchez la femme, M. le comte. Je vous attends tous les jours.

— D'habitude je ne suis parmi les vivants dans la journée comme les certains animaux je ne vis que la nuit.

— Ne dites pas de bêtises, mon cher comte. Vous faites comme si vous voudriez faire tous le monde croire que vous êtes autant fou que votre misérable cousin. A propos, il est ici.

— Encore un mot de mon cousin et je ne sais pas quoi me pourra empêcher de casser votre tête avec ce machin-là, — всхухнул Вольдемар. Он сожалел о внезапной смерти дяди. Его со-

беседником был известный князь Хвостовский, преотменный дебошан и черт еще знает что. Игрок, многоженец, социалист, фальшивомонетчик и только что не грабил на Волге. Это были вместилище и чудовище мерзости. Он пропадал по кафешантанам порока и гнездам разврата. Вокруг него увивалась нечистая сила, родителеубийцы, подонки малолетних и жидомасоны.

– Ne vous en faites pas, mon cher ami cochon. Je sais bien que vous m’allez rendre la monnaie sur-le-champ, c’est pourquoi j’ai déjà ordonné une ‘Veuve Cliquot’ por nous fêter ça. Selon mes calculs vous, mon cher ami, devez déjà avoir empoché l’argent de votre cher oncle décrepit.

Бесшабашность между тем произрастала все более и более нешуточная. Взвод отъявленных подпоручиков кроша табельными шашками собственные отражения прорывался в области sortir’а.

Вольдемар был вне себя от бешенства. Князь сильно давал себя знать и искал на нём немало 10 тысяч, но Вольдемар был тоже сильно на уме и пустил бы многое чтоб ничто вышло наружу. Князь слегка побледнел, его чуть-чуть сутило.

– Garçon! – завыл кн. Хвостовский.

– Garçon! – взвыл Вольдемар.

Принесенную ‘Veuve Cliquot’ князь аккуратно обрушил на голову молодого шенапана случайно задев сонную артерию. Потом обыскал Вольдемара, отслюнил половому 100 чаевых, сел на ваньку и уехал в деревню.

Глава третья В деревню

Деревня, где устремился кн.Хвостецкий, было прелестный уголок. Князь выиграл её в секу у герцога Пожарского нет не родственника.

«Теперь я обеспечен по гроб жизни» – мечтал князь, пересчитывая облапошенные у молодого шенапана купюры. Как все messieurs pas trop comme il faut он иногда думал по-русски.

Проносились березы, порхали совы. На голову ваньки падал снег.

– Эх, залетные! – в восторге заорал ванька.

«*Je ne sera pas moi, si je ne casserais la caisse de la carosse de la poste en passent*» – подумал князь. Как назло они поровнялись с почтовой каретой.

– Parbleu, attend, tu fils de la chienne! Baisé ta mère, va t'faire foutre! Halte! ou je vais tirer, la bourse ou la mort!

Князь, помогаемый усилиями расторопного ваньки перевернули карету и задрали фельдъегеря. Князю в карете было письмо.

«*Mon ange, tout est fini entre nous. Je reviens chez lui. Ne vous dérangez pas et ne tâchez de me récupérer. Votre ancienne Natalie.*»

Слёзы душили князя. Князю было более херово. Он прилонился спиной к берёзе чтобы стоять. В это время Вольдемар совсем убитый лежал с головой на столике в кафешантане. Труп его соскучился. Вокруг увивались черномазые жиденята и пробовали на палец ‘*Veuve Cliquot*’.

Граф Филипп, приметив труп кузена, покидал кабаре. Это был как бы расслабленный и беспутный молодой человек еще в самом соку и как бы много навеселе.

– Не замай, барин, – пробасил лохматый дворник из волгодских мещан. Филипп действительно шёл как во сне. Падал снег или что-то в этом роде.

«*Tombe la neige! Ô comme j'adore les saisons russes, les saisons à l'enfer, comme j'aime les barbes des moujiks très jolis. Je suis hooligan, comme l'on c'appelle dans l'Angleterre, mais j'aime bien la patrie avec toute mon cœur entière!*»

– Parbleu! Mais où vais-je? – вырвалось у него. Тут нашего героя следовало бы проблевать от чересчур патриотических мыслей (чево ждут благосклонные читатели) но хер там. Это был в самом соку. Да и некуда. Кругом люд. На пролетке едут к бельдям господа офицеры. Спешат тоже по своим надобностям мастеровые. Буржуи променируют себя для моциона. Обратно падает снег.

«Mais je suis donc marché à l'Angleterre! Quel drôle d'âne suis-je! J'ai donc un rendez-vous avec Mimi!» – граф спохватился, нахлабучил цилиндр и взял экипаж.

Всё утро и весь день он провел с плохо гавкающими понемецкими студентами. Говорили о родине и прочем, как новинку читали *Manifest der kommunistischen Partei* от еврея К. Маркса.

«Les dégénérés maudits, sacrebleu!» Дело в том, что несмотря на свой мизерабельный имидж, граф давно посещал сходки по просьбе дальнего шурина своей бывшей сестры, который протежировал ему.

Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus. Alle Mächte des alten Europa haben sich zu einer heiligen Hetzjagd gegen dies Gespenst verbündet, der Papst und der Zar, Metternich und Guizot, französische Radikale und deutsche Polizisten.

Тем временем ванька тихонько придовил князя кнутовищем. Князь трепетал. «Эк его мучается болезный» сердобольно запорошил барина ванька. Светила луна. На луну выли волки. Пархали совы. Шатались кое-как медведи. Порскали лисы. Снег отчаянно поскрипывал под сапогами. «Quel paysage!» Жертва ярости народного гнева лежал на снегу. Ванька на рысях уходил в лес.

Глава 4 Уходили в лес

В чащме было темно. Пуща. «Жинке на подарок» – думал ванька. «... мать... Эх, барин был...» Он рвался до времени схорониться в скиту. Пархали совы, ревели медведи. Луна краснела и бледнела. «Что-то пазонки у коренника замолаживает...» – тоном профессионала подумал ванька.

Труп князя Хвостовского обнаружила группа тульских дворян загоняя зайца.

— Oh, mon Dieu! Baron, il y a probablement deux heures qu'il est mort cet homme ici, mais l'officier de la carosse postale est mort aussi et plus longment.

Охотники в сапогах хрустели вокруг. Труп князя лежал некрасиво.

— Il faut que nous poursuivions le malfaiteur. Nos levriettes doivent prendre sa piste. Voulez-vous de cognac, colonnel?

Они распили фляжку коньяку. Полковник крякнул в изнеможении. Лес стоял. Посланник высыпался по русскому обычаю.

— Je pense que ce sont les brigands formidablement fous de Moscou, qui ont fait justice du misérable. Montez vos chevaux, messieurs!

Охотники оседлали верхом и по-кавалерийски врубились в лес, оглашая его рогами. Въехали в поле. Погоня шла полным ходом.

Хозяином охоты был красавец, граф и бастард маршала Суворова от племенной крымской татарки Victor Драгунский. Ему многое везло и многое сходило с рук. На лице его как смоль чернели усы и улыбка *du bel homme de beau monde et de belle taille*. Victor импонировал ростом и мастью своих волосов. Просаживаясь в вист с посланником Victor имел амбиций отыграть весь внешнеимперский заграничный долг. Словом это был неординарный светский шалопай, впрочем неприятный во дворе.

Дорога вышла в чисто поле. Бешено краснела луна. Лягавые порскнули косых и тройка прядала обеими ногами. Погоня настигала. Снег сыпал за шиворот изящного охотничьего шлафрока графа. Снег летел из-под копыт. Ветер свистел.

— Эх, залетные! — в восторге заорал ванька. Красная как свекла луна пряталась по-за деревьями леса. Лягавые варили варом. Снег летел отавсюду.

— Attendez ou je vais tirer, tu manent sot !

— Canaille sale !

— А по-сопатке?!

— !

Коренник в запале стал на дыбы и тройка накрылась с гиканьем и свистом. Князь остановил пришпорившего жеребца и протрубил в трубу. На санях привезли 2 заспаных своры борзых и стали отравить мчавшего от ошеломления ваньку. Английский посланник тоже был в своре.

– Comme on dit dans la sainte Russie «La dette est rouge par le paiement». À charge de revanche.

Не подарит ванька бабе головной убор. Собаки борзò рвали ваньку зубами. Было тихо. Английский посланник курил трубку.

– Voulez-vous un petit verre du cognac, monsieur ?

– Oh, yes, je vous en prie.

– Батюшка-барин, Виктор Саныч! – заревел матерый дозежачий, протягивая барину.

– Молодец, Прошка! Рюмку водки! Prenez ça en compte de notre dette d'état extérieure.

Английский посланник невозмутимо убрал купюры в портфель. В красном снегу доходил ванька. С гиканьем и свистом охотники умчались пить водку.

В это время государственные шпионы с перебитым носом скакали через темный лес по следу. Они скакали по следу мертвого барона, меняя лошадей как перчатки. Около государственных шпионов кружили хищные птицы пернатые кровососущие. Ихние черные плащи и шляпы развивались типа как падаль. Русский лес смердел разбойниками и всякой пугачёвщинкой. Черные государственные всадники скакали, топая копытами. *Dans la Sainte Russie, comme on dit, il y a deux problèmes: les voies et les sots.*

Ванька сел. Он хотел пить. Беспалой ладонью он зачерпнул красный снег. Снег почему-то был соленый. Ванька захотел пить еще больше. Ванька встал на четвереньки и как Маресьев пополз, чтобы припасть к ближайшему источнику пресной воды. В полынье ванька увидел мохнатое лицо с острыми ушами. Он быстро покрылся черной шерстью. На месте объеденных борзыми пальцев показались когти. Ванька попил воды,

погрыз леденящую кобылу и завалился в свободную берлогу. Лес огласился сытым храпом свежего вампира.

Глава 5

Хорошо горим

Колосилась озимь. Охотники вдруг подъехали к родовому сельцу Victor'a, Евстигнеевке. На сонце блестел купол сельца было зажиточное.

— Parbleu, baron, n'y-a-t-il de femmes jolies dans cette village maudite?!. Ô! Comme je veux satisfaire ma sensualité bien naturelle!

Кучку охотников составляли сам граф, барон, маркиз, герцог, посланник-вицонт и мелкопоместные захолустные соседи из уезда.

— Девки у нас? Девки — во! Ты её...

— Или на сеновале, знаете ли. Заберешся по-благородному и девок портишь! А они поганки и рады... Барская милость некоторым образом. Формарьаж-с! Почва-с! Перегной-с! А вы говорите Баден-Баден!.. — возникал доморощеный славянофил Илья Иудович Скоцкий. Илья Иудович в этом смысле был не без образования и крестьянские ребетишки, воспетые певцом народного горя Н.А.Некрасовым, в вотчине Ильи Иудовича вовсю напоминали раднова барина.

Илья Иудович не-по-наслышке что называется был отец радной полчища своих дворовых и так сказать охулки не клал и чего другова. И как говорится был барин немножко с придурию и законных детей не имел, а с незаконными, которых у него было пруд пруди, он нередко от мелкопоместности своей хаживал на большую дорогу по кормиться. Адним словом развел в своем медвежьем углу махровый феодализм, разбивал обозы мучные и с рыбой, бесчинствовал, неистовствовал и охотно надругался над проезжающими.

Год назад занесла нелёхкая купца Пантелейева со товарищи, которого купца И.Иудович посадил на кол, использовав с этой целью оглобли, а сотоварищей повесил на ёлке. Рыбу

и муку же конфисковал на себя, а обозных мужиков продал в рапство за шведскую границу. Таков был хозяйственный оборот Ильи Иудовича. Вообще же был архитипичнейший русский барин и пиздил все что бежало и пресмекалось от него по лицу земному.

Был он завзятым антисемитом и по сути злобным язычником, поскольку то ли радитель его, Иуда Афанасьевич, был крещен окрестным батюшкой в пьяном виде и в тайной злобе за порчу поповских дочек пухлых как на подбор пироги, то ли напротив был он подозреваем в зачатости невполне соответственной, ибо случилось тогда стоять табором в пределах Парамоновки потерянному колену израилеву. Дворовых его окресные крестьяне ласково кликали «юдовцами», а его многочисленное потомство от тех же дворовых – «юдюштами». Таково было краткое коммюнике Ильи Иудовича Скоцкого. С Victor'ом его связывали отношения сюзеренитета-вассалитета.

– Oh, yes! Je vous comprends parfaitement, – сладострастно кивал посланник трясясь в седле.

– Да что ты понимаешь! – гоношился мелкопоместный. – Ничего ты, колбаса, не понимаешь! Я этих девок столько перепробовал!..

– Oh, yes! Comme c'est vrai! – томно гундосил англичанин.

Изы стояли столбом. Мужик смотрел исподлобья. Кавалькада всадников растянулась. Ис труб шол дым – в деревне ставили хлебы. Мужик смотрел изподлобья. Старухи совещались у колодца. Барский дом с колоннами на пригорке.

– Messieurs, je veux dire que notre chasse est accomplie parfaitement, mais ça n'est pas tout, pas encore, la chasse à la russe n'est pas encore finie. Elle commence encore, vous n'avez goûté que plusieurs gourmandises russes. La chasse vraiment russe est encore avant. Messieurs, vous êtes bienvenus cordialement.

Колосилась озимь. Дым был коромыслом. В полночь разгоряченные вином гости атаковали девичью, а в полвторого выслали эмиссаров в деревню на пополнение. В 4 часа дом

загорелся. Кругом любовались крестьяне и акуратно ловили прыгавших дебошанов вилами.

Victor спасся с посланником по подземным ходом, где пользовался еще Иоанн Грозный. Ход шол на другой берег пруда с беседкой. Посланник сделал Victor'у ножку и Victor влетел головой в кирпичную стену бездыханным.

“Oh, Russia is a promised goddamned hell of all atrocities and of ferocious deeds and outrage,” – подумал посланник. Вслед за ними из подземного хода влез И. Иудович Скоцкий и оперативно придушил посланника шнурками от ботинок. «Я теперь прирезал англичанина и следовательно настоящий славянофил comme il faut. Хороший англичанин – мертвый англичанин,» – завершил свою мысль Илья Иудович и отправился восвояси.

Ванька вдруг проснулся в берлоге. Было светло при зареве усадьбы. Ванька довольно облизнулся. Пахло жареным.

Глава 6

В театре кругом

Все это он докладывал куда следует но был настоящий столбовой 7-коленный из псковско-литовских. Потому-то он сука и глазом не повел когда его братца зарезали (как некую свинью) у него под носом. Вообще же был человек достойный, bonhomme complet débonnaire, и нашпионивал на каждом углу.

«Quelles questions avez-vous, celles-là du citoyen et de l’homme?.. Donc, de côté avec eux!»

Мрачно витая, гр. Филипп сиднем трясся в экипаже. Экипаж таращел козлом на московских мостовых. Свистал кнут-с. Голова Филиппа нелепо болталась. Он развлекался в стекло кареты. Особо плевался он на толстых купчих неодобряя православной обрядности. В кулуарах ждала его Nathalie, бледнея от волнения и ходя по кулуарам. Nathalie была бледная из кордебалета.

Фонарями блестел храм искусства. В киятере шла модная итальянская опера. Вышел разом хор нарумяняных блетчонок и грянул. Жидки из оркестровой ямы запиликали на скрипке. Жидки врезали на тромбоне. Визжала итальянка на содержании обер-камер-юнкера Поприщина, которая раньше содержалась благодетеля кн. К., а еще раньше – покойного государя. Из императорской ложи развлекались наследник и генерал-губернатор. Это он привез в столицу новую труппу, растлив её по-ходу. Публика сморкалась. На галерке мелькали давешние седовласые студенты, из кармана у которых торчал „Manifest der kommunistischen Partei“. Господофицеры вышли в буфет по-маленькой. Nathalie шла по коридору. Она была из кордебалета, бледна и шла по коридору с короткой прической. Не уплатив экипаж, граф быстрее молнии взлетел по анфиладам и пашупав балдахин заключил её в свои объятия. Nathalie кокетничала с графом.

– Ô, comme je t'adore! Comme tu est jolie! – просююкал граф как настоящий шпион.

– Baise-moi, baise-moi sur-le-champ! Déshabille-moi! Je t'attends une éternité entière, tu gars vil, tu petit cochon, tu villain! – Nathalie сделала графу сцену ревностни.

– Je suis allé avec toute ma hâte et vitesse! Mais, mon amour, j'ai été très occupé, j'ai m'affairé bien fort, je remplissais des affaires très importantes d'état, je suis donc un espion! Et, à propos, je viens de témoigner la mort bien cruelle et outrageuse de mon vrai cousin. – Филипп относительно лапал Nathalie и Nathalie дала графу в морду. Nathalie типа кокетничала с графом. Она слегка задернула за корсаж. Ланиты её полыхали. Типа граф догмогался Nathalie.

– Vous êtes ivre, saoul comme une semelle! Ô, comme je vous méprise, comme je vous hais! Vous buvez avec vos camarades dans cabarets sales de plus mauvais genre possible et je me fâne, je m'asfyxe sans vous dans ces coulisses poussiéreuses! Vil garçon, venez donc ici!

Наконец-то они слились в жгучем поцелуе («поцелуй голубова дракона с серым хвостом» – № 132 по картотеке Ху-

Фу-Цзю). Этим специальным китайским поцелуем Nathalie блокировала дыхательные пути графа. Филипп почернел, засосюкал и сник прямо на ковер. Это была тайная месть тайной организации «Черная Народная Воля». Nathalie была там секретаршой.

На лестнице застучали каблуки но было поздно. Нашибивший Филипп издыхал. – А Зохен-Вей! Не пропадать же добру! – сокрушался саломон. Акуратно снятую голову Филиппа положили в портфели и простучали сапогами взад. Пархатые руки потащили Nathalie на черной месе.

Продолжение to be continued

Об авторах

Светлана Волкова закончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета (романо-германской филологии). Лауреат премии Куприна 2013 г., золотой призёр литературного фестиваля «Русский Stil» в номинации «Проза» – 2014 г. Живет в Санкт-Петербурге.

Сергей Ерофеев родился в 1984 г. В 2006 году окончил экономический факультет Сибирского государственного индустриального университета.

Преподаватель экономических дисциплин, литератор, путешественник. Член Русского географического общества. Автор нескольких книг повестей и рассказов. Живет в Новокузнецке.

Анастасия Галкина родилась в 1987 году. Закончила Литературный институт имени М. Горького (факультет прозы, мастерская А. Королёва), Высшие курсы сценаристов и режиссёров (мастерская В. Меньшова). Живет в Москве.

Андрей Железников – писатель, журналист. Живет в г. Жигулевске Самарской области.

Антон Заяханов родился в 1994 году в городе Улан-Удэ, Республика Бурятия. Студент НИУ ВШЭ (факультете права) г. Москва.

Алла Мелентьева родилась в Донецке, филолог, автор романа «Девушки Достоевского» (СПБ, Лимбус Пресс). Лауреат премии имени Марка Алданова. Живет в Киеве.

Георгий Панкратов родился в Санкт-Петербурге. Фина-

лист независимой литературной премии «Дебют», лауреат литературного конкурса «Северная звезда 2014».

Публикации: «Нева» (Санкт-Петербург), «Волга» (Саратов), «Кольцо А» (Москва), «Иные берега» (Хельсинки, Финляндия), «Литтература», «Артбухта» (Севастополь), «Новая реальность», «Ликбез», «Современная сетевая словесность». Живет в Москве.

Андрей Прокофьев родился в 1989 г. Учился в филиале ВГУЭС в Находке. Живет в Южно-Курильске.

Олег Пряничников родился в 1969 году. Печатался в журналах «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Крокодил», «Вокруг смеха», «ЛитОгранка», «Союз писателей», в газетах «Уральский рабочий», «Литературная Россия». Автор книги «Игра длиною в жизнь». Живет в городе Верхняя Салда Свердловской области.

Степан Ратников родился в 1982 г. в Дивногорске. Закончил КГУ, факультет журналистики. Автор нескольких книг прозы, лонг-листер премии «Дебют 2014». Живет в Санкт-Петербурге.

Юлия Старцева родилась в 1969 г. в Норильске. Окончила факультет филологии и журналистики Красноярского государственного университета. В 1997 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького (Москва).

Участник и призер фестиваля писателей-фантастов «Белое пятно» (Новосибирск, 1994). Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996). Участник Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа-2000» (Москва, 2000). Делегат III съезда СРП (Смоленск, 2004). Член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии Фонда им. В.П. Астафьева (1996) и премии «Вдохновение» (1997). Живет в Санкт-Петербурге.

Инесса Ципоркина родилась в 1965 году. По образованию биолог, искусствовед. С 1998 года работает журналистом, опубликовала более 200 статей в различных журналах; автор более 25 книг в соавторстве с Еленой Кабановой, вышедших в издательствах «Питер-пресс» и «АСТ-пресс». Живет в Москве.

Василий Ширяев родился в 1978 году в Елизово. Прозаик, критик. Закончил Камчатский педагогический институт, работает библиотекарем. Печатался в журналах «Урал», «Вопросы литературы», газете «Литературная Россия». Лауреат премии имени Демьяна Бедного, премии журнала «Урал». Живет в поселке Вулканном Камчатского края.

PROCES

Nº 3 (5) 2014 (červenec–září)

Literární časopis

ISSN 2336-131X

Vydavatelství

Animedia Company s.r.o.

Jindřicha Plachty 595/6, Smíchov, 150 00 Praha 5, Česká republika.

animedia.company@gmail.com

Redakce:

Šéfredaktor Mgr. Anton Nečaev, ant-nechaev@yandex.ru

Redaktor Mgr. Alexander Slemzin, aa.slemzin@gmail.com

Technický redaktor Ing. Artem Illarionov, art.illarionov@facebook.com